

ВОКРУГ **СВЕТА**

8 1976
АВГУСТ

Высота в две тысячи метров, на которой находился Большой Телескоп Специальной астрофизической обсерватории, сказывалась. С неприятки побаливала голова, тяжелее дышалось. Хотя уже вовсю кипела весна и в долинах начинали сев, здесь еще лежал снег. Погода менялась непрерывно. С утра над горами висели плотные облака, к обеду они спустились, и работавшим здесь людям отнюдь не умозрительно пришлось повисать в облаках.

Два молодых астронома, проходивших в обсерватории преддипломную практику, признались мне, что, выйдя из башни, они едва не потерялись в густом облачном заряде. Не зная, в какую сторону идти, ребята долго стояли, боясь двинуться с места, пока не подбежала рыженькая знакомая собачонка, которая и вывела их к жилью.

Ближе к вечеру облачные волны были так велики, что казалось, стоит густой туман. Изредка в просветах его возникала серебристая, будто потерявшая вес огромная башня. Я подумал, что астрономы, отдыхая сейчас, как обычно, перед ночным дежурством, наверное, волнуется, глядя на эту хмарь. Не случайно погоду на ночь здесь не любят предсказывать; обычно говорят, что может быть всякое...

И все-таки место для БТА — как все называют Большой Телескоп Азимутальный — было выбрано именно в горах Северного Кавказа. Перед самым заходом солнца облачность пометалась, как застигнутая врасплох птица, но в конце концов сдалась, смиренно улеглась у ног, заполнив долины белой всклокоченной пеной. Остроконечные, заснеженные вершины гор поднялись из пелены, как из застывшего океана, придав пейзажу какую-то неземную, космическую отрешенность. И башня, стоя в одиночестве, выделяясь осмысленностью форм, казалась автоматической станцией, только что опустившейся на далекую планету. В тишине был слышен приглушенный рокот не смолкающих ни на минуту вентиляторов, которые охлаждали воздух внутри сооружения. Делалось это для того, чтобы огромное шестиметровое зеркало телескопа

не деформировалось от теплового удара. Как я узнал, перепад температур его поверхности и воздуха не должен был во время наблюдений превышать десяти градусов, и правило это неукоснительно соблюдалось.

В семь часов вечера за мной в гостиницу зашел Иван Михеевич

В. ОРЛОВ,
наш спец. корр.
Фото автора

ЗВЕЗДНАЯ ВАХТА

Копылов, директор САО, который собирался провести ночь в башне.

Дорога от гостиницы сначала шла вниз, затем поднималась, и башня телескопа с приближением к ней начинала напоминать храм...

— Не торопитесь, сбавьте шаг, — сказал Копылов, услышав мое учащенное дыхание. — Успеем. В первые дни на высоте всегда так.

Сумерки быстро сгущались, небо темнело, виднелись крупные яркие звезды, и это, очевидно, радовало Ивана Михеевича, настраивало на благодухный лад. «Чудная будет ночка», — довольно сказал он.

Забрало на башне было полнотью открыто. Огромное кольцо, державшее кабину астронома, напоминало циклопический глаз, выглядывающий из сумеречной глубины. Я вспомнил дневное путешествие по этажам БТА и

сказал, что больше всего меня поразила простота конструкции телескопа. Схема как в школьном учебнике. В основе вогнутое зеркало, и больше ничего.

— Простота, говорите, — усмехнулся Копылов. — Схема-то, конечно, может быть, и проста. Только, пожалуй, это самая сложная, самая современная конструкция телескопа в мире...

Мы остановились передохнуть, и Копылов, которого, видно, задело мое непрофессиональное суждение, продолжал:

— От всех остальных БТА отличается не только превосходящими размерами, но и монтировкой. Она у телескопа азимутальная, тогда как все другие телескопы ориентированы на Полярную звезду. Азимутальная установка сложнее, но именно она дает возможность не ограничивать размер зеркала. Правда, такой телескоп рассчитан только на работу с электронно-счетной машиной. Хотя проект его создавался шестнадцать-семнадцать лет назад, когда электронно-вычислительная техника еще не была так совершенна, он создавался с расчетом на ее прогресс...

И еще представьте, что это огромное, в восемьсот с лишним тонн, сооружение вращает крохотный, в полкиловатта, моторчик. Вы, например, могли бы повернуть телескоп одной рукой. И это потому, что конструкция удерживается не на подшипниках, а на тонком слое масла, подаваемого под огромным давлением. Нет, здесь все далеко не просто, — закончил Копылов.

Мы уже подходили к БТА. Сугробы снега вдоль дороги, которую не так давно пробивали бульдозеры, были в человеческий рост. Вспомнились рассказы о небывалых снегопадах этого года, о ветрах, дувших с такой силой, что людям приходилось брать за руки и идти цепочкой... Даже деревья не росли на вершине горы. Они жалась по склонам, а у крепких горных сосен макушки были погнуты и искривлены. Нелегко пришлось здесь строителям...

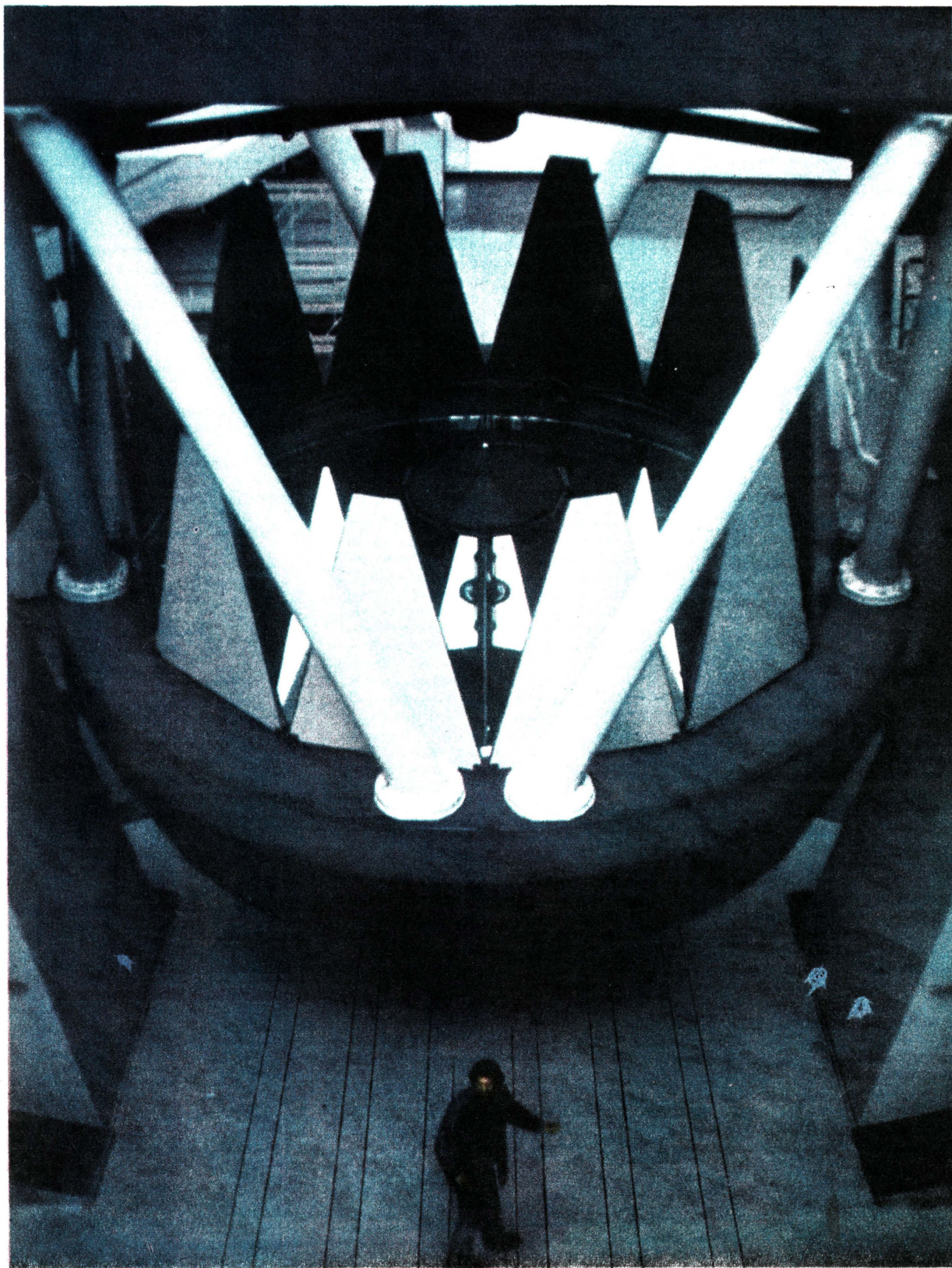
В здании было темно и тихо. Включив фонарик, мы прошли по кольцевому коридору, поднялись на лифте на один этаж. Вышли.

4029/8

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И ФАНТАСТИКИ

Ни души. Потом поднялись на другой, третий. И тут только впервые увидели человека: девушка за столом с настольной лампой записывала показания самописцев, регистрирующих температуру.

Мы прошли эту комнату и оказались у пульта управления. Одна стена была полностью стеклянной, за ней угадывался в темноте телескоп. Борис Тлисов, дежурный инженер-электронщик, в одиночку готовил телескоп, проверяя исправность различных агрегатов.

Часы на пульте показывали звездное время. Светились оранжевым светом координаты звезды, выбранной для настройки. Словно с мороза вошла раскрасневшаяся Ира Белинская, астроном, которая должна была сегодня работать на пульте. «Все готово», — негромко произнес Тлисов.

Иван Михеевич молча потянул меня к двери, мы вошли в зал.

Тут тоже было сумеречно и пустынно, как в храме. Серебристый купол чуть отсвечивал пробивавшимся откуда-то электрическим светом, щель в крыше была совсем черной. Зал был так огромен, что здесь без труда затерялся бы десяток человек, отчего я даже не заметил сначала одиноко стоящего у смотрового отверстия астронома. «Игорь Караченцев», — представил его Копылов. Одетый в меховую шубу и лыжную шапочку, астроном держал в руках небольшой чемоданчик с фотопластинками. «Холодновато сегодня», — сказал он Копылову. — «Отличная будет ночь». Они заговорили о предстоящей программе наблюдений. Заслушавшись, я вскинул голову и едва не вскрикнул от неожиданности. Мне показалось, что стальные штанги телескопа искривляются, как резиновые, готовые вот-вот рухнуть на нас. Инстинктивно я сделал шаг назад, и тут же астрономы поехали от меня. «Нет, это вы едете», — как бы между прочим, сказал Копылов, и только тут я заметил, что все бесшумно пришло в движение. Подчиняясь программе, заложенной в память машины, одновременно поворачивался и тысячетонный купол башни: телескоп, вращаясь вокруг оси, клонился в нашу сторону. Когда все замерло, Караченцев подошел к невысокой стремянке, поднялся по ней и оказался у двери черной, похожей на космическую капсулу кабины.

Как я мечтал, отправляясь на БА, посидеть в этой кабине вместе с астрономом! Посмотреть на

звезды, которые еще никто не видел. Пожалуй, только здесь можно прочувствовать, как несется наша Земля в просторах безграничного космоса. Говорят, что стоит остановиться зеркалу, направленному на звезды, как они тут же начинают бежать по его поверхности... Но в кабине невероятно тесно, она рассчитана только на одного. Второй человек может лишь стоять, теснясь к приборам и мешая наблюдателю.

Пристроив на шею ларинги, проверив связь, Игорь захлопнул стальную дверцу с окошком, в которое мог наблюдать звезды, и произнес почти космическую фразу: «К подъему готов». В ту же секунду кабина послушно вознеслась на 24-метровую высоту. Там, в одиночестве, на холоде астроном проведет эту ночь, разговаривая по телефону лишь со своим дублером.

В зале совсем погас свет, и, уходя, в едва различимой темноте я заметил, как медленно, словно цветок кувшинки, раскрываются лепестки гигантского зеркала. Копылов сказал, что, пока зеркало приноравливается к температуре, оно колеблется, как поверхность пруда при легком ветерке. И это отлично видно астроному.

Сейчас на поверхности зеркала, в зале, в стенах купола и внутри штанг телескопа было установлено множество датчиков температуры. Наблюдения, которые проводились в эту ночь, были испытательными. Пока выверялись способности телескопа — и не более того. Настраиваясь на заданные программой участки неба, астрономы с помощью различных приборов фокусировали телескоп на те или иные звезды. Данные датчиков заносились в память машины, чтобы в дальнейшем, когда начнутся научные наблюдения и когда каждая минута работы телескопа будет на учете, фокусировка происходила автоматически, быстро и без хлопот.

В комнате пульта управления было темно. Светились лишь цифры на табло. Копылов сказал, что порой астроном, снимая звезду на фотопластинку, приказывает выключить и этот свет. На экране «гида» — прибора, который помогает астроному отыскать звезду, — появилось светлое пятнышко величиной с копеечную монету. «Если видишь звезду, бери управление на себя», — громко произнес женский голос.

— Как называется эта звезда? — спросил я у Ивана Михеевича.

— Лишь около сотни звезд имеют собственные имена, — ответил он, глядя на табло. — Другие записаны в каталогах по номерам. Только в нашей Галактике их насчитывается до 100 миллиардов. Галактик же в пятиметровый телескоп на Маунт-Паломаре можно наблюдать до 500 миллионов... Очевидно, это одна из тех звезд, которую запланировано наблюдать по сегодняшней программе.

И, считая, что больше ничего интересного я здесь не увижу, Копылов опять увлек меня за собой. Подсвечивая фонариком, мы прошли через несколько дверей, спустились на лифте на первый этаж и вошли в кабинет. Копылов закрыл шторы и только после этого включил свет настольной лампы, которую перенес подальше от окна, в нишу. «Надо ждать, когда Караченцев спустится, — сказал он, — тогда посмотрим проявленные пластинки».

Ждать, как я понял, нужно было до утра.

Впервые присутствуя при работе самого большого в мире телескопа, видя здесь, в поднебесье, умейшую технику, нацеленную на звезды, я, признаюсь, был взволнован. Но по беспокойным глазам Копылова понял, что и он втайне восхищался тем же.

— С помощью этого телескопа мы заглянем в такие дали вселенной, куда еще не заглядывал никто, — возбужденно говорил он. — Мы рассмотрим квазары, галактики, свет от которых идет десять миллиардов лет. Представляете?! От Луны свет идет секунду, от Солнца — восемь минут. От ближайшей звезды — два года. И десять миллиардов лет! Мы увидим сверхдалекое прошлое, что даст нам возможность еще лучше постигнуть законы строения вселенной...

Пятнадцать-двадцать тысяч лет человек наблюдает за небесными светилами, но истинная картина меняющейся, богатой «скачками» и взрывами вселенной начала проявляться только в последние двадцать пять лет, когда стало возможным строительство больших телескопов — оптических и радиоастрономических. В паре с БА будет работать РАТАН-600, самый большой радиотелескоп в нашей стране, находящийся неподалеку от горы Пастухова.

— Мы не будем смотреть на Солнце и планеты нашей Галактики, — говорил Копылов. — Это не объекты для нашего теле-

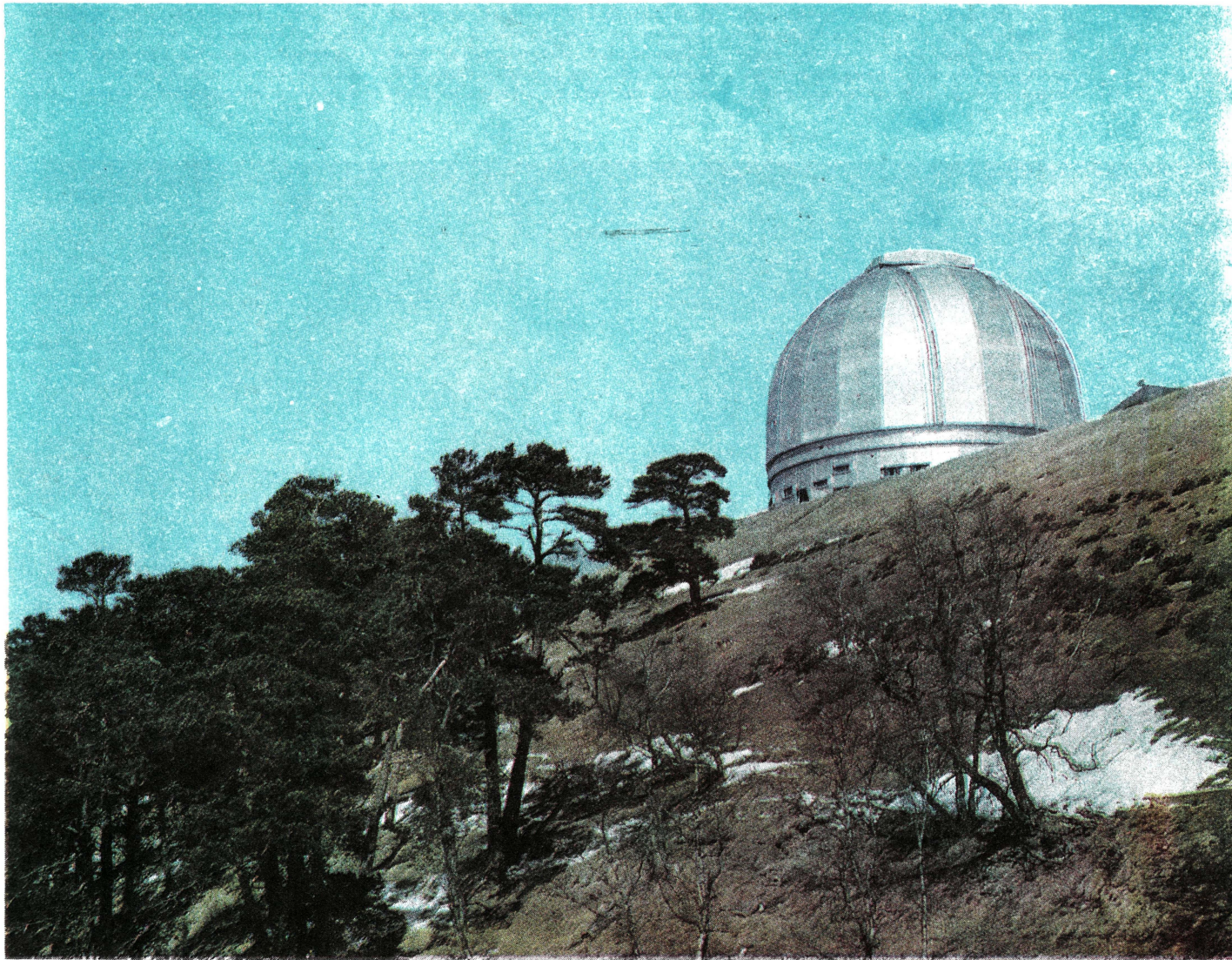

скопа. Основная наша задача — внегалактическая астрономия. При проверке мы прошли рубеж, который был достигнут американцами на пятиметровом телескопе в Паломарской обсерватории. И пойдем дальше. Здесь лучше

ходится заглянуть в зеркало самому. Из отверстия тянет холодом. Посмотришь-посмотришь, глядишь, глаз к утру и припухнет...»

У Караченцева худощавое, резко очерченное лицо. С горбин-

возможно; пытаешься сделать как можно больше за ясную ночь. При облачности работать сложнее, надо оперативно решать, куда, в какой участок неба, перебросить телескоп, в какую «дыру» просунуться. Но, в общем-то, звезды и

астроклимат. Телескоп стоит выше, прозрачнее атмосфера. И хотя площадь зеркала нашего телескопа больше в 1,4 раза, БТА позволит наблюдать вдвое большее пространство...

Была середина ночи. У Караченцева самый разгар работы. Я представил, как он, сняв пластинку, прищурившись, ищет нужную звезду и, найдя, быстро проводит фокусировку. «За ночь, — сетовал он, — раз двадцать при-

хой нос, длинные волосы. Мне казалось, что он похож на Коперника и, вероятно, догадывается об этом. Перед тем как подняться в кабину, Игорь говорил:

— Когда вся эта махина, подчиняясь твоему, едва слышному движению губ, в ту же минуту приходит в движение, чувствуешь себя чем-то вроде биологического элемента, встроенного в электронный мозг... Поэтому стараешься работать, не уступая электронике, если такое, конечно,

в БТА видишь такими же — белыми светлыми точками — и постепенно успокаиваешься, начинаешь думать только о работе...

К трем часам меня стало клонить ко сну. «Аклиматизация. В порядке вещей», — определил Копылов. Сам же он был бодр и как ни в чем не бывало стал рассказывать о первом нашем большом телескопе, который был заказан в 1909 году. Зеркало его размером в метр делали англи-

чане. Первая мировая война прошла, Октябрьская революция свершилась, только в двадцать пятом году заказ получили. Красин, наш торгпред, долго его «выбивал». Не соглашались англичане получать за зеркало советскими рублями...

— Много интересных открытий было сделано на том телескопе в Симеизе. И не случись Великой Отечественной войны, он бы еще послужил, — вспоминал Иван Михеевич. — В войну, перед окку-

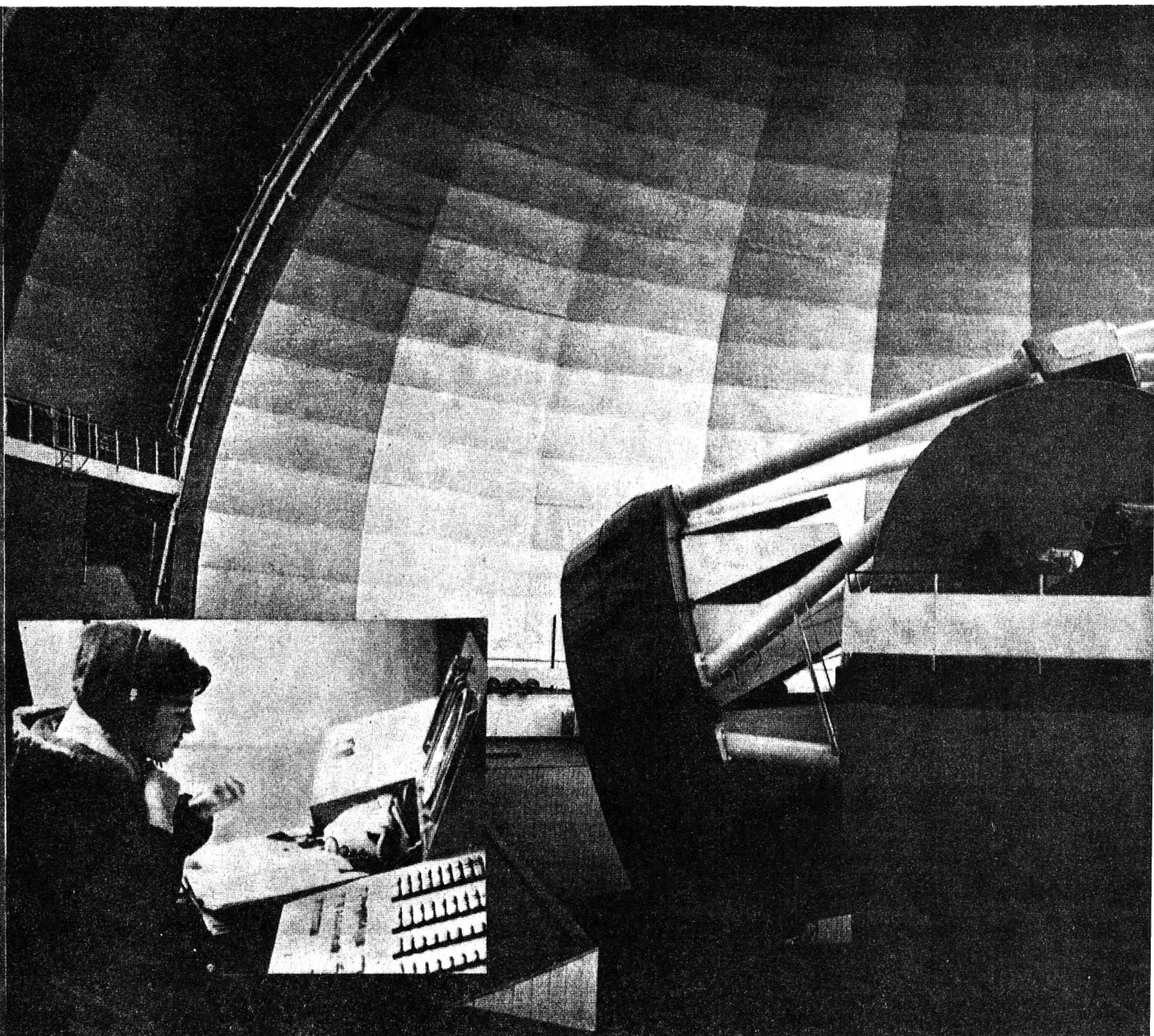
пацией зеркало сняли и зарыли в землю. Астрономы на фронт ушли. Но нашелся предатель, выдал фашистам место, где было спрятано зеркало. Костры на нем разжигали, из винтовок по нему стреляли. В здании обсерватории фашисты устроили конюшню, а перед уходом все сожгли. Телескоп разобрали на части, а детали отвезли на металллом...

Пулковской обсерватории тоже практически не существовало. Помните, как раз на Пулковских вы-

сотах проходили ожесточенные бои.

— С этого, с ничего, — помолчав, сказал Копылов, — и начинали.

...В пятидесятых годах пятнадцать экспедиций астрономов разъехались по всей стране, чтобы отыскать место для телескопа будущего. Неплохой астроклимат был обнаружен, к примеру, в Средней Азии. Но как туда перевозить стонные детали? Советовались с авиаконструкторами, бу-

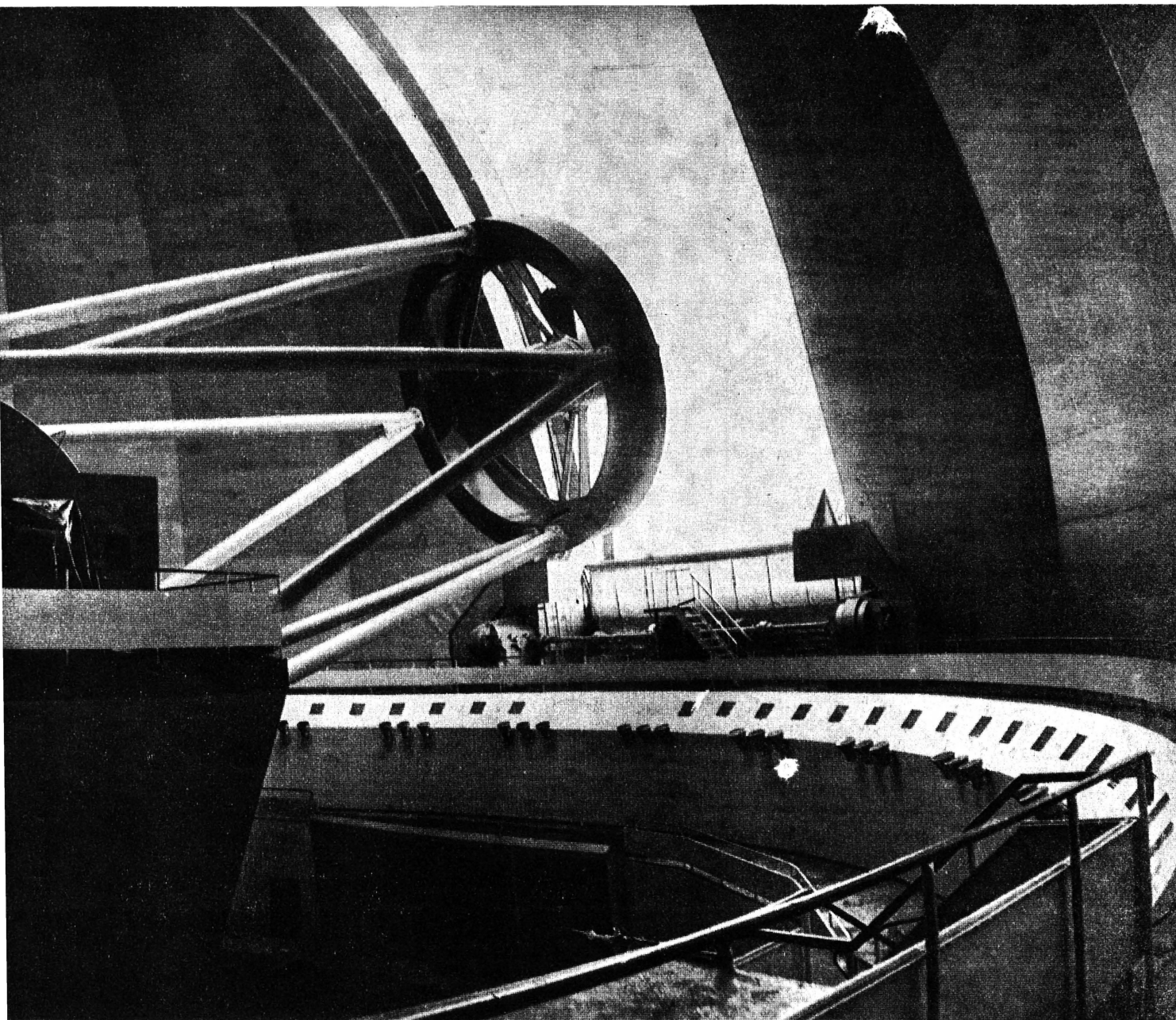

дут ли к тому времени летательные аппараты, которые смогут поднять их? На горе Пастухова остановились, в частности, потому, что тут уже была дорога. Осталось лишь проложить шоссе к вершине.

В Челябинске построили специальные трейлеры, которые могли въезжать на баржу вместе с грузом. По рекам их довели до Ростова на судах, дальше они шли своим ходом. Водители тягачей, перевозя детали конструкции, по-

степенно свыкались с работой, изучали дорогу.

В семьдесят третьем году была проведена генеральная репетиция. С имитатором, металлической болванкой, по форме и весу равной зеркалу, машины прошли от завода до места назначения. Имитатор находился в герметичной камере-оправе, в которой должны были затем везти зеркало. Внутри были установлены датчики температур и вибрации: за показаниями их круглосуточно следи-

ли люди, ехавшие тут же, на платформе трейлера.

От Ростова машины шли под эскортом милиции, дорога перекрывалась, двигались со скоростью восьми, а то и двух километров в час. «Не знаю, — говорил Копылов, — когда мы сильнее волновались: когда везли тот кусок железа или когда те же водители на тех же тягачах переправляли зеркало...»

— Только в семьдесят четвертом году, — помню, закат был, солнце сверкало! — автопоезд с зеркалом появился на горе Пастухова. Что тут было! Как говорят, поднялись и хромой и больной. Шоферов с хлебом-солью встречали...

На следующее утро осмотрели зеркало — цело! Но, по правде говоря, это еще не зеркало было, а лишь отшлифованное стекло. Поставили его на телескоп и до мая следующего года с ним работали — получалось как с полутораметровым телескопом. А в мае в специально построенной вакуумной камере открыли стекло алюминием. Сложнейшая операция, которая впервые проводилась не на заводе, а в горах, у телескопа.

В этом году, — закончил Копылов, — проведем последние испытания — и милости просим ученых. Желających поработать на БТА предостаточно. Американские ученые, кстати, уже выражали желание...

С Игорем Караченцевым я встретился только через два дня. Говорили, что он спустился вниз. В Зеленчуке, горной речушке, пошла форель, и ее ловили на удочку. Я подумал, что астроном тоже пропадает там.

Игорь рассмеялся, когда я сказал ему об этом. Он пришел в столовую в меховых брюках с помочами (такие носят в Антарктиде) — очевидно, собирался на дежурство.

— Нас, астрономов, — сказал он, — увидеть так же трудно, как кротов. Разыскивать легче всего ночью. А кстати, — спохватился он, — в ваше присутствие на БТА было сделано первое астрономическое открытие. На фотопластинке мы обнаружили слабую полосу. Думали, что неизвестная комета. Повторили съемку, материалы послали в Ленинград, на исследования. Вероятно, это небольшая планета. Астероид в километр диаметром.

«Ну вот, — подумалось мне, — эпоха открытий самого большого телескопа в мире началась».

ЦВЕТА БУЛЬВАРА СЕН-ЖЕРМЕН

„Тот, кто не знает левый берег Сены, между улицей Сен-Жак и улицей Сен-Пер, тот ничего не смыслит в жизни человека! — так писал Бальзак.

Обе улицы когда-то служили пределами Латинского квартала — университетского сердца Парижа, древней студенческой страны, района Сорбонны и Французской академии. Квартал давно уже вышел за эти границы. Насчет «жизни человека» — не уверен, но, перефразируя Бальзака, смею утверждать: «Тот, кто не знает левый берег Сены, тот ничего не смыслит в жизни французского студенчества».

Начнем с того, что Латинский квартал в наши дни куда больше, чем квартал: от Сен-Жерменского предместья на западе до улицы кардинала Лемуана на востоке, от набережных Сены на севере до бульвара Монпарнас на юге — таковы примерные размеры Картье Латен.

Название улиц — вот что скорее всего соответствует профилю района: улица Школ, улица Медицинского факультета, мост Искусств, бульвар Распай — по имени известного демократа и естествоиспытателя, участника революций 1830 и 1848 годов, улица Монж — в честь крупного математика, члена Французской академии, наконец, улица Университета. Можно назвать другие достопримечательности. Аббатство Сен-Жермен-де-Пре, основанное — задолго до университетов — в VI веке королем Хильдебертом I. Люксембургский сад и театр Одеон. Книжные лавки, библиотеки и музеи, многочисленные кафе Монпарнаса. Собственно Сорбонна, старейшее учебное заведение Парижа, детище богослова Сорбона, жившего семь веков назад, и — его следовало бы назвать в первую очередь — перекресток бульваров Сен-Жермен и Сен-Мишель, средоточие квартала. Все это Картье Латен.

А вообще точные границы страны парижских студентов определить трудно — они пролегают не между домами, а между людьми...

Эту страну отличают от других столичных районов особая молодежная атмосфера, вольный студенческий дух. Тишины в Париже нет совсем: два миллиона автомобилей для восьмимиллионного населения — не шутка. Но в студенческом районе шум особый. Не боясь повториться, скажу: студенческий...

Пик активности в «мирное время» приходится на вечер — на семь-девять ча-

ЕВГЕНИЙ БАБЕНКО,
корреспондент ТАСС во Франции —
для «Вокруг света»

Латинский квартал, весна ...

сов. Наряды на бульваре Сен-Жермен — нечто невообразимое. Смещение всех мод всех континентов: коротенькие шорты, те, что на американский манер зовутся «хот пэнтс», сандалии, деревянные сабо, джинсы всех видов, расклешенные макси-юбки — это в теплое время. В холодные дни — длинные самовязанные шерстяные жилеты и совсем уж непомерные — шарфы с бахромой. Где то прошлое, когда обитателей Латинского квартала можно было узнать по черным широкополым шляпам? А школяры давних веков и вовсе за версту заметны были: носили корпоративные черные береты... В любое время года в Картье Латен — гомон, шум, суета...

«Мирное время» — это не оговорка. Дальше речь пойдет не о зиме и не о лете, а о весне 1976 года. И эту весну мирной никак не назовешь. Латинский квартал, все вузы Парижского района, практически все университеты страны охвачены забастовка.

Три месяца многоликую армию французского студенчества лихорадило и дергало в разные стороны. И вот — май. Бурные дни уже позади. Движение замерло, как бы готовясь к прыжку. Но куда? Дагь прогноз трудно. Я хочу найти ответ сначала для себя, наведываясь в Латинский квартал, беседую со студентами. Перед глазами — прежняя многокрасочность уличных толп. А в памяти — красные, зеленые, черные флаги над колоннами манифестантов.

Скажу заранее: студенческая борьба не привела к какому-либо ощутимому положительному резуль-

тату. Не так давно несколько ведущих организаций, в том числе наиболее здоровый и действенный союз ЮНЕФ-«Ренуво»¹, призвали участников движения прекратить слишком долгую и на каком-то этапе потерявшую силу забастовку, вернуться в университетские аудитории и возобновить занятия. Сразу же огсиорюсь. Выражение «вернуться в аудитории» справедливо только по отношению к некоторой части студентов: либо к тем, кто большую часть времени проводил в уличных манифестациях, либо, наоборот, к тем, кто, с воодушевлением приняв забастовку, увидел в ней лишь... внеочередные каникулы. Многим же, в сущности, никуда и не надо было возвращаться. Они и так дни и ночи занимали учебные помещения еще с февраля. Здесь собирались так называемые «генеральные ассамблеи», проще говоря, митинги, здесь же «держали оборону». Для возобновления лекций студентам следовало бы всего-навсего проветрить задымленные аудитории да еще потесниться от дверей, пропуская преподавателей к кафедрам...

Пора сессий в большинстве французских высших учебных заведений приходится на июль. Только в середине лета окончательно выяснится, сдадут ли участники забастовки экзамены и будут ли выданы дипломы выпускникам. Всю весну студенты волно-

¹ «Национальный союз французских студентов — Обновление», руководимый студентами-коммунистами. (Прим. ред.).

вались: как быть, если власти объявят только что закончившийся учебный год — «белым годом» (мы еще вернемся к этому термину). А пока, повторяю, ясно одно: мощное студенческое движение против разработанной правительственными кругами формы высшего образования, движение, имевшее немало шансов на успех, победой не увенчалось.

Вернемся в Латинский квартал, каким он был несколько недель назад. Колонны студентов волнами набегают на левый берег Сены — растекаются по Латинскому кварталу, Сен-Жерменскому предместью, Монпарнасу... Цвета флагов, колышущихся над рядами, я уже назвал. Разберемся, что это такое. Черные флаги — анархисты. Зеленые — «экологисты», последователи бывшего кандидата в президенты профессора Рене Дюмона, горячего приверженца охраны окружающей среды. Вопросы экологии всерьез волнуют студентов. Это не удивительно. Над городом постоянно висит облако автомобильных выхлопов. Сена превратилась в мертвую реку. Как горько шутят парижане, воды в Сене ровно 50 процентов.

Под красными флагами могут идти не только студенты-коммунисты или представители ЮНЕФА, но и леваки из «Революционной коммунистической лиги», возглавляемые Аленом Кривинном (не следует обольщаться насчет «р-р-революционного» названия), и члены маоистских группировок. Понять, кто есть кто, весьма трудно, особенно поначалу...

А вот что такое МАРК? Над головами манифестантов — плакат «Предпринимателей — вон из университетов!» и транспарант с пояснением: «МАРК стал МАСом». Чобы не запутаться, сразу поставлю точку над «и»: МАРК — это сокращение «Движение действий и критических исследований». Так до недавнего времени именовала себя одна из организаций, но в разгар студенческих выступлений она сменила название, стала «Движением профсоюзных действий», короче — МАСом. Эта группа близка к ФДКТ, второй после ВКТ (Всеобщей конфедерации труда) профсоюзной организации страны, во многом отражающей взгляды Объединенной социалистической партии.

Дальше КЛЕРЮ — «Комитет связи между студентами по обновлению университетов» — левацкая группировка, мечащаяся между другими леваками. КОЗЕФ — близкий к социалистам «Комитет за создание профсоюза французских студентов»... Есть и второй ЮНЕФ, объединяющий троцкистов, которые откололись от ЮНЕФА первого. Словом, потеряться легче легкого. А ведь пока названа только часть организаций из разномастного левого блока. За «лигой» Кривина часто плетутся гошисты из группы «Революция!». Прочие...

Очень раздроблено левое студенчество во Франции. И в этой дробности — величайшая его беда. Чем больше всяких комитетов, групп и группок, тем меньше боится студентов реакция. Буржуазные политики на словах очень охотно «солидаризируются» с молодежью, делают вид, будто готовы передать ей бразды правления. Не сейчас, конечно, но когда-нибудь...

Плачевно и то, что «ударные» действия гошистов отпугивают, отталкивают колеблющихся студентов от участия в борьбе. Когда леваки швыряют камни в окна, бьют витрины, колотят, шествуя по улицам, в жестяные тазы и котелки, малюют краской на стенах домов огромные лозунги, — результат всегда один: ряды противников забастовки естественным образом растут, обыватель приходит в ярость, кричит о распухлости молодежи, ругает за применение крутых мер, а полиция имеет основания пустить в ход вооруженную силу.

Студентов — теперь уже всех, а не только леваков, — встречают дубинками, прикладами, гранатами со слезоточивым газом. Поэтому многие манифестанты предусмотрительно надевают мотошлемы. Научены опытом... Над головами бастующих стрекочут вертолеты: с высоты легче определить «смутьянов» и выделять среди них вожаков — тех, кому позже будет предъявлено обвинение в организации беспорядков...

Теперь бросим взгляд, кто собрался по ту сторону баррикад. Там располагаются не только правительственные «силы порядка». С противоположной стороны — и фашисты из движения «Группа — союз — защита» (ГЮД), и крайне правые из «Меж-университетского национального союза», и «умеренные» из «Комитета по связи между студентами Франции» (КЛЕФ)...

«БЕЗРАБОТНЫЕ? НЕТ!»

Французская пресса часто сравнивает нынешнюю забастовку с волнениями мая 1968 года. Сравнение одновременно справедливо и несправедливо. Прежде чем мы сделаем попытку разобраться, что происходит сейчас, вспомним основные события восьмилетней давности.

Волнения начались, в сущности, не в мае, а в марте 1968-го, в университете парижского пригорода Нантера. А третьего мая полиция разогнала студенческий митинг в Латинском квартале. Студенты выступали против косной структуры высшего образования, против устаревших учебных планов, дискриминационных правил на экзаменах, требовали отменить кастовые привилегии в университетах, расширить сеть учебных корпусов, увеличить число преподавателей (некоторые группы в университетах достигают... сотни человек). Полиции удалось справиться с митингующими. Но тут случилось непредвиденное: большинство вузов Франции объявили протест. Впервые за 700 лет своего существования Сорбонна... закрылась.

Были демонстрации, многотысячные митинги, шумные дебаты по поводу «культурной революции», баррикады, полицейские дубинки, слезоточивый газ. Около тысячи студентов получили ранения.

А когда рабочие Парижа поддержали студентов и влились в ряды демонстрантов, правящие круги сочли положение слишком серьезным и объявили о реформе высшего образования. Парижский университет был поделен на 13 независимых университетов, рассеянных по всей столице. Только семь из них остались в Латинском квартале. Итак — децентрализация. А что еще? Еще — некоторая автономия университетов. И все...

Весной 1976 года рабочие, служащие, инженеры и техники, прогрессивные партии тоже поддержали студентов, и поэтому массовый характер нынешних выступлений вполне можно сравнить с маем шестьдесят восьмого. Взять хотя бы четверг, 15 апреля: сорок тысяч манифестантов в Париже, пять тысяч в Бордо, четыре тысячи в Марселе — все поддерживают лозунг ЮНЕФ-«Ренуво» — «За координацию действий бастующих факультетов!» И итог: сотни петиций в адрес правительства, только в Париже около двух сотен арестов, множество раненых.

Учтем, что это лишь один день. А за долгие месяцы забастовки занятия прекратились во всех университетских центрах Парижа и Парижского района, бастовали студенты Тулузы, Амьена, Ренна, Лиона, Гренобля, Марселя, Бордо, Клермон-Феррана, Ниццы, Нанси... На центральных улицах крупных городов страны то и дело появлялись многолюдные студенческие демонстрации. И наиболее популярный лозунг в рядах их участников был следующий: «Студенты? Да! Трудящиеся? Да! Безработные? Нет!»

Здесь наконец-то пора вникнуть в причины движения и понять его цели, кстати, во многом отличные от целей 1968 года. Объявлять забастовки, выходить на улицы студентов Франции заставляет серьезная тревога за свою судьбу: безработица среди молодежи растет катастрофически, дипломы обес-

цениваются, «девальвируются». Экономический кризис, который — наравне с другими капиталистическими странами — поразил Францию, неизбежно сказался и на студенческом мире.

Приведу несколько широко известных во Франции фактов. В стране около 800 тысяч студентов — больше, чем в Западной Германии и Великобритании, вместе взятых (приблизительно треть этого количества приходится на Большую Париж). Из них — так говорит практика — только 80 тысяч получают дипломы, и лишь половина этих последних сможет устроиться в системе высшего образования, научно-исследовательских институтах или же в административной сфере. А если говорить более наглядно, в настоящее время из 100 дипломников высших технических учебных заведений лишь 17 человек получают места по специальности в учреждениях и промышленности. Остальные — и с дипломами и без — либо пополняют армию безработных, либо берутся за любое подвернувшееся занятие и через несколько лет теряют квалификацию.

Неудивительно, что в нынешнем году французские студенты повели активную борьбу против предлагаемой правительством реформы высшего образования, так называемой «реформы второго цикла». Если говорить словами официального текста, то суть ее сводится к тому, что административные органы «факультетов словесности, права, социальных наук и точных наук должны разработать новые программы обучения, которые учитывали бы возможности региональных рынков рабочей силы». Как это понимать?

Реформа предполагает деление университетов на небольшие «цехи», где готовились бы только такие специалисты — слово «винтики» здесь вполне уместно, — в которых испытывают непосредственную нужду ведущие тресты и концерны.

Монополиям необходимы послушные, безропотные технические исполнители их воли, и посему новой реформой предусматривается беспрекословное подчинение учебного процесса интересам предпринимателей, а также значительное сокращение общеобразовательных курсов: философии, истории, литературы.

Студенты прекрасно разобрались в официальном тексте. Они поняли и то, что станет с «париями», не попавшими в потребное концернам число специалистов, и ту угрозу, которая нависла над всей системой университетского образования.

— Как бы вы определили смысл нынешней забастовки? — спрашивал я у участников манифестации.

И слышал в ответ:

— Мы хотим учиться по тем профилям, которые выбрали сами!

— С какой стати мы должны «переобразовываться»!

— Скоро на всех предприятиях висеят таблички: «Посторонним вход воспрещен». А посторонние — это мы!

— Не допустим, чтобы университеты превратились в прислужников трестов!

А национальный секретарь социалистической партии Мишель Рокар, выступая в одном из парижских университетов, высказался так:

— Капиталистическое общество всегда покровительствовало тем точным наукам, которые позволяют ему расширять природные богатства и развивать промышленность. Но с равным успехом оно во все времена презирало гуманитарные науки, особенно те, что могут толкнуть общество на путь социальных изменений.

Для «красного мая» 1968 года характерна была еще и следующая деталь: преподаватели и студенты не поняли друг друга. Если первые полагали причиной волнений лишь «перенасыток энергии» у молодежи, то и студенты именно в профессорах видели «корень зла». Поэтому особой популярностью пользовался такой лозунг: «Профессора, вы устарели!»

Ныне все не так. Студенты 1976 года оказались не одиночками в стенах университетов. На этот раз их поддержали многие преподаватели, профессора

и их профсоюзные организации, например Национальный профсоюз работников высшей школы (СНЕСЮП). Преподаватели-гуманитарии, называемые по традиции, родившейся в средние века, «мэтрами общественной мысли», неожиданно обнаружили, что Университет широкой культуры скатывается к Университету узко-профессиональному. И... возмутились. И вышли на улицы вместе со студентами.

ЧТО ТАКОЕ «ВТОРОЙ ЦИКЛ»?

В последнее время во французских университетах много говорят о «рентабельности» тех или иных дисциплин, о привилегированности отдельных факультетов. Государственный секретариат по вопросам университетского образования уверяет, что это вымысел, и одновременно вежливо приглашает университетские советы «перераспределять уже существующие средства». Между тем на практике каждый преподаватель видит иное: «рентабельные», то есть нужные промышленным трестам, дисциплины моментально становятся привилегированными, как только дело доходит до распределения кредитов. А отсюда неизбежная отмена некоторых курсов — в частности, в области научно-исследовательских, теоретических работ.

Французские вузы получают крайне недостаточные государственные ассигнования. В стране не хватает преподавателей, учебных корпусов, библиотек, спортивных залов. Стипендии получают всего 12 процентов студентов. На треть увеличилась недавно плата за обеды в студенческих столовых. В целом расходы на получение высшего образования — плата за учебу — выросли за последние четыре года более чем вдвое. После знакомства с этими цифрами вовсе «нормальным» выглядит тот факт, что три четверти французских студентов вынуждены работать, чтобы иметь возможность учиться.

Между прочим, идея реформы не так уж и нова. От роду ей уже десять лет, если не больше. Только раньше она называлась «планом Фуше», а сущность всегда была одна и та же: устроить обучение в высшей школе по американскому образцу и заменить высшее образование циклами обучения по подготовке «узких» специалистов с ущербными, отрывочными общеобразовательными знаниями.

Недавно я получил по почте пакет из служб информации при премьер-министре. А в пакете — четырехстраничное изложение сути новой университетской реформы. Интересные цифры приводятся в этом документе. В 1950 году во Франции было 139 593 студента, в 1964/65 — их стало 319 621, а десять лет спустя — 745 242. И заключение: «Университет является уже не местом, где получают образование представители национальной элиты (преподаватели, врачи, адвокаты, научные работники), а школой кадров для нации». Легковесное, надо заметить, резюме: ведь увеличение числа студентов, как указывают, впрочем, сами издатели информационного выпуска, связано прежде всего с демографическим ростом, начавшимся в 1948 году. Что же до того, элита готовится или не элита, то вот еще несколько цифр. Из каждых 100 детей чиновников высшего административного аппарата и представителей свободных профессий в вузы поступают 50, а из каждых 100 детей французских рабочих учебу в высшей школе начинают лишь восемь человек. И сколько из этих восьми завершают ее с дипломами — еще неизвестно...

Теперь читателю, наверное, уже стало понятно, что вопросы, волнующие французскую высшую школу, гораздо глубже, чем проведение в жизнь — или непроведение — той или иной конкретной правительственной реформы. Проблемы вузов Франции — те же, что занимают ныне все французское общество. Как писал журнал «Экспресс»: «Вот уже десять лет перед университетами стоит одна и та же проблема. Сегодня студенты и преподаватели оказались припертыми к стене. И не только правительство замешано в этом. Замешано — общество».

ГОРЬКИЙ ВКУС БУНТА

Париж невымыслим без кафе. Особенно без небольших уютных заведений, еще не ставших «модерновыми» неоновыми-стеклянными коробками. В таком маленьком кафе на улице Сен-Пер я и познакомился с молодым парижанином Марселем Бернедом, как вскорости выяснилось — студентом университета права, экономики и социальных наук. Повод для знакомства вышел забавным. Музыкальный автомат в кафе наигрывал старую мелодию, бывшую в моде несколько лет назад, — о Париже, который никогда не меняется, — «и это, поверьте, к лучшему», — о Париже, который не худеет и не толстеет, а остается одним и тем же.

Песня мне всегда нравилась, и я решил повторить ее. А у автомата столкнулся с Марселем: он протягивал руку к той же самой кнопке.

Мы рассмеялись. Автомат заработал, отошли мы от него уже вместе.

— Нравится песенка? — спросил Марсель.

— Да, очень, — ответил я. — Ведь Париж действительно не меняется, верно?

— Как знать... — пожал плечами Марсель.

Мой новый знакомый уже расплатился и собирался уходить, но, узнав, что нам в одну сторону, согласился подождать меня.

Мы вышли к Сене.

С реки дул свежий апрельский ветер. Впереди, на острове Ситэ, возвышался Собор Парижской богородицы. Именно на этом острове двадцать веков назад родилась Лютеция — будущий Париж. Казалось, Ситэ, как большой корабль, плывет вниз по реке в наступающих вечерних сумерках.

Мы прошли вдоль длинного ряда лавок букинистов на набережной и оказались у станции метро «Сен-Мишель». Рядом со входом разложили свой товар — молодежные газеты — студенты-продавцы.

На площади Сен-Мишель наш разговор с Марселем возобновился.

— И все-таки Париж меняется, — сказал он, как будто и не было долгой паузы. — Меняется город, меняемся мы, его жители. А уж студенты, по-моему, каждый год другие. Например, наша нынешняя забастовка непохожа на предыдущие. Она серьезнее, труднее, что ли...

— Да, и вот еще о переменах... — заговорил Марсель после некоторого раздумья. — Вы слышали о похоронах сына Гюго?

— Нет, — я даже вздрогнул от неожиданности.

— Шарль Гюго, сын писателя, умер в 1871 году. А похороны его — надо же, какое совпадение! — пришлось на тот самый день, когда была провозглашена Парижская коммуна. Так вот, коммунары разбили баррикады, чтобы пропустить похоронную процессию. И когда я думаю о нынешних событиях, я прихожу к мысли, что в той же ситуации теперешние студенты баррикаду могли и не разорвать. Слишком много у нас крикунов, и каждый кричит свое. Сплочения нет — вот что главное. Спорили бы до вечера, трогать баррикаду или пустить процессию в обход по другим улицам, да так ничего бы и не решили...

Много было ценужного во время студенческих манифестаций. А вот чего не было совсем или было очень мало — это правильной информации о ходе забастовки в провинции, поэтому многие университеты чувствовали себя в изоляции. И здесь тоже не обходилось без крайностей. На улицах Гренобля студенты перекрыли движение и направляли машины на университетский городок. Там полагалась остановка, и автомобилисты — в принудительном порядке — выслушивали требования бастующих...

Следует отметить вот что: в результате своего весеннего выступления студенты добились-таки некоторых уступок со стороны властей. Они получили обещание сохранить общеобразовательные дисциплины в как можно более полном объеме; «группы технических исследований», создаваемые при университетах с участием представителей предпринимателей, то есть «вербовщиков» квалифицированной рабочей силы для своих фирм, будут носить консультационный характер; между госсекретарем по вопросам университетского образования Алисой Сонье-Сейте и конференцией президентов университетов начались переговоры по обсуждению нового циркуляра о введении «реформы второго цикла».

И все-таки студенты не победили. Я повторяю это еще раз, ибо строить иллюзии здесь недопустимо. Не победили, потому что единства в их действиях было прискорбно мало, — Марсель Бернед, что называется, «зрил в корень». Потому что приближались экзамены. Власти же не отступали со своих позиций, усиленно шантажируя бастующих тем, что вот возьмут и аннулируют весь 1975/76 учебный год, возьмут и объявят его «белым», то есть недействительным годом. В таком случае студенты потеряли бы уже пройденные восемь месяцев учебы, а многие из них — и потраченные на эту учебу значительные средства. Вот почему ЮНЕФ и СНЕСЮП призвали студентов и преподавателей «продолжать борьбу в форме, приемлемой для данного периода учебного года». Иначе говоря — для периода сессий. И французские студенты решили совмещать продолжение борьбы со сдачей экзаменов.

Что же, движение умерло, да здравствует движение? Да, в некотором роде. Тем более что оно не умерло, а приостановлено. Ведь ни одна из острых проблем, вызвавших студенческие волнения, не решена. В поисках работы сейчас пребывает 400 тысяч молодых французов. Процент безработных среди молодежи намного выше, чем среди всех других возрастных категорий взрослого активного населения¹. В начале осени на рынок рабочей силы хлынет новый мощный поток юношей и девушек, только что окончивших высшие и средние учебные заведения. По подсчетам экономистов, лишь каждый пятый из них сможет найти для себя работу, и далеко не всегда по специальности.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что в будущем году студенческое движение во Франции вспыхнет с новой силой. А требования останутся прежними — те, которые уже сейчас четко сформулированы лидерами Национального союза французских студентов: отменить реформу; создать новые рабочие места в соответствии с национальными потребностями, в частности увеличить число преподавателей; составить новые бюджеты для университетов; повысить студенческие пособия.

«Бунт 1976 года может оставить горький вкус на губах многочисленных студентов», — с пессимизмом пишет газета «Монд». Вкус, может быть, действительно горький, но уроки этого неудавшегося бунта наверняка хорошо запомнятся многим. Все больше французских студентов понимают теперь, что в трудной борьбе за то, чтобы превратить университеты из фабрики безработных специалистов в школу полноценных кадров, находящихся себе место в активной жизни, чтобы провести широкую демократизацию системы высшего и среднего образования, лучшее оружие — это единство студенческих рядов.

Я не случайно начал свой очерк со строк из «Отца Горнио» Бальзака. Они вспомнились мне, когда я проходил мимо дома писателя на улице Бертон. Небольшой коттедж, затертый между двумя высокими многоквартирными зданиями... Дом Бальзака имел два выхода: один — на улицу Бертон, второй — на совсем другую, с первой не пересекавшуюся. Писатель постоянно был в долгах, и такое свойство жилища чрезвычайно его устраивало: в случае прихода кредиторов можно было незаметно улизнуть.

Как просто, если бы студенты Латинского квартала тоже могли пользоваться таким преимуществом: уходить от своих проблем через вторую, запасную дверь. Но никакой второй двери не существует. И выход у них только один...

П а р и ж, м а й

¹ 6,6 процента среди молодых людей до 25 лет; 2,7 процента среди людей в возрасте 25—40 лет. (Прим. автора.)

СЛЕЗЫ БОГИНИ ФУРЫ

ВЛАДИМИР ВЕСЕНСКИЙ

«**Н**е суйся, убьют!» — сказал один из моих коллег в Лиме, когда перед отъездом в Колумбию я поделился с ним планами разузнать в Боготе о добыче изумрудов. К тому времени я уже прочитал несколько репортажей на эту тему. Заголовки были интригующие: «Изумрудная война», «Изумруды красного цвета», наконец, «Лихорадка зеленого огня», — из последнего явствовало, что обстановка на изумрудных копях не отличается от легендарного Клондайка времен золотой лихорадки.

Нечего и говорить, что предупреждение коллеги только разожгло интерес, а вот репортажи, к сожалению, мало чем помогли. Материала об изумрудах в них оказалось немного, разве только легенды. Я перескажу одну из них, автором которой считают индейцев чибча.

Бог Аре пришел в эти края с запада. Он шел, вздымая горы, расстилая долины, по которым потекли бурные реки. Аре остановился на берегах священной реки Караре и создал людей-богов: женщину по имени Фура и мужчину по имени Тапе. Он бросил их в реку, и вода вдохнула в них жизнь. Бог Аре научил своих детей строить жилища и каноэ, находить металлы и делать из глины посуду... Он приказал им любить друг друга, заселить эти места людьми и дал им вечную молодость и красоту с одним только условием: быть верными супругами. А если один из них нарушит обет верности, то будет наказан старостью и смертью.

Тапе и Фура жили счастливо. Но однажды с запада пришел человек по имени Зарби. Он искал цветок вечной молодости и хотел, чтобы Фура и Тапе помогли ему. Тапе в это время был в горах, и тогда Фура, уступив просьбам, согласилась помочь Зарби в поисках волшебного цветка. Они долго бродили в горах. Одной прекрасной ночью сердце Фуры дрогнуло, и она нарушила обет верности. По возвращении домой женщина пыталась скрыть морщины, появившиеся на ее лице, но Тапе заметил ужасные перемены. Теперь он, выполняя наказ Аре, должен был покончить с собой. Перед смертью Тапе проклял

Где-то здесь, среди высотных зданий и старых колониальных построек колумбийской столицы, затерялась Четырнадцатая улица — «подпольный» рынок изумрудов, о котором знают все.

Зарби, и боги превратили его в камень. Но Зарби все еще любил Фуру и не мог видеть ее страданий и слез. Он превратил свою кровь в бурную реку, которая обрушилась на Тапе и плачущую Фуру и разлучила их. Крики несчастной Фуры превратились в красивых бабочек, а ее слезы, унесенные рекой крови Зарби, — в драгоценные камни изумруды. Их и сегодня находят на склонах берегов реки Минеро, которую местные индейцы до сих пор называют рекой Зарби.

«ЭМИЛИЯ» В ДВОЙНОМ СЕЙФЕ

В общем, багаж знаний об изумрудах был довольно скудным. Столь же примитивным был и план первых шагов, которые могли привести меня к знатокам этой непростой темы. Одним из первых пунктов плана стояло лицезрение «Эмилии». Это оказалось совсем легко. Я купил билет в музей антропологии Боготы, который почему-то называется Музеем золота, и, пройдя строгих контролеров, поднялся на второй этаж. Здесь, вместе с золотыми поделками древних мастеров, хранятся три самых больших изумруда Колумбии и самый большой изумруд в мире, названный нежным женским именем «Эмилия». Веса в нем — 1795 каратов. Хотя цену «Эмилии», наверное, нетрудно подсчитать (один карат стоит около 4 тысяч долларов), этот уникальный камень бесценен. Вот почему вооруженная охрана при входе на второй этаж не вызвала у меня удивления. А то, что второй этаж, по существу, — огромный сейф, я понял только на выходе, когда выпускали очередную партию посетителей и толстая стена беззвучно поползла в сторону, открывая путь наружу. Для «Эмилии», однако, и здесь было особое помещение. Этаж-сейф включал, в свою очередь, комнату-сейф с такими же мощными стенами, охраняемую еще двумя вооруженными полицейскими. Сказать по правде, большее впечатление на меня произвели не камни, а обстановка, в которой они хранились. Автоматические бронированные двери, полумрак комнат и подсветка сокровищ как бы напоминали о мрачных историях похищений и многолетних одиссеях драгоценных камешков — слез богини Фуры.

Вторым шагом, который я мог сделать без посторонней помощи, был визит на 14-ю улицу, по-испански — Калье Каторсе. Нет, наверное, ни одного жителя в столице, который не знал бы, где она находится и чем здесь занимаются. Ну а что касается туристов и прибывающих в Ко-

лумбию деловых людей, то им рассказывают об этой улице если не в первый, так на второй день обязательно. Калье Каторсе — это «подпольный» рынок более или менее дешевых изумрудов. Я написал слово «подпольный» в кавычках, так как продажа камней с рук на этой улице запрещена, здесь часто появляются полицейские, устраиваются облавы, правда, кажется, только для того, чтобы создать обстановку некой таинственной лихорадочности. Во всяком случае, старожилы считают, что изумруды здесь продают лет тридцать.

Я нарочно спросил, как пройти на 14-ю улицу, у смешливого портье гостиницы, хотя и сам знал, где она находится. Тот сразу посерьезнел и, объяснив дорогу, шепнул, что «если сеньор захочет все-таки приобрести настоящий «несомненный» камень, то лучше это сделать в хорошем магазине, который он может порекомендовать». Нетрудно догадаться, что предложение услуг было проверкой на состоятельность потенциального клиента. Как только я объявил, что все-таки пойду на 14-ю улицу, портье потерял ко мне интерес. Зато я приобрел «хвост» в лице молодого человека многообещающего вида. Пройдя за мной с полквартила, он спросил: «Купите изумруд?» — и, не дожидаясь ответа, вынул из кармана небольшой пакетик. Я шел быстро, но молодой человек поспевал за мной, семеня как-то боком и не забывая озираться по сторонам. На ходу он развернул пакетик, похожий на свернутый, как это делают дети, конфетный фантик. В нем заблестели светло-зеленые прозрачные граненые камешки. Он определенно принял меня за туриста-американца. Его цель — во что бы то ни стало продать изумруд, а может быть, обыкновенную подделку из кварца, — была ясна, свою же я не хотел ему открывать. Мне нужен был солидный уличный торговец, который в случае удачи свел бы меня с гранильщиками. Чем черт не шутит, наввно думал я, вдруг через них удастся познакомиться и с теми, кто добывает изумруды?

— Сколько? — спросил я молодого человека, надеясь отделаться от него явной неуступчивостью.

— Тысяча песо, — не задумываясь, сказал он и ловко выхватил из пакетика самый большой, величиной с три спичечных головки, камешек.

— Пятьдесят! — предложил я,

не в силах сдержать улыбку. Торговец крутил на ладони камешек так, чтобы он светился на солнце как можно ярче, видимо, рассчитывая заразить меня зеленой изумрудной лихорадкой. Я читал, что вера в магические свойства камня в ходу у тех, кто связан с его добычей и производством.

— Сто пятьдесят! — неожиданно выпалил торговец и совсем непрофессионально добавил: — Дай мне, сколько у тебя есть, гринго, я совсем без денег.

От этого «совсем без денег» повеяло такой тоской, что я остановился. Как можно короче я объяснил торговцу, что не собираюсь ничего покупать, а хочу написать о таких, как он, людях и о камнях, и что иду на 14-ю улицу.

— Ну, дай тебе бог! — сказал он, как мне показалось, с сочувствием и растворился в пестрой толпе.

Знаменитая Калье Каторсе оказалась закрытым для транспорта переулком. По сравнению с другими центральными улицами прохожих на ней было мало. У стен домов со скучающим видом стояли и медленно прогуливались мужчины неопределенного возраста, с серьезными лицами, чем-то похожие один на другого. То, что казалось таким простым в гостинице — «подойти и заговорить», — здесь выглядело совсем иначе. Что я им скажу? Подойти и представиться — глупо. Может быть, я все-таки придумал бы что-нибудь для начала, но тут к одному из торговцев подошел сторонний человек. Вокруг них быстро образовалась группка. Все что-то рассматривали. Я тоже подошел и заглянул через спины. На белой, сложенной фантиком бумажке лежало штук десять изумрудов размером с ноготь большого пальца. «Ogol!» — вырвалось у меня. Пакетик мгновенно исчез, и строгие лица мужчин разом повернулись ко мне. Было в их глазах нечто такое, что невольно напомнило мне предупреждение коллеги: «Не суйся!» Я улыбнулся как можно приветливее и вежливо ретировался. О том, чтобы заговорить с ними теперь, не могло быть и речи. «Сам себе навредил», — думал я по дороге в гостиницу. Оставался последний вариант: просить помощи у колумбийских друзей. Но у кого? Мне требовался настоящий знаток, а за то короткое время, что я мог уделить изумрудам из нескольких дней командировки, найти такого человека было не просто.

Попытаюсь хотя бы коротко объяснить, почему тема изумрудов представлялась мне такой интересной. Конечно, не только из-за их широкой известности на мировом рынке и интригующих историй о мафии.

Добыча изумрудов интересовала меня в первую очередь в связи с «мифом о неожиданном богатстве». Если в США, скажем, постоянно пишут о любом «внезапно» разжившемся нефтепромышленнике или «талантивом» финансисте, то в Колумбии об этом и писать особенно не нужно. В Боготе разбогатевшие волею случая и проматывающие выросшее из-под земли состояние нувориши разбегают по дорогам, на заказ, автомобилих, живут в мраморных особняках. Их можно узнать за километр по манере «шикарно» одеваться и тратить деньги. Неважно, что вчерашний бедняк, которого презирают потомственные аристократы, завтра может снова оказаться на мостовой. На его месте окажется другой счастливец — пример для полумиллиона безработных и миллионов бедняков.

Кроме того, производство изумрудов в Колумбии давно превратилось в одну из важных отраслей горнодобывающей промышленности, которая могла бы давать огромные доходы (я был уверен, что дает). Но кому? Задвавшись этим вопросом, я не мог обойтись без настоящего знатока. И знаток нашелся.

ГРАНИ ИЗУМРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Хавьер Дарио Рестрепо оказался человеком незаурядным. Бывший священник, отказавшийся от сана, чтобы иметь больше времени для исследований жизни человеческой, он посвятил себя социальной журналистике.

Рестрепо пригласил меня к себе домой и, выслушав рассказ о том, что мне удалось увидеть, о зловещих предупреждениях и неудаче, поделился:

— Я сам болел этой темой несколько лет. Хотел сделать репортаж для телевидения, но никто не брался финансировать аренду оборудования и поездку. Тема изумрудов долгое время была своеобразным табу для нашей прессы. Почему? Трудно сказать, но главным аргументом был, как и у вас, — «убьют». Однако, как видите, я жив, и репортажи были хорошо восприняты, в том числе и самими «эсмэральдерос» (так называют в Колумбии всех, кто занят этим сложным и порой опасным промыслом).

Во время одной из встреч Хавьер Дарио показал мне фильмы-репортажи, снятые им в горах, на шахтах, в поселках рабочих. Постепенно грани изумрудной проблемы обрели четкость.

Тап-и-акар — на языке местных индейцев «зеленый камень» — был известен с незапамятных времен. Испанские конкистадоры узнали о нем случайно и в обмен на зеркала, узоры и лобки получили от индейцев

проводника, который привел их к изумрудным копиям. А в 1587 году первая партия драгоценных камней была отправлена королю Испании. В XVII веке испанская корона располагала уже восемью шахтами. Изумруды увозились за океан в сундуках с печатью короля. Однако в XVIII веке о шахтах неожиданно... забыли, лучше сказать, пришлось забыть. За сто лет эксплуатации копей испанцы опустошили — нет, не месторождения, а индейские общины, которые издавна существовали на этой рудоносной земле. Индейцы гибли на шахтах сотнями. А ведь они были единственной рабочей силой, которую испанцы могли здесь использовать, и, когда их не стало, промысел пришел в упадок. История добычи изумрудов знает несколько взлетов и падений. Чистая случайность, что эти земли не были проданы частным лицам или иностранцам, но лицензии на эксплуатацию выдавались. С 1824 года правительство Колумбии двадцать пять раз заключало соглашения с частными лицами, компаниями и банками, и ни одно из них не принесло казне ни единого песо.

— Скандальная история, не правда ли? — с горькой усмешкой спросил Хавьер Дарио. — Но о подробностях вы лучше расспросите Марио Риваденейру, а сейчас еще несколько слов о колумбийском изумруде.

За послевоенные годы изумрудный промысел превратился в реальную отрасль промышленности. Наиболее крупные шахты находятся в Мусо, Коскуэс, Пеньяс, Бланкас... На самих шахтах работает несколько тысяч человек, и это если не считать крестьян, которые покидают деревни и бегут сюда в поисках фортуны. Да и не только крестьяне приходят в эти места: со всей Колумбии стекаются к копиям люди, потерпевшие аварию в жизни, влекомые надеждой найти зеленый камень и разом избавиться от всех бед. Тысячи старателей роятся в отвалах породы по берегам реки Минеро, напряженно вглядываясь в отмытый песок, растирая в руках грязь. Если считать и их, то в добыче изумрудов занято не менее 10 тысяч человек, а вместе с торговцами, гранильщиками — не менее 30 тысяч.

От Хавьера Дарио я направился к господину Риваденейре. Бывший депутат колумбийского парламента, ныне президент Ассоциации горнорудной промышленности Колумбии, Марио Риваденейра стал широко известен в 1965 году, когда он впервые выступил в парламенте с разоблачением махинаций в горнорудной промышленности.

Приведенные им факты — расхищение миллионов сумм — упали на подготовленную почву. Развитию колумбийской промышленности давно мешало засилье иностранных монополий в горно-

рудном деле и бессилие действовавших законов в отношении созданных ими подставных, якобы национальных компаний. Колумбийцам доставались крохи, а «Ла Пато Консолидейтед Голд Дреджинг», «Ла Фонтино Голд Майнз Лимитед», «Ла Чоно Пасификс С. А.», «Ла Нотива Майнз Корпорейшн де Нариньо» и «Ла Пасифик Металз Корпорейшн» — по существу, дочерние фирмы компании «Интернэшнл Корпорейшн оф Нью-Йорк» — располагали более чем половиной добычи колумбийского золота. Не лучше обстояло дело и с серебром, более семидесяти процентов которого вывозили иностранцы, и с другими ценными металлами.

Сборник выступлений Риваденейры в парламенте можно было бы публиковать в разделе скандальной хроники. А сказал он вот что. Только две, правда, самые богатые изумрудами, шахты добыли за период с 1947 по 1965 год 2 872 415 каратов изумрудов. За это же время Банко де ла Република, руководящий добычей изумрудов, получил (не внес в качестве налога, а именно получил!) 28 миллионов песо в качестве компенсации за потери, которые он будто бы понес на этом бизнесе. Даже выданные виды членам колумбийского парламента были поражены такой наглостью. Назначили комиссию по расследованию. Новые факты, представленные комиссией парламенту, были еще более поразительными. Они вскрывали нехитрую механику грабежа национальных богатств. Оказалось, что банк продавал изумруды в необработанном виде. О том, что это был не просчет, а заранее разработанный трюк, свидетельствовал список покупателей, составленный задолго до объявления торгов. Список показал, кто конкретно обогащался за счет колумбийской казны (по лицензии банк имел право только на 5 процентов прибыли от продажи изумрудов, остальное должно было поступать государству). Первым в списке оказался некто Гуптта, шеф международного отдела торговли изумрудами с представительствыми в Нью-Йорке, Швейцарии, Франции, Индии, Японии; господин Ливенталь из той же компании, некий господин Вронки, человек не менее заинтересованный, и другие господа, судя по фамилиям, явно не колумбийцы. Колумбийцев было двое — в конце списка. Скандал разгорелся еще ярче, когда члены комиссии проверили содержимое только одного сейфа. Под инвентарным наименованием «образцы породы для музея» (банк оценил их в 20 тысяч песо) хранились вкрапленные в породу изумруды стоимостью на миллион песо. Один из служащих банка рассказал комиссии, что около сорока подобных сейфов с изумрудами, общим весом не менее тонны, были оценены в полмиллиона песо и проданы единственному принимавшему участие в торгах человеку, тому же господину Гуптта. Нисколько не смутившись, господин Гуптта поведал комиссии, что он получил от продажи тех же камней на международном рынке сто миллионов песо прибыли.

Когда речь идет о таких суммах, выступающему с разоблачением мало гражданской принципиальности, нужно большое мужество. Все это я узнал о Риваденейре еще до встречи — из

протоколов заседаний парламента, которые мне дал почитать Хавиер Дарио.

Сеньор Риваденейра принял меня в огромном кабинете компании. Здесь же работали другие члены правления и секретарши. Меня интересовала дальнейшая судьба изумрудных присков за прошедшие после скандала годы.

Оказалось, что Банко де ла Република передал контроль за копиями специально созданной компании «Экономинас», но и она не принесла доходов, а только убытки. За три года — 75 миллионов песо. Государственные чиновники не смогли контролировать деятельность шахт, да и как они могли это сделать? Скажем, полицейский, который охраняет найденную жилу изумрудов, получает до 2000 песо, а те, кто заинтересован в покупке камней, могут предложить ему две годовые зарплаты. О чиновниках и говорить нечего...

После скандала с «Экономинас» правительство решило закрыть шахты. Охрана богатых изумрудами районов была передана армии. Но и военные не имели прививки от «зеленой лихорадки». В прессу просачивались сообщения о внезапном обогащении некоторых офицеров, а это, в свою очередь, использовалось для обоснования передачи присков иностранным компаниям.

— Вот почему я предложил создать смешанную национальную компанию, которая гарантировала бы доход государству, — рассказывал Риваденейра. — Компания была создана, и мы считаем, что на первых порах она может давать стране не менее 260 миллионов песо дохода.

— А ваша компания уже приступила к работе? — спросил я.

— Нет, — ответил Риваденейра, и на лице его появилось подобие улыбки. — Мы до сих пор не получили лицензии.

— Ну вот, а я хотел просить вас помочь мне съездить на шахты. Иначе я не представляю, как можно написать о добыче изумрудов.

— На шахты сейчас не попасть. Правительство распорядилось прекратить работы на самых крупных из них. Для того чтобы проехать в зону, нужно разрешение властей. Впрочем, — он на минуту задумался, — вам ведь не обязательно быть в Мусо?..

Непроходимые заросли сельвы, глубокие ущелья и горные реки веками хранили тайны «зеленого золота».

В таких деревушках редко встретишь теперь крестьянина-землепашца. Тысячами уходят они на изумрудные прииски.

— Совсем не обязательно, — сказал я. — Достаточно познакомиться с общей обстановкой и поговорить с рабочими. Пусть это будет самая маленькая шахта.

— Ну что же... Я отведу вас к одному человеку и представлю ему. А все остальное за вами. Попробуйте его уговорить. В любом случае это будет интересно. Хулио Карранса — один из владельцев частной шахты. На ней и сейчас идут работы.

«ЭСМЕРАЛЬДЕРО», КОТОРОМУ ПОВЕЗЛО

В мире «эсмеральдерос» Хулио Карранса был фигурой заметной. Достаточно сказать, что его имя я нашел в списке лиц, основавших вместе с Риваденейрой смешанную компанию. Поэтому я разглядывал и его самого, и его кабинет с особым интересом. Кабинет был обставлен по-деловому, и только светло-коричневая кожа, обтягивавшая кресла и расставленные вдоль широких окон диваны, говорила о состоятельности владельца. А хозяин был одет совсем скромно, без единого украшения, обычного для «эсмеральдеро». Чуть выше среднего роста, худой, с энергичным смуглым лицом, как у боль-

шинства жителей гор, он мало отличался от людей, окружавших его стол. Может быть, только шрам, рассекавший лицо сверху вниз и чудом обошедший глаз, подсказывал какую-то необычную историю его жизни.

Я начал с вопроса о том, как Карранса стал «эсмеральдеро», и поскольку его история, как мне кажется, типична для тех, кто, подобно ему, выбирался из нищеты, приведу ее почти без сокращений.

В Бояка, соседней со столицей провинции, каждый крестьянин считает себя знатоком изумрудов. Их поисками занимаются с раннего возраста. Многие россыпи были найдены случайно — без всякой науки и без помощи геологов. Так, по случайным приметам, они и называются — например, «Корова»: кто-то привязал скотину к колышку на выгоне и оставил пасти, а когда вечером вынул кол, чтобы гнать корову домой, вдруг... обнаружил изумруды.

Братья Карранса, как и многие их сверстники в округе, забросили хозяйство не от хорошей жизни. Слишком тяжелой становилась год от года крестьянская доля. Все чаще закрадывалась мечта: а вдруг разбогатеет? Хулио окончательно распрощался с сельским трудом в шестнадцать. Таких, как он, в Бояка много. Но в отличие от десятков тысяч ему повезло. Не просто повезло, а сказочно. Хулио нашел настоящее изумрудное богатство. Нашел случайно. Долго бродил по горам. Повернул домой, шел еще несколько часов, добрался до протоптанной тропинки и решил, что теперь можно отдохнуть. Присел, по привычке вынул нож, ковырнул землю. И «зацветило» — так говорят искатели изумрудов: если они сначала видят коричневую жилку в светлосером грунте, а потом она переходит в зеленую — значит, быть поблизости изумрудам. Карранса поискал, сдерживая волнение, — и удача! Может

быть, это была мелкая россыпь, может, «ганга» — похожий на большой булыжник камень, внутри которого, как пчелы в развороченных сотах, сидят изумруды, — Хулио никогда не говорил. «Эсмеральдерос» не любят распространяться о находках. Это приносит несчастье. Но изумруды там были. Он заровнял хорошенько счастливое место, запомнил его и побежал к брату. Потом, скрываясь, тай-

но ходили они к жиле. А когда окончательно убедились, что место богато, подали заявку на лицензию — разрешение правительства начать работы на участке. С разрешением дело тянулось десять лет. Я легко могу представить, как трудно было ждать эти годы. Сколько раз местные крестьяне находили подобные участки и не могли оформить бумаги! Лицензии выдавались только тем, кто имел связи и деньги, а неимущие крестьяне уходили дальше в горы, искали новое место, разведывали изумруды все теми же примитивными орудиями: ножом и кайлом, — потом снова пускались в путь.

С братьями Карранса этого не произошло, и они стали владельцами шахты.

— Скажите, дон Хулио, — спросил я, — вы довольны своей судьбой?

Он не ожидал такого «неделового» вопроса. Посмотрел внимательно, будто проверяя, серьезен ли я или нет, и сказал:

— В общем, доволен. Живем хорошо, дети учатся...

— А мечта? У вас есть неосуществленная мечта?

Дон Хулио кивнул:

— Есть. До сих пор не могу сделать так, чтобы шахта приносила доход.

— То есть как? — изумился я, обводя взглядом кабинет. — Такой оффис в центре Боготы стоит немало.

— Вы меня не поняли. Деньги у меня есть, торговля изумрудами — дело выгодное. Все расходы покрываются с лихвой. Я же хочу, чтобы шахта давала доходы, как у Виктора...

«Искреннее это желание младшего брата «догнать» старшего или обычная манера «эсмеральдеро» приbedняться, о которой говорил Хавиер Дарио, мне все равно не понять», — подумал я и не стал больше спрашивать об этом. Теперь нужно было как-то уговорить дону Хулио свозить меня к копам.

— Мне сказали, что вы хотите посетить «зону», — вдруг сказал сенор Карранса.

— Да, но у меня очень мало времени. Послезавтра вечером я улетаю из Боготы.

— Мы поможем вам, — сказал дон Хулио. Поднялся из-за стола, вышел из кабинета и вернулся в сопровождении высокого молодого человека.

— Знакомьтесь. Эстебан — мой двоюродный брат, — на этой фразе Карранса — обыкновенный человек, которого не отличишь от других, кончился, и появился Карранса жесткий, не терпящий возражений и лишних слов. Хотя голос его стал тише и даже мягче.

— Ты возьмешь этого человека у гостиницы в четыре утра, —

сказал он, показывая на меня пальцем. — Ты понял меня, Эстебан?

— Да, Хулио, — ответил тот.

— Ты отвезешь его на шахту, скажешь ребятам, чтобы показали все, как есть. Ты понял меня, Эстебан?

— Да, Хулио.

— Ты привезешь этого человека завтра вечером в Боготу в целости и сохранности. Ты понял меня, Эстебан? Он уезжает из Боготы послезавтра. Ты запомнил это, Эстебан?

— Да, Хулио.

— Вот и все. Об остальном договоритесь сами. До свидания.

— Да, Хулио, — сказали мы оба.

КОГДА ВСКРЫВАЕТСЯ ГАНГА

Эстебан появился у дверей гостиницы ровно в четыре утра, хотя латиноамериканцу приехать вовремя, да простят они меня, все равно, что немцу опоздать.

Триста километров по горной крученой дороге мы проехали, почти не разговаривая, останавливаясь только для того, чтобы дать короткий отдых отбитым на ухабах внутренностям. Эстебан знал дорогу великолепно и вел машину мастерски, отгородившись от меня бесконечным потоком «кумбий» — колумбийских народных песен, которые он извлекал из своего портативного магнитофона. Наконец машина остановилась у какой-то дорожной харчевни, расположившейся на самом краю крутого спуска в долину.

— Приехали, — сказал Эстебан. Снял свои щегольские полусапожки, надел спортивные тапочки с резиновыми шипами и, увидев, что я не собираюсь переобуваться, спросил:

— А у вас нет папок?

— Нет, — сказал я.

— А ходить-то вы умеете?

Я немного удивился вопросу.

— Умею, наверное, а что?

— Здесь придется пройти километра три вниз.

Он оценивающе посмотрел на меня и добавил:

— Оставьте все лишнее в машине, здесь не воруют.

Я последовал его совету, однако куртку не снял: на высоте было холодно. Повесил сумку с фотоаппаратом через плечо, и мы тронулись. Через десять минут я понял, почему он спросил меня насчет умения ходить. Дорога превратилась в крутую горную тропу. Местами приходилось скользить по гранитным отполированным горбам, а потом перебираться через моря чуть под-

сошей после утреннего дождя грязи. После двух километров пути я почувствовал, что больше идти не могу. Не держали колени, голова раскалывалась от палящего солнца, а Эстебан был совершенно свеженький. В резиновых тапках с шипами он прыгал с камня на камень, как олень. Это была его стихия. Мы передохнули. Он молча забрал у меня сумку, и мы двинулись дальше. Лагерь шахтеров уже виднелся внизу. Домики напоминали спичечные коробки.

На подступах к лагерю нас встретили две злобные собаки. Эстебан отмахнулся от них и провел меня к крайнему бараку, сооруженному из плохо сбитых досок.

— Отдохните немного, — сказал он.

Предложение было не лишним. Я прошел в домик и лег на нижний этаж дощатых нар. Все здесь говорило о временности жилья. Две клетки нар со свернутыми грязными матрасами, рабочие сапоги и тапки-шиповки, валявшиеся на земляном полу, пластмассовая каска, свежие рубашки, аккуратно развешанные на плечиках вдоль стены. Настроение у меня было плохое. Стоило ли затевать эту дальнюю поездку? В нынешнем состоянии я не мог ни поговорить с рабочими, ни обойти прииск. С тоской я думал о предстоящем подъеме. Сколько на это потребуется времени, если только на спуск ушло полтора часа?

Вошел Эстебан. Я впервые увидел на его лице что-то вроде сочувствия.

— Хотите быстро прийти в себя?

Я попытался улыбнуться.

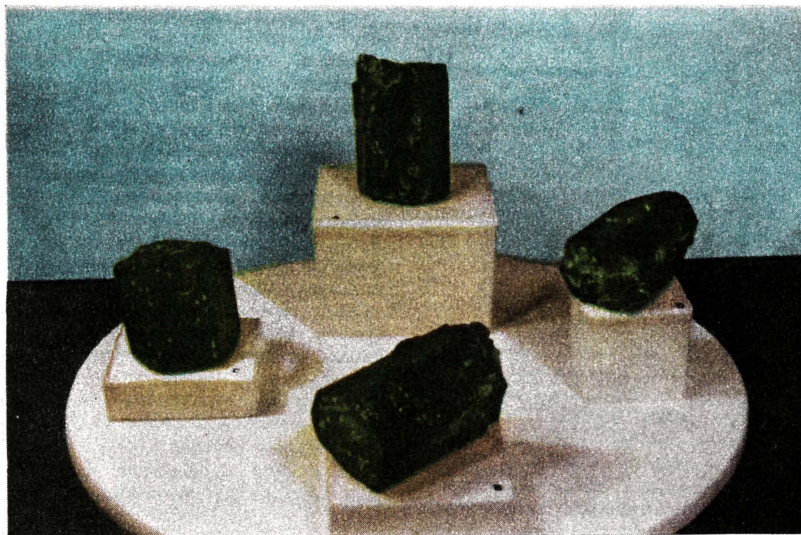
— Пойдемте со мной, — сказал он и повел меня к самому большому из домиков. Под навесом покачивался индейский гамак. Не знаю, какими чудодейственными свойствами обладали гамаки индейцев, но через пятнадцать минут я был готов к еще одному переходу.

Эстебан познакомил меня с администратором, рабочими, поварихой — женой одного из них. Рабочие вооружились лопатами, кирками и мешками, администратор прихватил шестизарядный «ремингтон» в дополнение к вивешему на поясе револьверу, и мы отправились вниз, к реке Минеро. По дороге администратор рассказывал мне о работах. Изумруды здесь добывали открытым способом. Откос берега Минеро взрывали, а потом камни разгребали бульдозером. Он показал на

полуразобранный ярко-желтый бульдозер, который сегодня не работал из-за поломки. Рабочие ищут жилу по окраске, хотя «изумруд капризный, как женщина», может встретиться совсем не там, где его ищут. В сбросе часто попадаются ценные экземпляры. Окрестные жители не вправе зайти на территорию участка и поэтому работают за его пределами. В дождливые дни река становится бурной и сносит отходы. Если рабочие пропустили изумруд здесь, его найдут там. На это и надежда.

Разговаривая, мы дошли до самой реки. Оказывается, пока я отдыхал, один из рабочих уже заложил взрывчатку. Тяжело ухнул взрыв, часть откоса оползла, и рабочие пошли осматривать по-

роду. Там, где появлялась «пинта» — коричневая или зеленоватая окраска, они набирали мешок грязи и камней и промывали его водой из шланга, внимательно вглядываясь в каждый камешек. Так, мешок за мешком, с утра до вечера, день за днем, год за годом... За крышу над головой и еду надо платить. Рабочий получает только один процент от продажи найденного им изумруда.

С восхода солнца и до заката, день за днем, год за годом промывают старатели пустую породу в надежде найти заветный изумруд. Тот самый, единственный, который позволит до старости прожить без забот....

Фото автора

2 «Вокруг света» № 8

«Неужели этого достаточно для того, чтобы держать их здесь годами?» Я подошел к одному из старателей. Он рассматривал в скале коричневую жилку толщиной в два пальца и ковырял ее длинным узким ножом.

— Скажите, сколько вы хотели бы зарабатывать, чтобы бросить этот промысел?

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Ну, скажем, если бы вам платили три тысячи песо в месяц, вы согласились бы бросить прииск? (Я назвал средний заработок высококвалифицированного рабочего.)

— Нет, — сказал тот.

— Ну а за пять тысяч?

Рабочий покачал головой.

— А за десять?

— Вы меня не понимаете, сеньор. Я не брошу прииск, пока не найду большой изумруд. Что такое десять тысяч? Это заработок инженера. А я могу стать богатым навсегда.

— Сколько вы работаете на приисках?

— Здесь недавно, а вообще десять лет.

— Нашли что-нибудь?

— Мелочь.

— А ваши товарищи?

— Один нашел.

— Он стал богатым?

— Нет.

— Почему?

— Прогулял деньги.

— То есть как?

— А так. Праздновал целый год с друзьями. Каждый день. Здорово?

— Прекрасно, — согласился я. Психология, сотворенная атмосферой приисков, становилась ясной.

От реки в лагерь мы шли с администратором.

— Скажите, а зачем вы носите с собой это тяжелое ружье?

— Вы не догадываетесь? — осведомился он. — Это, значит, вы не видели, что тут творится, когда мы находим настоящую гангу. Иногда приходится вызывать полицию для охраны и наведения порядка. На вскрытие приезжает и сам Карранса. Мы вызываем его по телефону из города...

— Ну а если рабочий найдет изумруд в нерабочее время?

— Это его дело.

— А если он принесет изумруд вам?

— Я его выгоню.

— Почему?!

— Ненормальный!..

ПРАЗДНИК ТРЕХСОТ КАРАТОВ

В лагере нас ждал вкусный обед. Все обедали вместе — и рабочие, и администратор, ели с аппетитом и хвалили повараху. Та краснела от смущения, то и дело вытирала нос крутившемуся у нее под ногами сыну и украдкой виновато поглядывала на мужа. Наступило время для разговоров.

У всех поднялось настроение, в том числе и у меня, поскольку Эстебан пригнал откуда-то лошадь, и теперь крутой подъем был не страшен. Отвечали на вопросы с удовольствием, так что к концу обеда я знал самое главное о каждом из рабочих. Самый молодой — студент. Бросил учебу ради заработка. Работает два года. Пока ничего не нашел. Остальные — крестьяне из окрестных деревень. Жара и крутые подъемы для них привычны. Крупный изумруд из шестерых нашел только один. Выручил за него 150 тысяч песо и поклялся,

что уйдет отсюда, лишь когда найдет другой, не менее чем на четверть миллиона...

Наконец мне показалось, что можно перейти к вопросу, из-за которого я считал эту поездку на приiski чрезвычайно важной. Необходимо было расспросить — именно здесь — о том, что так сенсационно преподносилось прессой в течение многих лет: о насилии.

Администратор был для этого идеальным человеком. Он проработал на шахтах почти двадцать лет, а присутствующие здесь же рабочие служили прекрасной аудиторией на тот случай, если бы он попытался что-либо приукрасить.

Администратор выслушал меня и выразительно посмотрел на рабочих, как бы напоминая о разговоре во время подъема в лагерь и давая понять, что к этой теме больше не вернется. Потом собрался с мыслями, заговорил медленно, взвешивая каждое слово:

— Если бы вы пробыли здесь немного дольше, вы бы, наверное, тоже стали искать изумруды. Такова уж сила этого камня. Привези сюда любую знаменитость мира, и она будет самозабвенно рыться в реке, а что говорить о тех, кто живет здесь?! Сегодня неудачный день. Мы работаем без бульдозера. Вот когда идут работы на больших приисках в Мусо — это километрах в двух ниже по течению, — там собираются сотни жителей. Работают семьями, иногда собирают «сосию» — группу. Каждый нашедший изумруд должен поровну разделить добыток среди товарищей. Отношения между людьми просты и предельно честны. Никаких бумажных обязательств нет. Верят на слово. Не всем, конечно, только своим, проверенным. Чужак не делает и шага...

Он рассказывал, и передо мной вставал образ этого отчаянного братства, где высшей добродетелью была удачливость, а мечты о богатстве скорее походили на жажду личной свободы и независимости, потому что с первым найденным изумрудом покупали не одежду или лавку, а шестизарядный кольт; если же fortuna улыбалась еще раз, то не шикарную машину или дом, а небольшой «джип»-вездеход, чтобы двигаться, куда пожелаешь. И разбогатевшие, те, кто мог свободно перебраться в столицу и жить без забот до старости, как правило, не покидают эти места: слезы богини Фуры тянут их назад.

Теперь я знал доподлинно и источник многочисленных рассказов о кровавых стычках. Источником этим были человеческие трагедии. Страсти, вызванные не дающимся в руки богатством. Обманутое доверие товарищей. Ведь даже если кто-либо поклянется всеми богами, что ничего не находил, через неделю все равно будет известно, что нашел и скрыл от своих, потому что где угодно, хоть в Тунхе, хоть в Боготе, кажущейся отсюда очень далекой, кто-то обязательно увидит, как он тратит деньги, которых никогда до этого не имел. И зависть: «Почему он, а не я?» И пьяный гнев полуграмотных искателей изумрудов...

— Поужинаем в Мусо, — предложил Эстебан, когда мы снова переоделись наверху и приготовились к возвращению. Судя по карте, для заезда в Мусо, «столицу эсмеральдерос», нужно было сделать совсем небольшой крюк, и я согласился. В единственном в своем роде — построенном по плану! — шахтерском поселке готовились к празднику. Это было заметно по ярким нарядам девушек, стайками пронесившихся по пыльным перекресткам, убранству одноэтажных улиц, напомаженным усам, свежим рубашкам и новеньким соломенным шляпам мужчин, приветливым улыбкам приятелей Эстебана и огромному количеству бутылок, которые пронесли мимо нас в ресторанчике.

— Может, останемся до вечера? — спросил Эстебан со слабой надеждой в голосе.

— А что? — спросил я, делая вид, будто не понимаю, в чем дело.

— Разве ты не знаешь, сегодня праздник!

— Какой?

— Никакой, — почти обиженно сказал Эстебан.

— То, что будет праздник, я заметил, но по какому поводу — правда, не знаю.

— Изумруд нашли, — сказал он и, смягчившись, пояснил: — В Мусо нашли изумруд в триста каратов, и сегодня его будут продавать. Те, кто нашел, хотят за него семь миллионов песо, а скупщики собрали только три. Так или иначе сегодня праздник для всех.

— А кто будет платить? — спросил я.

— Какая разница?! Или тот, кто продаст, или тот, кто купит... — беззаботно ответил Эстебан.

Богота — Лима — Москва

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ГОЛЬФСТРИМ

Ходили мы в Баренцевом море на небольшой исследовательской шхуне. Изучали донные грунты у берегов Новой Земли, чуть севернее пролива Маточкин Шар.

Двигаемся по заранее намеченным на карте галсам — направлениям, ложимся в дрейф... Спускаем за борт специальную грунтоизвлекательную трубку. Трубка с ходу вонзается в грунт, забирает пробу в виде длинной колбаски — колонки. Набирают таких колонок сотни, а то и тысячи, потом анализируют и уж по полученным данным составляют грунтовую карту исследуемого района дна. Нам осталось взять всего несколько десятков проб. Как обычно, застопорили ход. Матросы включили электролебедку, сняли с троса стопор, вынесли трубку за борт, и она, сверкнув «нержавейкой», с шипением врезалась в воду, исчезнув в зеленоватой пучине моря. Стальной трос обвис, закрутился колышками. Трубка на грунте.

Стали выбирать слабину, трос натянулся струной, зловеще звякнул и вдруг лопнул, со свистом хлестнув по борту шхуны.

— Стоп, лебедка! — послышалась запоздавшая команда дежурного океанолога. На дне осталась дорогостоящая и единственная у нас трубка с пробой грунта. Значит, водолазу надо готовиться к погружению. Облачаюсь в мягкий скафандр.

Шхуна стоит спокойно на якоре. Я без особого желания спускаюсь по его цепи. Мне еще не доводилось в таких высоких широтах бывать на дне. Наверняка море здесь безжизненное, мертвое. То ли дело Японское — кишмя кишит всякой живностью, ходи да оглядывайся. Касатки, акулы, осьминоги там не диковина. Тут же, наверное, одни валуны да моренная глина...

И действительно, валуны словно выточенные шары! Где уж тут пробу грунта брать. Приступаю к поиску. Подтаскивая за собой шланг, прыгаю с валуна на валун, только свинцовые подошвы ухают. Смотрю во все глаза вперед, в сторону, не забывая посмотреть и вверх. Сразу же замечаю стаю рыбешек. Узнаю в них саяк — небольших тресочек. Большеглазые, они набрасываются на воздушные пузырьки, будто лакомство какое нашли. Появление нерпы меня не удивляет, она тут своя, полярная. Вылупила на меня глазамаслинки, гадает — враг я ей или друг. Постояла так, не шелохнувшись, и кинулась за сайками... Чуть не наступил на морскую звезду. Вот уж кого не ожидал встретить, так иглокожих. Да она не одна, вон их сколько — и маленьких, и больших. Холодостойкие они, что ли? На Черном море их нет, а тут, пожалуй, лежат на валунах и между ними, не зябнут. Иду дальше. Натыкаюсь на какие-то черные шарики. Так это же морские ежи! Их, видно, тоже не знобит. Ощетинились колючими иглами, отгоняют морских звезд. Смотрю на них — ведь они тоже южане. И как их угораздило в такую стужу попасть?

Продолжаю поиск трубки, обшариваю глазами каждый валун, замечаю небольшую площадку сероватого песка, прыгаю с валуна на нее и тут же замираю на

месте: из-под ног опростетью шарахается в сторону краб...

Откуда вся эта живность? Какая же здесь температура воды? Начинаю вспоминать все, что знаю о Баренцевом море. И наконец, забыв, что на голове металлический шлем, шлепаю по нему рукой, будто по льду. Вспомнил. Здесь кончается Гольфстрим, вернее, его самая восточная ветвь — Нордкапская, которая берет начало за тридевять земель, от самого Флоридского пролива, течет могучей струей по глубинам Атлантического океана, заходит в Ледовитый, упирается, словно в стену, в Новую Землю и растворяется в холодных водах Баренцева моря.

Довольный разгадкой, иду по валунам дальше, ищу трубку, но, признаться, не верю, что найду. Ведь это все равно, что иголку в стог сена искать.

И все-таки нашел. Наткнулся совсем случайно. Повезло. Заметил ее торчащей между двух валунов, заклинилась, еле выдернул. Держу в руках, радуюсь, готовлюсь к подъему, шагаю обратно к шхуне и вдруг замечаю, как запрыгали по валунам солнечные блики. Взглянул вверх и обомлел — метрах в пяти надо мной стоит огромная рыба. Кит? Нет. Присмотрелся — заметил на груди широченное белое пятно, и голова у этого чудовища сплюснутая. Силуюсь вспомнить, у кого из морских обитателей такие приметы. У касатки. И тут же меня от этого «открытия» будто током шарахнуло. Сполз с валуна, прижался к нему, ни жив ни мертв, глаз с нее не спускаю. Такая машина слопает вместе со скафандром.

А касатка стоит, уставилась на меня, будто гипнотизирует. Даже если просто заденет за шланг своим хвостом или острым плавничком — оборвет как нитку.

— Эй, на грунте! Как самочувствие? Как поиск? — услышал я сквозь треск и шипение голос старпома.

— Ничего, так себе, — отвечаю я едва слышно.

— Что так посредственно? Не случилось ли чего?

— Да пока не случилось, но может... Касатка прижала, маячит надо мной.

— Какая еще касатка? В Арктике они не водятся, поди, тюлень пошаливает.

«Наверно, в справочник полезли. Не верят, что в Баренцевом море касатки водятся», — подумал я, еще плотней прижимаясь к валуну. Но в микрофоне опять затрещало, зашипело, и тот же голос старпома пробасил:

— На грунте!

— Слушаю.

— Как касатка?

— Стоит, чертвяка.

— Ну и пусть стоит... Сам не шевелись. Мы ее сейчас отвадим. А как у тебя с воздухом?

— Нормально, — ответил я и тут же мотнулся в

сторону от неожиданной волны: на шхуне врубали машину и заработал винт. Касатка в тот же миг вихрем сорвалась с места и исчезла, будто ее и не было.

Я завопил о срочном подъеме и быстро, как мог, зашагал к шхуне...

О ЛЕГ ЛАРИН, наш спец. корр.

КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ ТИМАНА

Лопати винтов вертелись отчаянно и бесшабашно, выкручивая снежные языки. Померкли, растворились в метельной круговерти слабые пятна зари, здание Ухтинского аэропорта, фигуры механиков в заиндевевших полушубках. Ми-8 вздрагивал от толчков, хрустел окоченевшими металлическими суставами и наконец оторвал себя от земли...

В глаза ударил яркий свет, все, как один, зажмурились, припали к иллюминаторам. Внизу проплывали холодные лезвия рек, ручьев, ручьев... Зеленые версты елей... Дышащие рты озер... Прямоугольники вырубок... Неужели это Тиман?

— Тиман, Тиман... — охотно кивает мой спутник Володя Балагуров.

Легкое разочарование: вот тебе и возвышенность! Где сопки, уступы, скалы? Тиманский кряж похож на море, которое никак не уляжется после шторма. Кругом однообразные, как застывшие волны, холмы до самого горизонта. Правда, один раз Тиман все же разбежался, поднялся крутыми отвесами, стал падать в реки, обрываться в глухие распадки — словом, начудил, наобещал, нашаманил всяческих чудес и тут же успокоился, словно вспомнив о своем возрасте. А возраст у Тимана преклонный — более 400 миллионов лет. Каменноугольный период, герцинская складчатая эпоха... Невообразимая древность.

— Если бывал на Урале, то Тиман тебе понять нетрудно, —

Фото В. ЗОТОВА

наклоняется ко мне Балагуров, стараясь перекрычать гул мотора. — Те же породы, те же структуры. Но Урал осваивают веками, а здесь только начинается... Чего только нет у нас! Уголь — раз! Нефть — два! Газ — три! Строительный известняк. Серный колчедан. Медь. (Между прочим, из тиманской меди во времена Ивана III были отчеканены монеты. Читай Карамзина — «История Государства Российского».) Марганец. Агаты.

— И боксит, — подытоживаю я. — Не торопись! — улыбается Володя. — Гипс. Фосфориты. Минеральные краски. И наконец, — торжественно заключает он, — посланец девонской эпохи — боксит!

С гидрогеологом Владимиром Балагуровым я познакомился два года назад во время плавания по бурной и своеравной Пижме Печорской, стекающей с Тимана, и тогда уже почувствовал решительный характер своего спутника.

Если барахлил мотор, Володя безошибочно угадывал его дефект; если в лесной избушке кипело комарье — он поджигал гриб-трутовик, кусочек которого предусмотрительно держал в рюкзаке, и дымом выкуривал кровопийц из жилья; если с утра шел дождь, Володя глубокомысленно читал глазами облака и определял: «Часа на три, не больше». И точно — через три

часа мы шли заводить мотор... Как-то после ужина я принялся мыть кастрюлю с остатками пригоревшей каши. Балагуровскомандовал: «Гальян помоет!» — и бросил кастрюлю в реку. На следующее утро я нашел ее выскобленной до блеска: это потрудилась маленькая, но чрезвычайно прожорливая рыбка-гальянка...

Представляю, как «разделяется» Володя со скважиной, из-за которой летит сейчас на Тиман. Ему сообщили, что скважина, которую гидрогеологи пробурили несколько лет назад, стала фонтанировать. Володе предстоит отобрать пробы воды на анализ, чтобы определить, не содержит ли она вредных веществ.

Тогда, на Пижме, в таежной избушке Володя рассказывал мне о том, как на Среднем Тимане, в болотах и расщелинах, поросших лесом, по берегам ручьев и речушек геологи открыли красновато-бурый камень — боксит, ценнейшее сырье для получения алюминия. Сотни миллионов лет пролежал он в тиманских недрах. Когда-то в этих местах простирались красные пустынные плоскогорья, и тропическое солнце нещадно палило землю, разрушая горные породы. Одни из них бесследно выветривались, уносились дождевыми потоками, другие, подобно магме, расползались по склонам, расщелинам, а сверху их, как гробовой доской, прикрывали черные вулканиче-

ские лавы — базальты и осадочные породы. Менялись геологические эпохи, разрушались старые и рождались новые горные цепи. А красно-бурые глины, похожие на обожженный кирпич, ждали своего часа...

Это открытие предчувствовали. Слишком много «за» скопилось в Ухтинском геологическом управлении, чтобы утверждать — боксит на Среднем Тимане есть! В южных районах края его нашли еще в начале 60-х годов, но пока невысокого качества, в нижнекаменноугольных слоях. Для Среднего Тимана требовались систематические поиски, крупные ассигнования, наконец, точные координаты для проведения буровых работ. Помог, как ни странно, случай.

В августе 1969 года геолог-съемщик Виктор Пачуковский, исследуя правый коренной берег реки Ворыквы, наткнулся на обнажения базальта. В куче обломков его заинтересовал бурый камень, покрытый трещинами. Лабораторный анализ показал, что это был аллит — бокситоподобная порода с небольшим содержанием глинозема. Находке обрадовались; еще бы, ведь аллиты — неразлучные спутники бокситов. И на следующую осень в район Ворыквы был выброшен десант. Чтобы «подтвердить» находку, три геолога и один рабочий закладывали шурфы, рыли канавы. По опыту знали: летишь

на неделю — готовься работать месяц. Так оно и вышло. К концу экспедиционного срока при проходе неглубокого шурфа была найдена сильномажущаяся порода вишнево-бурого цвета... Это был праздник для геологов и одновременно сигнал для начала поисковых работ.

На Средний Тиман потянулись машины с буровыми станками, бульдозеры, вагончики для жилья, цистерны с горюче-смазочными материалами. А вслед за ними, иногда опережая их, шли топографы, буровики, каротажники, опутывая сеть скважин мрачные буреломы, непролазные топи («ни дна тебе, ни покрывки»), застланные пеплом гари. Рудный пласт, накрытый сверху надежной броней из многих пород, имел слегка вытянутую форму, извилистый контур. Неподалеку от того места, где была пробурена первая скважина, ухтинские геологи оборудовали поселок, назвав его в честь самой высокой точки Тимана — Четласом.

— Четлас себя еще покажет, — обещает Балагуров, заглядывая в иллюминатор.

Подставляя бока солнцу, вертолет закладывает вираж, и из-за листовенничной гривы, будто солдаты на перекличку, навстречу нам выбегают деревянные строения...

В облике Четласа — ощущение порыва, временности, непостоянства. Четлас как ледяя в разливе лесов. Такое впечатление, что поселок долго бежал по тайге и теперь остановился как бы с разбега, чтобы отдышаться...

Повсюду толчея вездеходов и самосвалов. Грохот взлетающих вертолетов. Черета меняющихся вахт. Путица антенн. Снег в пятнах солянки. И бесконечные ряды полозьев, на которых, как на фундаментах, стоят жилые временки. Городок на санях рожден бокситовой горячкой: его везли по зимнику из Ухты, остановили на ворыквинском плацдарме, зацепили за крохотный кусочек тверди, чтобы отсюда вести более мобильное изучение тиманских недр. Поселок контролирует восемнадцать буровых бригад, разбросанных по тайге; но в любую минуту он может тронуться с места и уехать туда, где будет более необходим.

В Четласе все так или иначе зависит от боксита — щедрость банковских ассигнований, техническая вооруженность, текучесть кадров, премиальные. И если на

какой-нибудь структуре разведчики «откупорят» парочку-другую перспективных скважин, сведения об этом тут же поступают в поселковую радиорубку.

Сейчас комната радиорубки наполняется дублеными полушубками, клубами пара. Радист напоследок проверяет аппаратуру. Резкий щелчок — и в тишину врываются шорохи эфирных помех, один за другим вступают голоса буровых мастеров. Радиосообщение начинается...

— Привет Четласу!.. Слабошпицкий говорит.

— Как там с запчастями?.. Галай.

— Картошку привезли?.. Это Дрыгин.

— Помбухчиянец говорит... Тушенка будет?

Начальник партии Владимир Васильевич Соболев протестующе машет рукой:

— Не все сразу. Соблюдайте порядок в эфире! Дрыгин, как у тебя с проходкой?

— По графику идем, без аварий, — веско бросает начальник Мезенского участка Дрыгин и называет метры, пройденные за вчерашний день.

— Владимир Васильевич! — отчаянно взывает другой голос. — Дизель сел! Сварочные швы, того гляди, лопнут. Мороз поднимается. Как быть?

— Ну чего ты скрипишь, Галай! — срывается с места один из механиков, сидящих в комнате. — Я же тебе сказал — сделаем.

— «Сделаем, сделаем», — бормочет Галай, глотая обиду. — Второй день слышу — «сделаем»...

— Галай, ты слышишь меня? — включается Соболев. — Сегодня к вам на буровую придет монтер. Лично прослежу, слышишь? А виновных, — он выразительно смотрит на механика, — накажем. Все! Радиосообщение продолжается: подсчитываются метры проходки и тоннаж бокситовых образцов, необходимых для лабораторных работ; подсчитывается количество завезенных в тайгу колонковых труб и горюче-смазочных материалов; даются координаты для новых буровых точек, распоряжения, куда двигать технику дальше, как рациональнее использовать вертолеты и так далее.

Фронт поисковых работ движется все дальше на север, к тундре. Буксуя в снегу, бульдозеры прокладывают новые километры зимника. Завозится оборудование, продовольствие, создаются новые опорные пункты. Необходимо за-

крепиться на мало-мальски удобных рубежах, чтобы летом, когда расплывутся болота, обеспечить нормальной работой четласских буровиков, геологов, топографов, сейсмиков, каротажников. Словом, масса черновых, каждодневно возникающих проблем, которые нужно решать сегодня, сейчас...

В эфире слышится ясная, подчеркнуто-профессиональная речь:

— ...наблюдаются сероцветная кора выветривания на мандельштейнах, межпластовая залежь среди туфопесчаников и пелитолитов франской пестроцветной толщи...

— Так, — записывает данные геолог Борис Королев. — Дальше...

— В профиле коры выветривания выделяются гидрохлорит-шамозитовая и верхняя каолинистая зоны...

— Так-так, — радуется Королев.

— Встречаются доломиты быстринской свиты верхнего рифея с тонкими прослоями аргиллитов...

Что там происходит с прослоями, я уже не слышу, потому что голос геолога накрывает бас Помбухчиянца:

— Пов-то-ряю вопрос: тушенка, яйца, картошка, лук, молоко, сгущенное — будут?

— Правильно говорит! — вразной поддерживают его бурмастера.

Соболев смеется и сердится одновременно:

— Карабет Васигенович, ты мне всю дисциплину разваливаешь. Опять без очереди?

— По-чэ-му без очереди? — рокочет бас. — Этот каша... уже нельзя. Работаем, понимаешь, пока завтрак в животе грээт...

— Ладно, ладно, — перебивает его Соболев. — Испортил ты мне песню, Помбухчиянец. Хотел сюрприз приготовить. — Он поддерживает паузу, и эфир разом смолкает. — Итак, слушайте все. На склады Четласа начали поступать свежее мясо, сыр, яйца, сметана, молоко. Овощи будут, когда потеплеет. Все!

Узкая лесная дорога проворно петляет среди низкорослых елей. Тайга здесь серая, захлавленная сучьями и вывороченными корнями-кокорями. Наверное, поблизости когда-то бушевал лесной пожар; одно дерево, обгорелое, беспомощное, клонится к другому, другое к третьему... Если бы не молодой сосняк, старший заслонивший следы пожара,

не на чем было бы остановить глаз.

Снежный коридор, по которому пробирается машина, — это так называемый магистральный профиль. Он как бы надвое расщепляет Вежаю-Ворыквинское бокситовое месторождение. От дороги лучами разбегаются большие и малые просеки — вертикальные профили, на которых вешками отмечены точки для бурения. Раньше, когда искали рудное тело, такие вешки отстояли друг от друга на расстоянии километров. Теперь же их сгустили настолько, что гул соседних буровых сливается воедино.

Машина не спеша переваливает лесной косогор и останавливается у двух вагончиков. Они прочно вросли в сугробы, обгарились длинными, как свечи, дымами.

Мы откидываем брезентовый полог, и в кузов заглядывает худой, приткый паренек.

— Сейчас чайку поставим... погреемся. Ага?

Руки у паренька легкие, вертикальные, как на шарнирах. Мои попутчики не успевают опомниться, как тот уже выгружает причитающиеся бригаде запчасти и продукты...

— Станислав Слабошпицкий, — представляют мне паренька. — Первая скважина на Тимане — его.

Всматриваюсь в лицо Станислава — не так уж он молод, как показалось вначале.

Я прощаюсь с попутчиками (им некогда чай гонять — надо груз развозить) и прыгаю в снег. На расстоянии от деревьев пятачке, на санных, впаянных в лед полозьях стоит буровая. Кругом штабеля замасленных труб, ящики с керном. Над копром реет теплое марево, в вечернем небе таят завитки дыма и пара.

...В жарко натопленном вагончике за стаканом обжигающего чая Станислав рассказывает, как попал он в эти края. Пожилой дядька из бюро по найму рабочей силы договорился с ним, донецким помбуром Стаськой Слабошпицким, о трехлетней работе в лесах Крайнего Севера и выдал подъемные. Смысл этих вроде бы даровых денег раскрылся перед ним в первой же таежной вылазке, когда тащили из трясины трактор и оголтелое комарье висело над ними серой тучей; подъемные, понял он на собственной шкуре, — это как бы аванс доверия, который нужно оплатить в будущем, доказать себе и другим, чего ты стоишь в настоящем деле...

Три года пролетели — не успел

оглянуться. Обычно геологи «рисовали» ему кружок на карте, каждый кружок — предполагаемая структура, и он тащился туда со своей буровой, через глухие увалы и прикрытые мхом болота, подстегивая трактор и часто не ведая, что ждет его на этом месте. Он бурил на нефть и на газ, удачно и неудачно, но каждая новая скважина прибавляла ему уверенности и сноровки. Приятели звали его в другие, звонкие и изобильные края, но Станислав упорно держался за Тиман, смутно подозревая, что тот не сказал еще последнего слова. И если откочевывал куда-нибудь со своей буровой, то выбирал самые заброшенные медвежьи углы.

В одной из таких глухоманей, на печорском притоке Нерице, ему выдали новый кружок — возвышенность Четласский Камень, верховья реки Ворыквы. «Бурение на боксит, — сообщили по радио. — Горючее получите на месте». Он посмотрел на карту, прикинул расстояние: три дня ходу — и двинулся с буровой по старому зимнику... Весна выдалась не по-северному ранней; влажно мерцал, оседа, снег. Взгляд упирался в непроглядную хвою, даже нелюдим глухарь избегал этих гиблых мест. В буревалах застревала техника, летели гусеницы, однажды чуть было не утопили буровую — с трудом вытянули ее болотоходы... Санно-тракторный поезд прибыл в заданный квадрат, опоздав на пять суток. А когда стали разгружать оборудование, кто-то обратил внимание на красный, взрыхленный гусеницами снег. Такие же красно-бурые пятна проступили и у оттаявших корней деревьев. Недолго думая, запустили буровой станок, бросили под коронку традиционную монетку, на счастье, — и пошел боксит! Было это в конце марта 1971 года.

— Если честно... нам тогда просто повезло, — спокойно говорит Станислав. — И бригаде Саши Дрыгина тоже повезло. Мы бурили почти одновременно, но на разных профилях... А вообще-то боксит так легко не дается. К нему подход нужен...

Еще в Ухте мне пришлось слышать о том, как на Тимане был опрокинут один из постулатов классической геологии, и сейчас, понятно, я с интересом жду объяснений.

Станислав хватает карандаш и на полях старого журнала, подложенного под горячую сковороду, рисует разрез здешних недр.

— Раньше считалось, что бокситы хранятся на базальтовом ложе. Допустим, добурили до этого ложа, и если нет ничего — значит, бросай скважину и перебирайся на другую точку. У нас так часто бывало... И вот главный геолог экспедиции предложил: попробуйте копнуть поглубже, пробейте базальтовую толщу, узнайте, что за ней прячется. Мы копнули и узнали — мощный бокситовый пласт, толщина залегающая руды до двадцати пяти метров...

Станиславу пора заступать на смену: он надевает телогрейку, поверх нее брезентовую робу. В вагончик, пуская клубы пара, вваливается забрызганный глиной бурильщик. Жадными глотками пьет остывший чай, наконец с облегчением выдавливает:

— Кажется, зацепили!

— А может, его там нет, боксита? — сомневается Станислав.

— Есть. Никуда не денется, — возражает парень. — На сорок пятом метре остановились...

В морозном воздухе тяжело и надрывно гудит дизель, скрипят заиндевевшие лебедочные тросы. Дрожит, как в горячке, буровой станок: это победитовый бур долбит последние сантиметры крепчайшего, как броня, базальтового покрова, за которым должен открыться боксит. На приемный мост буровой рабочие подают очередную металлическую штангу с насечками, свинчивают ее с предыдущей, и она уходит в глубь скважины, выжимая оттуда пузырящиеся сгустки.

— Какая-то зеленая каша пошла, — недоумевает рабочий, по всей видимости, новичок. — Мылится!

— Пусть мылится, — весело разрешает Слабошпицкий, и, пока рабочий оттачивает бадейку с жижей, а помощник бурового мастера проверяет дизель, он подводит меня к поднятому из скважины керну. В заполненных доверху деревянных ящиках лежат образцы горных пород. На их основе, собственно говоря, и пишется родословная месторождения.

— О чем говорил по радио геолог, помните?

Я напрягаю память:

— О пелитах, аргиллитах и прочее...

— Правильно, — смеется бурмастер. — Вот вам аргиллит. — Он вынимает из ящика кусок породы. — Затвердевшая глина, даже в воде не размокает... А это пелитолит — камень из древней толщи Тимана. Вот туфолесчанки...

ПОШАТНУВШАЯ ПИРАМИДА

Л. АЛАЕВ,
кандидат исторических наук

доломит... базальт. Думаете, это бросовый материал? Ничего подобного! Все в дело пойдет, когда здесь начнут строить рудники, поселки, дороги...

— Ну а где же боксит? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Не все сразу, — загадочно улыбается Станислав и смотрит в сторону буровой. — Мы его вам свеженьким подадим. С девонским гарниром!..

В зареве электрических огней копер светится, как новогодняя елка. На раскаленном морозом лицах — ожидание близкого торжества. Буровики работают как пальцы одной руки, и все у них получается ладно и красиво. Удивительная экономность в движениях у привычных к холоду и поту людей...

Базальтовый щит сломлен, и дизель, чувствуя облегчение, снова поет ровно и упруго. По его «голосу» можно догадаться, что боксит «подцепили» и теперь тащат на поверхность. Слабошпичкий отключает насос, давит на рычаги, ловко управляя лебедкой, из устья скважины, как стебли растений, вырастают замасленные металлические штанги. По ним бьют кувалдой — и оттуда на приемный мост сыплется песок, шлепается глина, выскакивают куски сопутствующих пород. Их бережно собирают, ставят метки и складывают в ящики.

Наконец поднята последняя колонна, замолкает дизель. При свете ламп ребята разглядывают образцы. Темно-серые осадочные породы, зеленоватые известняки с прослойками сланцев, роскошные, в серебристых отсветах, базальты...

А вот и он, этот камешек. Я узнаю его сразу, пытаюсь ощутить на вес. Легкий какой!.. Он лежит у меня на ладони, погруженный в миллионлетний сон, и дышит холодом недр. Бурый, невзрачный, весь в трещинах и красно-вишневых разводах. Камешек из девона. Камешек, способный заменить после переработки дорогостоящие медь, олово, серебро. Камешек, без которого немислима техническая цивилизация... Камешек, благодаря которому Тиман обещает стать крупной горнорудной базой нашего европейского Севера.

— Перекур! — зычно объявляет Станислав. И, оборачиваясь ко мне, подталкивая худеньким своим плечом, приглашает в вагончик:

— Сейчас чайку поставим... погреемся. Ага?

Ухта — Четлас

ДЕЛО ОБ УСАХ

Деревня Потлад была взбудоражена.

— Айо-йо! Не осталось стыда и совести на этом свете! Если теперь такое возможно, то завтра свет перевернется! Для

этих чамаров нет ничего святого! Нет, этому надо положить конец раз и навсегда!

Женщины всплескивали руками. Мужчины слушали причитания с каменными лицами, но в их душах разгорался гнев. Толпа густела, и вот она двину-

лась в сторону недалекого поселка из глинобитных хат и хворостяных шалашей, где жили неприкасаемые. Дело продолжалось недолго — жилища были либо разрушены, либо сожжены, все, кому не удалось убежать, избиты, в том числе женщины и дети. Трое в свалке погибли.

Приехала полиция, началось длительное расследование, которое прояснило причину трагедии. Чамары «провинились» тем, что отпустили усы и загнули их кончиками вверх. В Индии издавна ценят тот мужественный вид, который человеку придают усы, и раджпуты и другие высшие касты¹ всегда носят усы именно так, ибо, если кончики загнуты вверх, всем ясно, что ты отважен, смел и независим. Неприкасаемые тоже могут отпустить усы, но никоим образом так, как это делают высшие касты. Они тогда становятся похожими на раджпутов — людей высокой касты, а это-то особенно возмутительно!

Случись это лет тридцать назад, полиция просто не стала бы заниматься этим делом. Да и вообще произойти бы это тридцать лет назад не могло: неприкасаемым просто не пришлось бы в голову закручивать усы кверху.

УЗЫ ДЖАДЖМАНИ

В этом трагическом случае, как в капле воды, можно увидеть то, что изменилось в индийской деревне, и то, что в ней остается по-прежнему. А индийская деревня была до сих пор отдельным миром — непохожим ни на индийский город, ни на деревни в других частях света.

...От индийцев-горожан часто слышишь, что под конец жизни они хотели бы перебраться жить в деревню. В их рассказах она выглядит обычно тихим спокойным уголком, чуждым суете и нервотрепке большого города, идиллическим местом, где царят порядок и гармония.

Внешне деревня и впрямь производит идиллическое впечатление: окруженные зеленью домики под черепичными крышами, подернутый ряской сельский пруд, небольшой храм. Здесь не увидишь бездомных, которыми кишат индийские города, — отчаявшихся, голодных, не имею-

щих буквально ничего людей, укладывающихся спать на запыленных, грязных тротуарах. Нет городского шума и суеты, неразберихи, машин, рикш, велосипедистов и пешеходов, забивающих перекрестки... В отдалении от деревни ютятся глинобитные хижины и шалаша неприкасаемых. И хотя выглядят эти жилища куда менее капитально, чем строения, окружающие деревенскую площадь, в городах тысячи людей могли бы лишь мечтать о такой крыше над головой.

В деревне — и это многим в Индии импонировало — действительно мало что менялось до недавнего времени.

...Ученые часто поражаются тому, как рационально устроен любой живой организм. Индийская сельская община еще до недавнего прошлого была таким организмом, все части, все колесики которого были отточены тысячелетиями и идеально притерты. Каждый человек, каждая группа людей, каждая «клетка» дополняли друг друга и имели в ней свое место, свои права и обязанности. Но права и места эти были — и во многом остаются — для всех равными.

Чтобы понять это, посмотрим, кто живет в обычной индийской деревне. На первый взгляд все ясно: больше всего в деревне земледельцев, или, чтобы быть точнее, людей, принадлежащих к земледельческой (следует понимать — землевладельческой) касте. Каста эта — «чистая», хотя и не самая высокая в индуистской иерархии. (Иногда, впрочем, в деревне больше брахманов-жрецов или раджпутов-воинов, но тогда людям этих каст принадлежит земля.) Кроме землевладельцев, в деревне живут люди других каст: ремесленники — плотники, кузнецы, ткачи, маслобои; общинные слуги — прачки, цирюльники, сторожа, посыльные, кожевники-чамары, уборщики нечистот. В любой деревне есть и брахман — жрец деревенского храма, есть лавочник (он же по совместительству и деревенский ростовщик). Если следовать элементарной логике, то земледельцы, очевидно, обрабатывают землю, брахман молится богам, цирюльники стригут и бреют, сторожа сторожат, а кожевники — чамары — производят различные изделия из кожи.

Но если почти треть населения состоит из кожевников, возникает вопрос: кому они, собствен-

но, шьют сандалии в не привыкшей к обуви индийской деревне? В том-то и дело, что чамары в массе своей вовсе не работают с кожей, они просто принадлежат к касте, в обязанности которой входило среди прочих занятий убирать падаль и сдирать с нее шкуру. Занятие это, с точки зрения индуизма, нечистое, а люди, которые выполняют такую работу, принадлежат к самому низкому слою — неприкасаемым. В традиционной общине они лишены прав, но зато на них лежат самые неприятные и тяжкие обязанности: например, браться на полях людей из «высоких» каст.

Часть своих полей земледельцы сдавали в аренду людям победнее из своей же касты или людям из касты ниже, но тоже «чистой земледельческой». Неприкасаемым земли не сдавали — разве что самый малый и неудобный клочок, — они работали на чужих полях.

Но и отказать низкокастовым в работе землевладелец не мог. Тот же обычай не позволял его жене стирать белье — на то есть прачки, плуг всегда выковывал и чинил кузнец, даже если ремонт был незначительный. И никто не мог лишиться цирюльника права и обязанности стричь людей, никто не сторожил свое поле, потому что это наследственная обязанность деревенского сторожа, точно так же, как никто, кроме брахмана, не должен был служить богам или учить детей.

Все были связаны друг с другом, никто не мог обойтись без другого, и это связывало население деревни в единый организм. В Индии эта система называется «джаджмани», что приблизительно можно передать как «взаимные услуги». Хозяева делили между собой слуг, а слуги — хозяев. Они могли сдать место у своего хозяина в аренду другому слуге или даже продать его.

Я обязан дать тебе работу, а ты обязан работать у меня; я обязан платить тебе за эту работу, а ты обязан довольствоваться той платой, которую я тебе даю. Ибо все это от бога, всегда было и всегда будет...

ДХАРМА ПЛОТНИКА

Сбор урожая — работа тяжелая, но радостная. Глазом видно, что вложенный в землю труд не пропал даром, что не погубила урожай засуха, что будет

¹ О кастах мы писали в № 3 «Вокруг света» за 1973 год — «Миф и реальность касты». (Прим. ред.)

хлеб. А поскольку к этому времени запасы истощились и пришлось подтянуть пояса, радостно вдвойне: можно будет и поестъ постынее.

Перед самой уборкой урожая на поле выходят землевладелец и все, кто его обслуживал: горшечник, прачка, цирюльник, сторож, чамар. По знаку хозяина слуги становятся на колени у края поля и начинают жать — ровно столько, сколько могут это сделать, не сходя с места. После этого чамар отходит — ибо ему положено делать это один раз, — а другие на коленях передвигаются дальше, потому что традиция позволяет им продолжать описанную операцию дважды. Конечно, если чамар трудится на нескольких хозяев, ему позволяют получить свою долю урожая с каждого поля.

Урожай собран. Обмолот закончен — это бывает дважды в году, весной и осенью, — ремесленники и слуги общины приходят на ток с мешками и мешочками: каждому из них принадлежат по традиции несколько горстей с каждой кучи зерна. Здесь же с мешком и брахман: как ни высока его каста, а зависит он все же от тех, кому принадлежит земля. Правда, получать он подходит первым. Жрец благословляет урожай, а хозяева почтительно отсыпают ему зерно. Последним будет батрак, хотя больше его никто не трудился на поле, и меньше всего горстей ему же. Оплата эта освящена временем и обычаем, и еще не так давно никто не решался протестовать против нее. А ведь, если посмотреть на нее внимательнее, станет ясно, что она входит в число тщательно — с фантастической точностью! — продуманных мер, каждая из которых направлена на то, чтобы низвести неприкасаемых (а именно они — безземельные батраки) на самый нищенский уровень. Когда человек в течение всей жизни недоедает, когда в голове у него одна угнетающая мысль о еде — даже не на завтра, а на сегодня, — о чем еще он может думать? Есть сегодня миска риса с овощным карри — воистину слава Шиве! А если и завтра будет миска риса — вдвойне слава Шиве! Нет риса, и в долг никто не дает — значит, боги прогневались, здесь уж ничего не поделаешь, и надо ложиться спать не поужинав.

Номимо того, что человек голоден и за горсть зерна согласится на любую работу, жизнь его опутана сотнями ограничений,

мелочных и унижительных. Член неприкасаемой касты не только обязан работать на другого: он не может построить себе дом, а должен жить в хижине, не смеет есть сливочное масло (если даже у него найдутся на масло деньги), не имеет права носить богатую одежду и обуваться.

И высококастовые — землевладельцы, их родня, их прихлебатели — будут бдительно следить за тем, чтобы эти предписания не нарушались.

...Родители двух молодых неприкасаемых, скопив денег, отправили их учиться. Поскольку от деревни до городка, где был колледж, довольно далеко, они ездили туда на велосипедах. Их подстерегли, избили, а велосипеды сломали. Неприкасаемый должен ходить пешком! Другой был избит за то, что прошелся по улице в сандалиях. И уж совершенное возмущение вызывает, если неприкасаемые пытаются копировать свадебный обряд высших каст. Один жених был изувечен за то, что ехал к невесте на лошади. Другой за то, что во время заключения брака над ним держали зонтик. Невесту его раздели и провели в таком виде по улице. Так же в другой деревне наказали женщин, которые надели украшения и завязали сари таким образом, что закрыли грудь и ноги по щиколотки, так, как носят сари женщины из высоких каст.

...Если поговорить обо всем этом с верующим индусом — даже из самых неприкасаемых, — то можно услышать ответ: «Такова дхарма!»

«Дхарма» — это долг человека выполнять то, что предписано ему от рождения, а, как мы знаем, у каждой касты — сверху донизу — есть свои обязанности. Если соблюдать дхарму, то в следующем перерождении (а индуизм учит, что после смерти каждый человек рождается вновь в новом облике) ты займешь высокое и почетное место. Родился неприкасаемым — значит, в прошлой жизни ты грешил, поделом тебе ныне и муки. Зато, если сейчас ты смиренно и безропотно будешь выполнять все, что тебе предписано: жить в хижине-развалюхе, голодать, быть покорным всем, кто выше тебя кастой, беспрекословно принимать унижения, — в следующей жизни ты будешь, может быть, даже торговцем коровьим навозом. А может быть, и брахманом, если ни в чем ни на йоту не отступал от дхармы.

...Жил в деревне Сенапур плот-

ник. То был очень хороший мастер, и, так как с работой в деревне вполне справлялся его старший брат, перебрался сенапурский плотник в святой город Варанаси. И открыл там мастерскую. Город не деревня: работы там больше, заказы часто сложные, платят не традиционным зерном, а рупиями. А на рупии можно и риса купить, и костюм, и транзисторный приемник. Заказчиков у умелого сенапурца было хоть отбавляй, и через некоторое время он стал жить вполне прилично, даже брату время от времени помогал.

Но тем временем старшему брату стало трудно управляться с работой, обслуживать всех закрепленных за ним хозяев.

Плотничьи обязанности лежали на их семье, и никто другой выполнять их не стал, и он написал в Варанаси, приказывая младшему вернуться. Брат-горожанин было заупрямился, но старший напомнил ему о дхарме: родился деревенским плотником и будь им. Воля старшего в семье — закон, и младший безропотно покинул Варанаси и вернулся в деревню Сенапур. Теперь он живет в деревне, получает установленное от века мизерное вознаграждение, а городское его искусство здесь никому не нужно. Зато дхарма выполнена, и награда за это ждет его. В следующем воплощении...

ДЕРЕВНЯ ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Но почему же в индийской деревне сохранялся до последнего времени тысячелетия назад заведенный быт?

Нельзя сказать, что деревенская общинная система в течение десятков веков работала без всяких сбоев. Случались и конфликты, и бунты обездоленных. Но мы о них мало знаем. Вообще внутренняя жизнь деревни была тайной за семью печатями даже для индийских махараджей, султанов и их чиновников. Более того, они и не интересовались жизнью сельской общины — лишь бы с деревни регулярно поступал земельный налог. Если налог не поступал — это означало, что крестьяне восстали. Тогда их следовало разгромить, подчинить, улестить, чтобы они снова платили, но вмешиваться в их отношения с низшими слоями деревни было совершенно излишне. Индийские императоры и махараджи не издавали законов, государевы

судьи были только в городах. Закон был дан «от века» — он заключался в сочинениях о дхарме и в неписанных правилах поведения каждой касты. Конфликты разрешались кастовыми и общинными советами. Страна как бы управлялась сама собой. Положение мало изменилось и в колониальный период, когда англичане пытались ввести кодекс законов и новую судебную систему. И когда Индия в 1947 году добилась независимости, пирамида социальных статусов в индийской деревне напоминала монолитный утес, о который разбивались все веяния, шедшие из города.

Но каждый год приносил что-нибудь новое. Конституция 1950 года отменяла кастовую дискриминацию. Вместо слова «неприкасаемые» по инициативе Махатмы Ганди стали употреблять слово «хариджань» — «божьи дети». Каждая деревня должна была управляться советом — панчаэтом, в котором обязательно должны быть и хариджань. В пятидесятых годах проведена была аграрная реформа: земли помещиков, сданные в аренду, становились собственностью арендаторов.

И меры эти должны были изменить «пирамиду» индийской деревни.

Но надежды — увь! — далеко обгоняли действительность.

Пока подготавливали реформу, помещики сумели согнать многих арендаторов. Земли их они записали в «собственное хозяйство», которое по закону не отбиралось. А согнать они смогли не членов одной с ними касты и — тем паче — не более высоких каст, а неприкасаемых. Так и получилось, что помещики остались помещиками, хотя после реформы их стали называть крестьянами. И панчаэты повсюду подтверждали крестьянство бывших помещиков.

...В здании деревенского правления идет заседание панчаэта. Стоит стол и несколько стульев — невиданные дотоле в деревне вещи, символ модернизации. Одни члены панчаэта сидят вокруг стола, другие подпирают стены, хотя свободных стульев предостаточно. Те, которые сидят за столом, оживленно беседуют, спорят. Стоящие у стен молчат. Можно даже не спрашивать, в чем дело, — сидят представители «чистых» каст, стоят неприкасаемые.

...Другая деревня, другой панчаэт, иное, более скромное помещение для заседаний. Тут все

сидят, но одни — на полу в доме, а другие — на земле, снаружи. Конечно, внутри — «кастовые», снаружи — неприкасаемые.

Деревня приняла нововведения, но отреагировала на них по-своему...

Многие хариджань теперь получают образование. И в городе это обеспечивает им, во всяком случае, улучшение положения. В деревне же, образованный или нет, хариджань остается хариджанем.

...Сейчас почти в каждой индийской деревне есть начальная школа. Она не очень похожа на школу в нашем понимании. Это навес, под которым разложены циновки. Ученики сидят на них, держа на коленях грифельные доски. Сбоку лежат ученические брезентовые сумки, похожие на противогазные. Перед ребятами у небольшой черной доски сидит учитель. Учителем раньше всегда был только высококастовый, обычно брахман; занятие его окружено ореолом почти ритуальной святости. Учитель — человек выдающийся, осененный некоей благодатью. Он и письмо напишет, и спор рассудит, и газету он же получает — от него и разные новости можно узнать. А теперь представьте себе, что в школу приезжает учитель — бывший здешний неприкасаемый. Это ли не профанация самой идеи обучения?! В одной из деревень жители этого не стерпели — запретили детям ходить в школу. Пришлось переводить учителя в другое место. Зато в деревне Деопура подобный конфликт был разрешен по-иному. Учитель-неприкасаемый учит детей, но не может сесть в их присутствии и должен весь урок стоять у доски.

...Новое шоссе — ровная голубоватая полоса — прошло через деревню Велаюр. Шоссе строили власти штата, чтобы связать между собой два города, и деревенский панчаэт не решал, где и как должно оно пройти. Сельчанам шоссе понравилось — и ездить удобно, и выросли вдоль шоссе белые домики: отделение почты, чайная и несколько магазиновчиков. По шоссе несутся огромные грузовики, шоферы задерживаются в деревушке, чтобы отдохнуть от однообразия дороги, попить чаю, подкрепиться. Вообще шоссе придало деревне солидность, приблизило ее к двадцатому веку. И — поскольку шоссе строило правительство — панчаэт не мог запретить неприкасаемым поль-

зоваться шоссе, как, скажем, деревенской главной улицей. Зато принято было решение: хариджань могут ходить по шоссе. Ходить. Но не ездить; идти рядом с телегой, а не сидеть на ней.

А когда от панчаэта другой деревни власти штата Тамилкаду потребовали — по жалобе хариджанов — открыть для них дорогу (хариджань жаловались, что из-за запрета им очень тяжело добираться с полей домой), панчаэт принял решение: дорогу открыть. Параллельную с дорогой для «чистых», обжав хариджанов проложить ее.

...Нет, правительство могло принимать любые решения, самые гуманные законы, самые продуманные постановления. Деревенская община переваривала все и продолжала стоять — монолитная, прочная, застывшая.

ПИРАМИДА ПОШАТНУЛАСЬ

...Правление кооператива, деревенский панчаэт, остановка автобуса и почта расположены в населенной «чистыми» деревне — от квартала хариджанов до нее довольно далеко. И без необходимости жители квартала в деревню не ходят, как, впрочем, и жители деревни в квартал.

И вот однажды два мальчика — сыновья неприкасаемых — оделись в свои лучшие костюмы — в рубашки и шорты, тщательно перед тем выстиранные и выглаженные. Что там костюмы! Они обули башмаки — вещь совершенно исключительная в Индии, где люди, как правило, ходят босиком или в легких сандалиях. Они топали в своих тяжелых ботинках по «кастовой» деревне, двое маленьких неприкасаемых, и... ничего не случилось. Они благополучно опустили письмо — символ прогресса — в почтовый ящик и, вернувшись в родные хижиньки, с облегчением вздохнули и скинули башмаки (а также рубашки и шорты).

Да, все имеют право пользоваться почтой. Возможно, некоторые местные жители (может быть, кто-нибудь из местной интеллигенции, например учитель или студент, приехавший к родителям на каникулы из города) глядели на мальчиков, шествовавших по раскаленной улице, где им не полагалось ходить (да еще и обутыми!), с умилением: «Все же кастовой системе приходит конец!» К сожалению, реакцией большинства были отворачивание и ужас:

— До чего мы докатились! Вот она, современная молодежь! Для нее нет ничего святого!

Но — и это следует отметить — на этот раз никто не решился проучить «нечистых» мальчишек («А кто их знает, кому они написали! Может быть, самой Индире Ганди! Правительство же теперь вечно хариджанов защищает!»). Но — что еще важнее — лет двадцать тому назад «преступление» осудили бы и многие из хариджанов («Разве можно идти против воли богов?»), а теперь оба мальчишки действовали с молчаливого одобрения своих собратьев по касте.

Ибо, как ни консервативна и монолитна на первый взгляд индийская сельская община, угнетенные ее слои постепенно становятся другими. С первых лет независимости во всех индийских колледжах и университетах отведен был специальный процент мест для молодых людей из низших каст. И через некоторое время выросла прослойка образованных хариджанов, а хариджаны, темные, забитые и неграмотные, все новости узнавали до тех пор только от своих хозяев, и намерения правительства — даже самые лучшие! — часто оставались для них неизвестными.

Кое-кому из хариджанов удалось разбогатеть, и им также хо-

чется изменить низкое свое положение, а это невозможно без того, чтобы повысила свое положение вся каста.

...Убирать трупы павших животных — обязанность чамаров. С точки зрения индуизма — обязанность позорная; чамары потому и «неприкасаемые», что имеют дело с падалью, утверждает традиция. Раз так, рассудили чамары, впредь члены касты не будут убирать падаль. «Что же делать?» — взволновались высококастовые сельчане. «Понятия не имеем», — отвечали чамары. (Убирать их все-таки уговорили, но за особую плату, а также за то, что им позволили пользоваться общим колодезем.)

Зато грязную посуду, которую ходили чамарки мыть в доме хозяев, моют теперь сами «высокороджденные» женщины. Стесняются, конечно, делают это так, чтоб никто не видел, но моют.

Раньше после праздника в зажиточном доме обеды отдавали слугам. И в менее зажиточном отдавали, хотя — Шива свидетель! — сами бы охотно съели на следующее утро. Таков уж обычай — одновременно и благотворительность, и унижение.

Теперь обеды слуги не возьмут, даже если дома семья голодная. Неприкасаемые и дру-

гие люди низших каст начали понимать, что такое человеческое достоинство.

1 июля 1975 года Индира Ганди объявила программу социально-экономических преобразований. Правительство запретило отработку за долги (а долги эти, переходя по наследству, росли и росли). Самым нищим долги вообще отменили, остальным беднякам разрешили их пока не выплачивать. Панчаяты теперь должны строить для неприкасаемых дома (а не хижин), причем в самой деревне (а не в особом поселке), и регулярно отчитываться в этом. Неимущим должны выделять землю. И за время, прошедшее с тех пор, как в Индии было введено чрезвычайное положение, более трех миллионов семей сельской бедноты получили землю для строительства жилья. Столько же было распределено в стране за все предшествующие годы со дня получения независимости. Правительство дало себе ясный отчет: пропагандистских мер недостаточно, надо дать хариджанам хотя бы некоторую экономическую независимость от хозяев.

Если дрогнет основание, пошатнется и все сооружение. Веками скрепленная пирамида в индийской деревне пошатнулась еще только слегка.

Но — пошатнулась...

ЗАМУСОРЕННЫЕ ГИМАЛАИ

Стремление человека покорить высочайшие вершины мира постепенно, но верно превращает отроги Гималаев, по которым проходят пути экспедиций альпинистов и туристов, в мусорную свалку. Об этом говорили ученые, выступавшие по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Доктор Камал Среста не без оснований назвал один из популярных и обхоженных альпинистами маршрутов — двухсоткилометровую дорогу, проходящую через территорию Непала к подножию Джомолунгмы, «мусорной улицей». Тысячи альпинистов, устремляющихся в этот район мира, оставляют после себя скопище консервных банок, бутылок, бумаги и других отходов. Загрязнение отрогов Гималаев усугубляется тем, что альпинисты при штурме вершин пользуются одним и тем же маршрутом, разбивая базовые стоянки в одном и том же месте. Из года в год растет также и число туристов. В 1962 году их было 6 тысяч. В 1974-м — уже 70 тысяч, а к концу 1975-го возросло до 100 тысяч. С 1949 года здесь прошло в общей сложности 325 экспедиций, которые оставили после себя тысячи тонн отбросов.

Ученые выражают также озабоченность бесконтрольным истреблением леса для разжигания костров и приготовления пищи. В среднем в году расходуются около 800 тонн дерева. При разбивке стоянок и лагерей альпинисты невольно вытаптывают луга, что

оказывает вредоносное воздействие на местную растительность, ведет к образованию оползней и камнепаду.

АЗИЯ СВОБОДНА ОТ ОСПЫ

Последней страной в Азии, в которой еще отмечались случаи оспы, была Республика Бангладеш. Вспышка особенно опасной разновидности этой болезни, приводящей к гибели около трети больных, отмечалась здесь еще в 1975 году.

Однако предпринятые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) меры, в которых участвовало более 12 тысяч специалистов, оказались успешными. Удалось не только погасить очаг эпидемии, но и, обследовав — семью за семьей — 150 тысяч деревень, полностью завершить борьбу с этой болезнью.

Тем самым после официального объявления Республики Бангладеш «свободной от оспы», за год до срока была закончена рассчитанная на 10 лет кампания ВОЗ по ликвидации оспы во всей Азии.

В Африке случаи оспы еще время от времени отмечаются. Так, в Эфиопии ежемесячно регистрируется около 100 заболевших. Однако руководитель всемирной кампании борьбы с оспой Дональд Хендерсон считает, что в течение 1976 года усиленные меры должны привести к ликвидации инфекционных очагов и в Эфиопии. Тем самым свободным от оспы будет практически весь земной шар.

НОВОСТИ ЭКОЛОГИИ

АРХАНГЕЛЬСК-ДИКСОН:

Е. ФЕДОРОВСКИЙ

Фото автора, Д. КРАВЧЕНКО,
Ю. КОЗЛАУСКАСА

ВРЕМЯ ДОРОГ

КАРА — МАРРЕСАЛЯ

Безрадостные, тягучие дни плывут мимо, похожие один на другой. Погода пасмурной осени. Особенно когда вместо дождя сеет снежная крупа. Изредка в быт вторгаются маленькие новости, но и они не радуют.

Пробились по реке туристы, обосновались тоже в пустующих комнатах гостиницы и все дни и ночи терзают гитару, поют о кошмарах. Они прошли с Полярного Урала на байдарках, теперь в Каре ждут случайный самолет, чтобы попасть в Воркуту, Нарьян-Мар или Амдерму, а оттуда — домой, в Ленинград, Москву, Ярославль.

Ненец Алексей Хантазейский

Окончание. Начало в № 6, 7.

рассказывает, как в войну под Мурманском на оленьей упряжке подвозил на передовую боеприпасы.

На свалке списанной техники нашел «Каталог запасных частей», толстый, как «Война и мир». В нем тысячи сложнейших деталей. Столько же деталей валялось вокруг. Сколько доменщиков, сталеваров, токарей, лекальщиков, фрезеровщиков работало над ними?! Сколько потратили руды, металла, угля, нефти, труда?! И что обидно, такие свалки у каждого поселка в Арктике. Ржавеют и гибнут разбитые тракторы, вездеходы, списанные двигатели, миллионы пустых бочек и цистерн. Неужели сложно Министерству морского флота выделить один пароход-санитар? Не торопясь он бы прошел по Северу с краном и прессом, собрал бы весь металл

и очистил берег от свидетельств неоправданной щедрости и бесхозяйственности.

...Через несколько дней шторм стал стихать. По крайней мере, перестали звенеть стекла. Не мешкая ни минуты, мы перетащили на катер свои спальные мешки и отчалили.

В Байдарацкой губе, правда, над нами еще потешилась крупная волна, но небо начало очищаться. Мотор работал устойчиво. Бензина было много. Берег давно спрятался в багровой хмари уходящего циклона, а кругом расквашивалось и пенилось море...

В какой-то момент все вдруг изменилось. Мгновенно синью залилась вода. В глаза ударило солнце. Как давно мы не видели его!

На нас солнце оказало прямо-таки магическое действие. Все не-

ИДЕМ НА КАТЕРЕ „ЗАМОРА“

приятности показались ничтожны-ми. Главное, мы теперь двигались к цели и, кажется, в силах были побороть и отчаяние, и напряжение в отношениях, и тоску по оставленным дома близким людям. Мы разложили на палубе мокрое белье, улеглись на надувную лодку и лежали так, подставив лучам изжелта-белые лица. Когда проходило два часа, кто-то из нас спускался в каюту и брался за штурвал, а другой занимал освободившееся место под солнцем.

Берег показался вечером. Ямал.

Хотя мы держали по компасу более или менее правильный курс, вышли километров на десять северней полярной станции Марресалья. Возникло желание повернуть прямо к Харасавэю, тем более что одну станцию от другой отделяли всего восемьдесят километров. Но Дима, подсчитав запасы горючего, принял решение остановиться у Марресалья.

Лоция сообщала, что эту станцию основало еще в 1913 году Российское телеграфное агентство. Здесь же действовала фактория, скупающая у населения пушнину.

Мы прошли мимо речушки Марре-яга, за которой на высокой горе виднелась радиомачта. Дальше берег уступом обрывался к морю. В одном месте лежали груды кирпича. Берег, избитый морем, отступил, и старая станция рухнула в воду.

Некоторое время мы пытались подойти к берегу, но не позволяла мель. Дима дважды выстрелил из ружья. Однако никто не услышал. Я облачился в гидрокостюм и, борясь с довольно крутой волной, пошел к станции. Здесь тоже вчера шел дождь, и ноги скользи-

ли на глине, когда я стал взбираться на гору.

Первой меня увидела кок Людмила Силина. Она вышла из кухни, и тут ее внимание привлекла необычная фигура в желто-голубом одеянии. Она кликнула людей. На крыльце появились Нина Евтеева, Вячеслав Куренков и Георгий Боцяновский. Они провели меня к начальнику станции. Им оказался Саркис Айрапетович Саркисов, старый полярник, о котором я давно был слышан. Он сказал, что нам бы надо входить в русло Марре-яги, но поскольку уже совсем стемнело, то послал на помощь Георгия. Он здесь работал механиком и ведал всем подвижным парком станции — водил трактор и небольшую «до-ру».

Мы вернулись на берег. Я попытался посадить Георгия на плечи, чтобы донести до катера, но, протащив его по глинистому дну и волнам метров тридцать, отказался от этой затеи. Махая руками, мы побежали вдоль берега. Дима понял нас. Развернувшись, он подогнал катер к речке и, ориентируясь по ряби, провел его в русло.

На станции ждал роскошный ужин. С истинно восточным гостеприимством встретил нас Саркисов. А если серьезно, то надо понять, что люди здесь соскучились по гостям — ведь они работали в самом далеком углу полуострова, в стороне от хоженных дорог.

Видно было, что жили они дружно и трогательно отвечали на внимание. Самому молодому, Виктору Загребневу, недавнему выпускнику Ленинградского арктического училища, было лет двадцать, Саркисову стучал пятьдесят пятый, но никто не ощущал здесь разницы в возрасте. Люди просто привыкли уважать друг друга, поскольку все одинаково переносили и радость, и тяжесть зимовки.

Одно отличало их от Саркисова — начальник поивал столько, сколько мог повидать только неумный человек. Он родился в Туркмении, куда отец отправился на заработки строить Чарджоуский мост. Едва подрос, поехал искать счастья в Москву. Здесь прибил к «Мосфильму». Помощником режиссера снимал фильмы «Весна», «Адмирал Нахимов», «Весна в цвету» и другие. А потом вдруг повернул жизнь еще на один румб. Отправился в Арктику. Зимовал на Марресале, Харасавэе, в Маточкином Шаре, Русской Гавани, Шпицбергене,

Столбовой на севере Новой Земли. Особенно запомнилась работа в новоземельских Кармакулах — самой старой полярной станции в Арктике. Ее основали соловецкие монахи в конце XIX века. Они наблюдали за погодой, пробовали выращивать ячмень и овес. Кругом были озера, богатые рыбой и птицей, росли леса. Здесь, рядом с часовенкой, стояла изба, где хранилась богатейшая старинная библиотека. Но в сорок втором году к Кармакулам подошла гитлеровская подводная лодка, расстреляла два гидросамолета, стоящих в бухточке, и все жилые постройки. В огне и сгорела библиотека...

И на каких бы полярных станциях ни был Саркис-Айрапетович, всюду с ним зимовала, переносила и нужду, и тоску, и полярные ночи жена Мария Сергеевна. В прошлом году зимой она умерла, и Саркисов исполнил последнюю ее волю — похоронил там, где родилась, в Москве.

Мы разговаривали до поздней ночи. Саркисов говорил о том, как падала с обрыва старая станция, как строили новую, за сотни километров возили бревна и доски, как, начав с механика, осваивал полярные профессии радиста, метеоролога, аэролога, магнитолога.

...Утром ребята собирались топить баню и приглашали нас. Но как ни соблазнительно было предложение, мы хотели воспользоваться хорошей погодой и решили с утра идти к Харасавэю.

Саркисов показал нам свою, более подробную карту и предупредил:

— Только все время держитесь мористой. Не дай бог вам попасть в Шарاپовы кошки.

На карте от мыса Марресала в двадцати километрах далеко в море выдавались отмели, похожие на дуги, — печально знаменитые Шарاپовы кошки. Саркисов сказал еще, что, попав на эти отмели — коварные, вязкие, как гнилой Сиваш, здесь погибло много людей, отчаявшихся выбраться из трясины и дикой тундры, где не пасут оленей и вообще нет поселений.

Нас положили в ленинской комнате, заставленной книжными стеллажами. Оказывается, Саркисов даже тут позаботился о книгах и не без гордости сказал, что такой богатой библиотеки на других станциях пока нет.

Быстро пролетел остаток ночи. На рассвете Боцяновский помог заправиться горючим. После

обильного завтрака, щедро снабженные сигаретами, мы отправились дальше.

ЭТИ ЧЕРТОВЫ ШАРАПОВЫ КОШКИ...

Когда выходили из русла Марре-яги, никто из нас не сомневался, что в этот же день мы дойдем до следующей полярной станции Харасавэй, построенной на мысу того же названия. Ничто не предвещало беды. А между тем в этот день беда и началась. С севера пришел новый заряд тумана, скрылось солнце, исчезли берега. Задул ветер. Недолго же держался антициклон. Арктика диктовала свои законы.

Володя Савельев занял место за штурвалом. Мы с Димой забрались в спальные мешки досыпать. Поднималась зыбь. Ветер задул с севера, и Володя держал катер носом на волну. Вероятно, это обстоятельство и подвело нас. Не полагаясь на компас, Володя, а вслед за ним Дима, который сменил его, все время подворачивали на ветер, а он, оказывается, перемещался, становясь северо-восточным. Но об этом мы догадались слишком поздно. Ввел в заблуждение и мыс, который мы приняли за тот, где начинались Шарاپовы кошки. Оказывается, нужный мыс мы давно прошли, а этот был другой. Словом, мы прямым ходом врезались в Шарاپовы кошки.

Произошло то, чего мы так боялись... Нам казалось, что мы шли гораздо мористее кошек, на самом же деле оказались в западне. С одной стороны тянулась болотистая тундра, с другой — наносы векового ила, которые кое-где поднимались выше моря, превратившись в островки. Надо бы, конечно, пока не поздно, поворачивать обратно, выйти прежним фарватером из кошек, но вместо этого мы начали тыкаться во все стороны, надеясь прорваться к морю через кошки. Винт молот илистое дно, за катером тянулся черный след. Потом катер полз на брюхе. Мы поворачивали в другую сторону и шли до новой мели, теперь уже потеряв всякое представление о том, где находимся. Мы перемутили всю воду, она стала бурой, как густой кофе.

Чем сильнее владело нами стремление вырваться из мелей, тем дальше засасывали наш катер Шарاپовы кошки. Чтобы уравновесить корму и нос, мы бегали по палубе, перегружали с

места на место самое тяжелое из груза — канистры с бензином, помогали веслами. Наконец катер увяз настолько, что нам пришлось спускаться в воду и толкать его, толкать до тех пор, пока в глазах от напряжения не завертелись красные круги

Опасаясь, что катер может окончательно засосать трясина, мы продолжали таскать его по мелям, пока не наступила ночь. Затем делали то же самое следующий день.

Чтобы не утяжелять катер, на котором сказывался каждый лишний килограмм, мы взяли с собой мало еды. Скоро кончились продукты. Мокрые, голодные, полузамерзшие, мы взобрались на палубу, едва вытащив из вязкого ила сапоги. Катер уже прочно стоял на мели. Дима в отчаянии уронил голову на штурвал. Володя отрешенно глядел в сторону кошек. Они поднимали над водой черные спины, и не было, казалось, им конца. Я, чтобы согреться, полез в спальный мешок. У меня был роскошный, лебяжьего пуха спальный мешок, легкий и теплый. Его дал мне Володя Зябкин, с которым когда-то мы ходили на Хан-Тенгри и пик Победы. В то невероятно тяжелое, опасное восхождение мы устанавливали на семитысячниках 160-килограммовые осадкомеры. Однако сброшенные нам с вертолета продукты разбились и рассыпались, и неделю мы не видели ни крошки, а спустившись с ледника, ели траву. Тогда тоже можно было прийти в отчаяние. Но все семеро еще тесней сплывались перед бедой. Мы знали, только в этом было спасение. И верили, что невзгоды кончатся, погибнуть в одиночку никто не даст и никто не позволит тебе потерять силу духа.

У нас же положение было несравнимо легче. В крайнем случае мы вышли бы к берегу, добрались до Харасавэя тундрой и там бы организовали спасение катера. Но то обстоятельство, что с первой же минуты путешествия наши отношения как-то не клеились, все время росла неприятная атмосфера и нагнеталось напряжение, здесь привело к полному разрыву. Я посоветовал оставить катер и идти, но Дима закричал, что никогда не бросит «Замору». Может быть, он был и прав, поднявшийся шторм мог бы разнести в щепки катер, сидящий на мели, но не в такой же форме надо было выражать свое несогласие.

...История арктических походов и зимовок знает много примеров,

когда теснота, изоляция, суровая обстановка, ощущение постоянной опасности, тоска по дому и близким объединяли людей, когда неожиданное проявление доброты и душевной ласковости, по выражению Ричарда Берда, в самые трудные дни, когда человек чувствовал себя особенно утомленным и унылым, озаряло окружающий мрак лучами теплоты и света.

Знает история и другое. Те же самые условия, наоборот, разъединяли людей, приводили к постоянным стычкам, конфликтам, трагедиям. Так было с экипажем «Поляриса», так было в экспедиции лейтенанта Грили на Земле Элмира, так случилось с Фритьофом Нансеном и его другом Иогансеном, когда они пробивались на лыжах к полюсу и к концу этого тяжелого, почти полуторадетного пути перестали разговаривать.

В июльском номере «Вокруг света» прошлого года поднималась проблема психологической совместимости, приспособляемости людей в экспедиции. Да, человек не серийный робот. В самом прекрасном характере имеются зазубринки, которые приятны именно своей неповторимостью. В обычных условиях их можно только радоваться. Но вот условия стали крайними — трудно, опасно, тесно, тоскливо, зазубринки принимаются цепляться одна за другую, и механизм общения начинает заедать. И счастье, если этот механизм не развалится — на гребне ли океанской волны, на последнем ли перевале или на таких вот чертовых Шараповых кошках...

Наконец, оставив Володю на катере, мы с Димой разошлись в разные стороны искать более глубокое место, но всюду вода едва доставала колен. Оставалась надежда на прибой, в Шараповых кошках совсем незначительный.

К следующей ночи мы решили как можно больше облегчить катер. Володя надул спасательную лодку, мы сгрузили в нее все вещи: кино- и фотоаппараты, ружья, патроны, бензин, парус, запасные детали к мотору, инструмент, впряглись в лямки и пошли к берегу. До него было километра три. Однако резиновая лодка где-то выпускала воздух и скоро села на мель. Пришлось перетаскивать вещи на себе, скользя и барахтаясь в грязи.

Низкий, в соляных лишаях берег раскис от дождей. Мы поставили канистры, на них положили рюкзаки и пошли за новым грузом. Дима же пытался снять с ме-

ли катер, разрывая мотор на полных оборотах. Сделали несколько ходок, окончательно выбившись из сил. Володя пошел ночевать на катер. Я нашел несколько щепок, выброшенных морем, облил бензином, разжег костерок и протянул к огню оочевевшие руки.

Потом костерок потух, задушенный влагой. Я лег в лодку, с головой накрывшись парусом. От перенапряжения сон не шел. Поддувал ветер и леденил тело, приходилось вертеться, чтобы не замерзнуть совсем.

Когда начал брезжить рассвет, я увидел возвышенность, которая обрывистым мысом выдавалась в море. Пошел туда. В земле торчал шест, а вокруг валялось множество побелевших от времени оленьих костей. Это было место древних жертвоприношений. Отсюда, с высоты, и к северу, и к югу, виднелись такие же мысы, а впереди, до самого горизонта, тянулись черные кошки.

В тундре поблескивало много озер. Я вернулся за ружьем в надежде подстрелить утку. Но подойти незамеченным было трудно, птицы с заполошным криком поднимались, едва завидев человека. Надо подбираться к ним только по-пластунски. Изрядно вымокнул. Все же мне удалось подстрелить двух уток. На берегу набрал плавника, разжег большой костер, уток оципал и бросил в котел.

Мы впервые за трое суток поели. После еды на некоторое время воцарился мир. Договорились сосредоточить все вещи у мыса, перетаскив их из мокрой низины, а самим налегке все же пробираться к Харасавэю. Дима с Володей ушли к катеру, чтобы снять с него даже спальные мешки. Я же начал перетаскивать груз к мысу, складывая его на бревна плавника.

В одну из ходок встретил пещца. Очевидно, здесь была его территория. Он ошалело уставился на меня — облезлый, на тонких лапах, с куцым, тонким хвостом и маленькими стоячими ушами. Встречи с человеком он никак не ожидал. В то же время его мучил голод, утолить который могло только море. Несколько минут, не шевелясь, мы стояли друг перед другом. Шансы пещца прорваться к заливу были явно не в его пользу. Сердито таякнув, он отбежал в тундру метров на сто и оттуда долго наблюдал за моей работой. Так и не дождавшись, когда я уйду совсем, пещец скрылся.

Прибой чуть-чуть приподнял облегченный катер. Его удалось

снять с мели. Винтом выработывая ил, он пропахал отмель и вышел на более или менее глубокое место. Но скоро снова застрял.

Еще одни сутки, делая не больше километра в час, мы пробивались на север. Когда катер днищем зарывался в ил и песок, мы слезали в ледяную воду и шли с ним рядом или же налегали на борт. Сердце билось с переборами. В груди вставал комок и не давал дышать. Когда же, черт возьми, кончатся эти мучения?!

Вечером на горизонте показались огни. Несомненно, это замиражила станция Харасавэй. Но до нее было еще так далеко...

К ХАРАСАВЭЮ

Еще днем я почувствовал себя нехорошо. Меня подташнивало. Кружилась голова. Я думал, что от голода или просто надорвался. Стоит немного отдохнуть, и боль пройдет. Однако через несколько часов я уже не мог тащить катер: отлив снова посадил его на мель.

Оставался один выход. Решили, что я с Володей пойдем на берег, по тундре доберемся до Харасавэя, а там организуем помощь. Наверняка на станции есть плоскодонные лодки. От берега нас отделяло километров пять.

Дима дал мне несколько патронов к ракетнице и один пиропатрон на случай, если мы где-то не сможем пройти и потребуются помощь. Договорились, что когда дойдем до станции и узнаем фарватер, то ракетами просигналим, куда катеру идти. Если выстрелим зеленой ракетой, то надо прижиматься к берегу, красной — перемещаться к кошкам, белой — идти прямо.

На мне были прорезиненные брюки от костюма химващиты. Володя надел свой гидрокостюм, разорванный в паху. Оставив для ориентира огни слева, мы пошли в темноту. Волны били по ногам, поднимая брызги. С каким-то жутким посвистом выл ветер. Топкое дно засасывало ноги, каждый шаг стоил усилий. В одном месте стало глубже. Володя не смог идти — вода залилась бы в его гидрокостюм.

— Я, пожалуй, не пройду, — потоптавшись на месте, проговорил он.

— Ладно, возвращайся на катер. Попробую один...

Возвращаться на катер мне никак не хотелось. Уж лучше к берегу. Пошел один, по-прежнему оставляя слева огни. Когда к

животу подступала спазма, я хватал ртом воздух, останавливался и, опершись руками о колени, отдыхал. Не мог же я сесть в воду! Делал еще несколько шагов и снова останавливался. А берег как будто уходил дальше и дальше...

Вспомнился в этот момент Олег Куваев. Пятнадцать лет назад он принес в журнал «Вокруг света» несколько своих первых рассказов, в том числе «Берег процессы Люськи». От них повеяло свежестью, ветрами и дымом костров, зажженных на краю земли — на Колыме и на берегах Чаунской губы, где Олег работал начальником геологической партии. Потом он напечатал несколько превосходных книжек. На последнем своем романе «Территория», где Олег утверждал прекрасную мысль о великом счастье труда, он сделал мне надпись: «Мы еще сплаваем». А через месяц умер. Ему было всего сорок. Но он, оказалось, уже давно подорвался, когда бродил по бесконечным равнинам и сопкам Чукотки, Дальнего Востока, Певека, тонул в ледяном половодье, ел сырое собачье мясо, таскал на себе невыносимый груз образцов, до конца отдав себя истинно мужскому делу — далеким и трудным дорогам...

Я все же добрался до берега через три часа. Пробирался со скоростью чуть больше километра в час. Повалился на мокрую глину и долго лежал так, не двигаясь. А слева все еще горячо и призывно горели огни. В одном месте натолкнулся на медвежьи следы, широкие, как лопата. Когти глубоко врезались в песок... Попалась протока — перебрался через нее вброд; потом встретилась еще одна, глубже.

Но тут путь преградила река. Она показалась не шире Москвы-реки, но гораздо стремительней. Это была дикая река, которая сбрасывала в море все падающие на тундру снега и дожди. Перейти вброд ее было нельзя. Как я узнал позже, глубина Харасавэйки превышала восемь метров.

Я решил связать плот и начал собирать по берегу плавник, доски, обрывки веревки от сетей, проволоку от брошенных ящиков. Опасаясь перевернуться на стремнине, делал плот наподобие катамарана, то есть из двух связок плавника. Посередине положил доски, стал на них на колени и погреб к другому берегу. Вода и ветер подхватили мое несерьезное сооружение. Хотя я греб, напрягаясь изо всех сил, плот про-

двигался к противоположному берегу очень медленно. Стоило мне на секунду бросить доску, служившую веслом, чтобы унять бешеную боль в животе, как плот выносило обратно на середину и сильно раскачивало. Я помянул всех святых, чтобы они не дали мне погибнуть и в этот раз. В тесной, мокрой одежде я бы пошел на дно. Святые сжалились. Не помню, через сколько времени, но я все же переллыв Харасавэйку.

На берегу стоял балок. Там оказалась двухъярусная кровать с грязными старыми матрацами. На столе нашел превратившийся в камень хлеб и вскрытую банку со сгущенным молоком. Молоко еще не успело высохнуть. Очевидно, неделю-две назад ночевали здесь рыбаки. Молоко я съел тут же. Потом залез на верхнюю койку и мгновенно заснул, так и не успев положить под голову кулак.

Короткий сон прервала боль. Живот горел, будто к нему кто-то приставил раскаленную сковороду. Я впервые испытывал такое. Но идти к станции было надо. Выжав одежду, подсушив носки, я пошел дальше. Уже отцветали ромашки, голубые незабудки растеряли свои лепестки, побурела камнеломка. На Север шла настоящая осень, хотя где-то еще пылал жарой август, люди справляли время летних отпусков.

Чувство, что иду по верной дороге, что скоро все кончится и я смогу выручить ребят, заставляло ускорять шаг. Тем не менее до станции я дошел лишь поздно вечером.

На рейде стояли сухогрузы. Между ними и берегом сновали катера и баржи. Выгружали тракторы, грузовики, вездеходы, стальные трубы, доски, арктические вагончики, контейнеры с раствором, мешки с цементом.

В эту же ночь к станции пробились и Дима с Володей. Им удалось сняться с мели и выйти в конце концов на глубокое русло.

К утру боль стала невыносимой. Начальник станции, заметив на моем лбу испарину, встревожился:

— Да у тебя же аппендицит! Немедленно отправляю тебя на аэродром и вызываю санитарный самолет...

Мне ничего не оставалось, как согласиться.

И «Замора» побежала уже без меня к Диксону...

киваем с банок, разбуженные сильными ударами волн о катер. С верхних полок сыплются карты, книги, шахматы. За окном каюты в темноте ничего не видно. На корму взобраться небезопасно. Хуже всего будет, если сорвется

Из дневника Владимира Савельева:

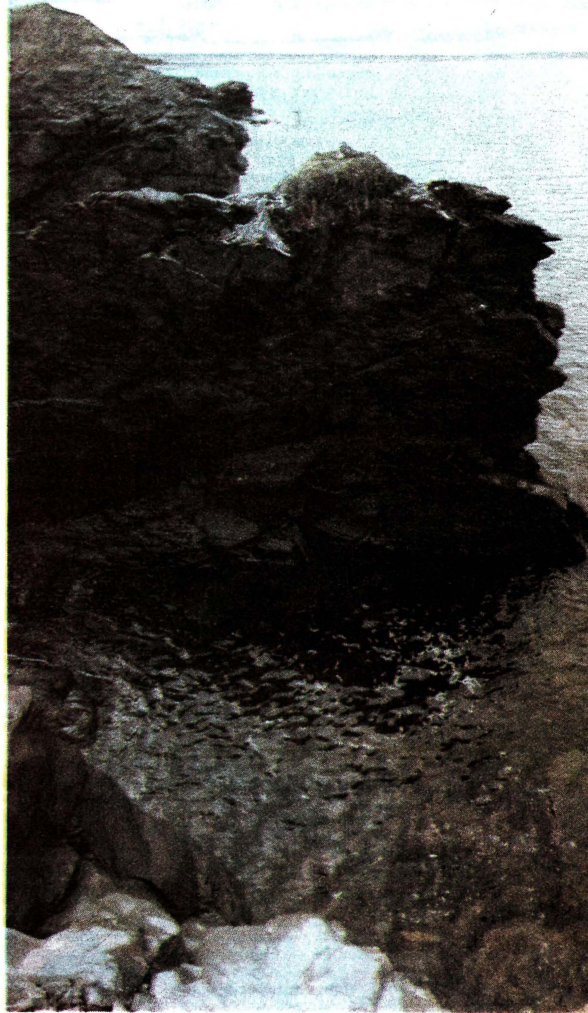
ХАРАСАВЭИ — ДИКСОН

С погодой нам не везло на всем пути от Амдермы. В этом году Арктика словно взбесилась. Один шторм кончался, кажется, только для того, чтобы мог разразиться другой. В этот же день ничто не предвещало непогоды. К вечеру ветер окончательно стих, небо прояснилось, море нехотя начало успокаиваться. Впереди по курсу — маяки на северной оконечности острова Шокальского. Мы решили воспользоваться временным затишьем и идти, значительно оторвавшись от побережья, к острову Вилькицкого. Это немного сократило бы путь до Диксона. К тому же нам хотелось справить день рождения Кравченко почти у цели нашего плавания. Но все попытки лечь на принятый курс ни к чему не привели. Стрелка компаса вращалась как ей вздумается. Если верить ее показаниям, то солнце заходило на востоке, а самая северная точка земного шара находилась на юге. С таким «пьяным» компасом не

мудрено было проскочить мимо небольшого низменного Вилькицкого, и мы решили заночевать, приткнувшись к берегу Шокальского.

Утро встретило нас легким ветром, но, выйдя на восток, мы попали в часток волн переменной амплитуды. Переменчивость, правда, заключалась лишь в том, что она постоянно усиливалась. Вода через смотровые люки начала заливать катер. Пытаясь скрыться от шторма, забираемся в широкое восточное горло Гыданского пролива. Только бы не сесть на мель! Юго-восточный ветер имеет именно то направление, от которого в Гыданском проливе не закроешься. К берегу близко тоже не подойдешь: кругом обширные отмели. Прижавшись к Ямалу насколько возможно близко, решаем здесь и отстояться. Бросаем якорь. Трос натянулся, теперь можно немного отдохнуть. Как хорошо, что мы не пошли к Вилькицкому! Завтра ветер утихнет, и отправимся дальше. Забираемся в мокрые спальники и желаем друг другу спокойной ночи.

Но не тут-то было. Часа в три вска-

якорный канат. Поэтому включаем двигатель, чтобы в таком случае не оказаться на воле воли.

Вынужденная остановка порой доводила до бешенства, ведь ночи становились все длиннее, темнее, а времени у нас было в обрез.

Все же на пятые сутки туман принес относительное затишье и слабенький дождь, пополнявший наши запасы пресной воды. Мы были обрадованы, но... «Ветер снова завистел в вантах». Нам удалось спрятаться в речке, устье которой было забито плавником. Волны от прибоя, прилива и течения реки закручивались во всех возможных измерениях. И снова приходилось ждать у моря погоды. Правда, рядом был берег, который дал нам воду и маленькую кучку сыроежек, съеденных с непередаваемым восторгом.

К вечеру, уставший от всех передряг, катер ложится бокком на обмелевшее дно и засыпает, освещаемый отблесками гаснущего костра, под заунывный вой какого-то заблудившегося пса, невесть откуда взявшегося на этом пустынном берегу.

С рассветом выходим в море. Холодно. Мелкий дождь стучит по крыше катера. Крупная зыбь напоминает о прошедшем шторме. Мотор протуженно чихает и периодически останавливается. На самое неприятное в том, что в многодневной борьбе с волнами израсходован почти весь бензин, а до ближайшего, отмеченного на карте населенного пункта ни много ни мало — километров сто с лишним. По видимому, намечается еще одна «увеселительная» прогулка по тундре. Настроение минорное. Но Кравченко верит, что через два часа мы будем пить чай с разнообразнейшей снедью. Вылезает на корму в надежде прострелять уток. Качка и холод явно не способствуют меткости стрельбы. Впереди открывается маяк мыса Песчаный. Справа от маяка какие-то холмики. Три, четыре, пять, девять... Судя по основательно изученной карте и логии, на этом месте ничего не должно быть. Холмики увеличиваются. Это какие-то строения. Подплываем чуть ближе и видим, что это «балки» на саях, или, по среднерусским понятиям, «вагончики». Через пять минут замечаем дым из трубы одного балка. Десять минут. По берегу пробежала собака. Значит, здесь кто-то живет. Тридцать минут. Нам навстречу по мелководью мчит классный вездеход. На его борту нарисован белый медведь.

Еще час, и мы в компании двух ребят — Вити и Гриши с Диксоновской гидробазы и собаки Мухтара сидим у стола, едим жареную картошку с оленьиной и пьем крепкий чай с персиковым джемом.

Виктор Артемов преподнес нам, можно сказать, сюрприз. Его рассказ должен заинтересовать всех тех, кто занимается поисками экспедиции Русанова.

В сентябре 1974 года Виктор вместе с Вадимом Новопашиным (работает в гидрометеослужбе на Диксоне) и Майданом Бажановым (работает на гидробазе Диксона) зажали маяки в районе Малого Таймыра. На маленьком каменистом острове им были обнаружены изба из плавника размером 3 на 2 и каменный лабаз размером 3 на 1,5 метра. Дверь в избу заложена бревном. Внутри стоял стол и скамья. Все дерево почернело от времени. На столе — непривычной формы бутылка с огарком свечи. На полу, примерно по колено, слой льда. Метрах в трехстах — могилка, заваленная камнями, а метрах в ста от избышки — заветренный двухметровый столб с вырезанными на нем словами: «Экспедиция Русанова...» Дальше неразборчивые, плохо видные знаки.

Очень не хотелось уходить с мыса

Песчаный. Но время подгоняло, и при первой же возможности «Замора» взяла курс на Диксон через острова Олений, Сибирякова и Енисейский залив. К вечеру следующего дня катер, лавируя между бесчисленными мелкими, подошел к Оленьему. Здесь переночевали у рыбаков, а наутро, заправившись на гидробазе, тронулись к Сибирякову. Уже издалека мы увидели избышку промысловика, о которой много слышали на Песчаном. Красная ракета была приглашением подойти к берегу. У избышки стоял мужчина, знаками показывавший нам проход между льдами. «Замора» благополучно вошла в узкое, но очень глубокое устье реки и прижалась бокком к песчаному берегу. Изба Ивана Афанасьевича Рыбникова была выстроена по типу старых русских зимовий, где под одной крышей помещались все необходимые помещения: кладовая, жилые комнаты, мастерская. Вокруг дома ходила джонка некогда диких серо-коричневых уток. Шестеро громадных ездовых псов то ли от злости, то ли от радости встретили нас громким лаем. Недалеке от дома стоял собранный собственноручно хозяином вездеход. Родом Рыбников был из Краснодара, в Арктике уже 15 лет.

Под утро, попрощавшись с Рыбниковым, мы сели в катер и в последний раз вышли в море. Вскоре впереди показался Диксон...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Дима и Володя шли к Диксону. А я лежал в больнице в поселке на мысе Каменный и размышлял о нашем путешествии, благо времени было сколько угодно.

И тому, о чем я думал, нашел ответ потом, когда писал эти «дневные записки».

В Москве я получил от Кравченко письмо — мы, конечно, неоднократно встречались, в общем-то не вспоминая о том, что случилось между нами в плавании, но, видимо, Кравченко, как и мне, необходимо было осмыслить прошедшее. Вот что было в письме:

«Тот, кто связывает свою судьбу с морем, должен очень глубоко, даже не разумом, а всем нутром познать логику и своеобразие морских обычаев. В уставе поморов степень подчиненности была сформулирована так: «В морском ходу и во время промысла всем рядовым товарищам слушаться одного кормщика и ни в чем воли у него не отнимать; а в потребном случае, хотя и подавая ему совет, но учтиво и не спорно. Ежели же кто из них дерзнет кормщика избранить или ударить, или не станет его слушаться, на такого прочее рядовые должны дать кормщику помощь к наказанию по морскому обыкновению; потому что без наказания иные впадут в бесстрашие, от чего беспромыслица и разбитие судов приключаются. У меня сложилось мнение, что

вызывали раздражение мои распоряжения, которые я предварительно не всегда согласовывал с вами, не давал разъяснений, почему так, а не по-другому. Чаше всего это происходило из-за сложности обстановки, резкой смены обстоятельств, недостатка, а зачастую и отсутствия времени. Кроме того, многие решения принимались интуитивно, твердой уверенности, обоснованности не хватало. Если бы нас связывала давняя дружба...»

Тогда же я написал ответ Кравченко, но не отправил. Этим письмом я и заканчиваю.

«Все позади. Основная практическая цель, поставленная два года назад всеми вами, достигнута: вы доказали, что в принципе катера класса «Замора» имеют «право жительства» в прибрежных водах Арктики. Но нетерпенье гнало вас в море, и фанатичная уверенность в своих силах и конечном успехе заставила пренебречь многими из тех «скучных истин», что накоплены человеческим опытом в аналогичных условиях.

Вот ты приводишь цитату из устава поморов. Да, кормщик — это непререкаемый авторитет, это опыт, выдержка, мужество, умение, какого нет у других членов команды. Но ведь ты сам признаешь, «многие решения принимались интуитивно, твердой уверенности, обоснованности не хватало». Думаю, комментировать это не стоит.

Ты пишешь «дружба»... Да, она необходимейший участник любой экспедиционной группы, попавшей в экстремальные ситуации. Но этому участнику нужно место — в кубрике, палатке, экспедиционном балке, заваленном снегом. И это место надо высчитывать столь же скрупулезно, как размеры провианта на дорогу. Высчитывать «до», а не надеяться, что оно образуется само собой... В «Вокруг света» были опубликованы записи Юрия Сенкевича, где были перечислены «скучные истины»:

1. При комплектовании экспедиционной группы необходимы проверочные групповые тренировки.
2. Проверочные тренировки должны быть многократными и длительными, с тем чтобы участники будущей экспедиции имели возможность хорошо узнать друг друга еще до старта.

3. Условия проверочных тренировок должны быть максимально приближенными к «боевым».

4. В проверочных тренировках весьма желательно участие специалиста-психолога.

5. Рекомендации психолога важны не только при подборе группы, но и при распределении функций внутри нее, в частности при назначении руководителя.

6. Высокая степень профессиональной подготовленности членов группы — даже оставляя в стороне остальные аспекты — с чисто психологической точки зрения уже обязательна.

7. Экспедиционная группа должна представлять собою союз единомышленников, спаянных и вдохновленных сознанием важности выполняемой цели.

Возможно, нам следовало бы попытаться найти общий язык. Но таких попыток ни я, ни ты не предпринимали...

Ты дал мне почитать свой дневник, который вел с тех пор, как «Замора» строилась. Сколько труда и времени ушло на строительство даже такого маленького катера! И конечно, обидно — приезжает какой-то пижон и говорит, что мал запас топлива, нет штурманского снаряжения, надо установить радию и т. д. Но я говорил об этом, так как знал условия плавания в северных морях.

Что же произошло в то время, когда вы шли из Харасавэя в Диксон? Трижды ветер достигал скорости 25 метров в секунду, два раза — 35, один раз — 42, наконец он обрушился с ураганной силой — 52 метра в секунду. Почти все сооружения по западному побережью Таймыра — полярные станции, автономные радиомаяки, пункты, гидробазы, зимовья промысловиков — получили повреждения. Нагонный западный ветер поднял воду, и она через губы, заливы, устья рек устремилась, как цунами, в тундру. Ветер сносил антенны, срывал крыши, разносил по тундре склады, а береговая волна громила все это подхваченным плавником. В море пострадали океанские суда. Приходится ли говорить о «Заморе»?

Поскольку радию на «Заморе» не было и никаких вестей от нас не поступало, журнал «Вокруг света», следя за природной обстановкой, немедленно послал на Диксон своего корреспондента. Георгий Сикачинский поднял на ноги штаб морских операций во главе с А. М. Кашицким, капитана-наставника В. А. Куровкова, начальника узла связи гидрометеоцентра В. А. Левковского и других. Как раз в это время грохотал шторм, в море находились караваны судов, люди и в штабе морских операций, и на радиостанциях были замотаны до предела, но они все-таки нашли время дать запросы о «Заморе» по

всем поляркам. Синоптики Валерий Власенко и Михаил Мартыненко перевернули горы синоптических карт (за сутки 8 новых карт), строили наиболее вероятные версии того, где может находиться катер, что его задерживает. В курс событий была посвящена милиция, моряки портового пограничного катера, полярники. Многие высказывали мрачные прогнозы: «С Арктикой надо на «вы»».

Через несколько дней начальник узла связи В. А. Левковский сообщил Георгию следующее: «Ваши товарищи находятся на полярной станции на мысе Лескина в 90 километрах от Диксона. Учитывая, что мне дана власть и исходя из соображений малых размеров судна, плохого состояния его корпуса, разболтанности двигателя и жестокой штормовой погоды, я запретил им дальнейшее продвижение... Ваш энтузиазм похвален, но никому не нужны бессмысленные жертвы». (Позднее Жора узнал, что Левковский бросил фразу: «Катер сжечь, команду связать и караулить!»)

Как оказалось, на Лескино прибыла не «Замора», а другой «самодельный» катер. Именно он-то и был задержан и силами флота отбуксирован на Диксон. Штаб морских операций не мог предполагать, что, кроме «Заморы», кто-то еще совершает одиссею в карских водах, он не стал уточнять, мы это или не мы. Экипаж неизвестного катера не сопротивлялся при оказании помощи и тем самым поставил под предельную угрозу судьбу «Заморы», о которой перестали беспокоиться — ведь думали, что она обнаружена и в безопасности.

Но когда это выяснилось и истекли последние сроки предполагаемого прибытия «Заморы» в Диксон, Сикачинский поставил в известность райком партии. Здесь вместе с инструктором Константином Анатольевичем Койниным он обсудил все варианты спасения «Заморы», вплоть до организации поисков с помощью авиации, судов гидробазы и гидрометеослужбы. Договорились, что штаб морских операций даст сообщение всем судам, находящимся в районе от острова Белого до Диксона. При необходимости решено вызвать авиацию, провести оповещение промысловых рыболовческих бригад в устье Оби и Енисея, организовать береговые поисковые группы.

К счастью, удалось избежать этой грандиозной заварухи.

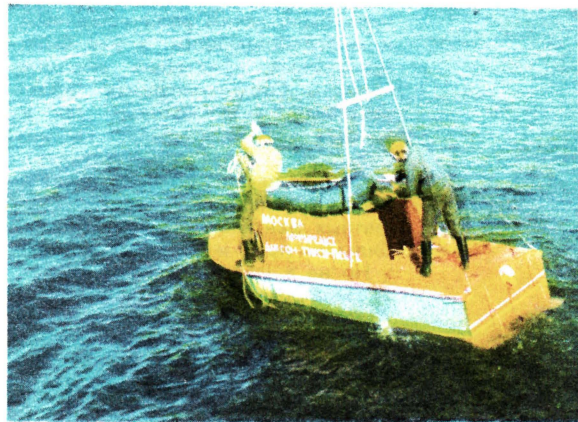
Вот почему «Заморе» необходима была радию. Наше мероприя-

тие для многих людей — и по сердцу и по службе — вылилось в дополнительные хлопоты, лишнюю трепку нервов, нравственное напряжение, так как у нас давно всосалось в кровь правило — не оставлять товарищей в беде. Плавание «Заморы» оказалось делом не одной «Заморы». И так будет всегда...

И вот что еще уловил я, когда читал твой дневник, Дима. Меня поразила обнаженная нетерпимость твоих оценок складывающихся ситуаций — безусловно, тяжелых, критических, где возможны всякие психологические срывы. «...Я вынужден заметить, что пассажиры МНЕ не нужны...» В этой фразе из твоего дневника первого года плавания (слово «мне» я выделил специально) я увидел ключ ко многому и привел ее только лишь для того, чтобы из происшедшего между нами (ведь плавание «Заморы» — это тоже одно из слагаемых человеческого опыта) попытаться найти еще одну «скупную истину».

Видимо, общее дело в какой-то момент ты неосознанно начал считать только своим, а единомышленников и сотоварищей поэтому только помощниками. А отсюда уже один шаг к тому, чтобы в любом возражении своим словам видеть «бунт». И тогда уже взаимопонимание, как лавина от одного брошенного камня, рушится, сметая все на своем пути — интересы дела, дружбу. К счастью, у нас до крайностей никогда не доходило.

Теперь все позади. И «Замора» прошла по северным морям, и мы вынесли из путешествия то, во имя чего люди поднимаются на снежные вершины или бросают вызов океану, уходят в подземелья или встречаются с огненными вулканами, — веру, что мы все можем».

Памфлет

Так уж у нас получилось, что никто не знает, то ли сегодня мы празднуем день рождения Джорджа Вашингтона, то ли банный день Джорджа Берсингтона.

Я, как и любой американец, живущий в наши отнюдь не розовые дни, трачу половину времени, пытаюсь понять, что же, черт возьми, происходит, а вторую — на то, чтобы делать вид, будто все идет как по маслу, что вроде бы ничего не случилось и обрушившиеся на нас беды и напасти лишь плод воображения. Увы, в те печальные минуты, когда на меня находит непреодолимое желание сказать себе правду — а с ним порой так же трудно справиться, как со страхом, — приходится честно признать, что крыша течет, камин дымит, водопроводный кран будит по ночам своим рычанием, и нет на свете такой силы, которая могла бы поправить наши дела.

Так что же все-таки случилось? На чем мы споткнулись? Ведь начало было таким величественным и многообещающим. У нас были прекрасные, преданные высоким идеалам Отцы-пилигримы, вдохновенные лица которых так и хочется высечь в скалах где-нибудь на склонах гор. А теперь взгляните на нас, по колено увязших в банках из-под пива, конфетных фантиках, ржавом автомобильном ломе и разбитых мечтах!

Но не в моем характере попусту заламывать в отчаянии руки. А вот для тех, кого действительно интересует, где же именно Великая Американская Затея сбилась с пути, привожу наглядный пример.

Возьмите праздники. Сейчас на земном шаре не найти ни одного достойного упоминания клана, племени или народа, у которых не было бы своих волнующих, жизнеутверждающих, выдержанных в национальных традициях праздников. Для этнографов это стало уже аксиомой. Увы, мы же как нация оскандалились с выполнением этого, столь важного в этнографическом плане долга. Праздники, которые, как нам казалось, есть у нас, сейчас в быстром темпе сходят на нет. Собственно, большинство из них превратилось просто-напросто в обыкновенный, только весьма неудобный уикэнд. Причем, как назло, приходится он на самое распрюклятое время года — февраль или июль — тютельница в тютельную на середину вашего отпуска.

Чтобы не быть голословным, позволю себе обратиться к фактам, к сожалению, вовсе не обнадеживающего порядка. Итак, что же произошло с нашими праздниками? Кое о чем я уже сказал, но этого мало. Пожалуй, вообще глупо называть их праздниками, ибо, по сути дела, от них осталась лишь жалкая, бесплотная тень, пародия на былое величие. Вот вам простой пример. Я лично давно махнул рукой на День ветеранов. В прошлом году его празднование, если только оно проводилось, приходилось, по крайней мере, на четыре различные даты. В Нью-Йорке его отмечали в один день, в Филадельфии — в другой, а большинство штатов взяли среднеарифметическое (почему-то совсем разное всюду) между ними. К тому

же до сих пор нет единого мнения, как называть этот праздник. Одно время он именовался Днем примирения в честь дня заключения перемирия, положившего конец первой мировой войне. Затем его переименовали в День ветеранов. Но поскольку ветераны в наши дни изрядно подмочили свою репутацию и не пользуются популярностью, эта дата стала праздноваться как Национальный День Соблюдения Обычая, или просто Понедельник Всеобщего Невыхода На Работу. Сама процедура празднования поистине впечатляюща: по улицам под холодным дождем героически марширует, скрипя ревматическими суставами, кучка престарелых нытиков, нацепив мятые шляпы со значками Американского легиона. Жаль только, на тротуарах нет ликующих толп и даже телевидение не считает нужным тратить на них время.

Ну а Четвертое июля? Раньше оно именовалось Днем независимости. Но поскольку слово «независимость» подозрительно ассоциируется с разъяренными толпами, выкрикивающими ругательства и скандирующими какие-то лозунги; с послами, подвергающимися осаде в своих резиденциях, в то время как в воздухе ревут вертолеты, мы без лишнего шума решили опустить его в воды Саргассова моря забвения. Казалось бы, еще вчера по улицам дефилировали шумные шествия, в воздухе с треском взрывались шутики, а полицейские оркестры с подобающей случаю торжественностью исполняли национальный гимн. Боже мой, это был настоящий

праздник, такой же красочный, экзотический и загадочный, как лучшие празднества аборигенов Боливии. А сейчас Четвертое июля стало просто еще одним днем в конце недели. К тому же в этот день и погода теперь не та, что раньше.

Правда, у нас есть такие праздники, как День матери и День отца. Но, во-первых, никто не помнит, когда следует отмечать День матери. А во-вторых, мне лично ни разу не приходилось сталкиваться с человеком, который бы праздновал День отца, хотя магазины мужской одежды по всей стране настойчиво убеждают нас: «Сделайте вашему папочке в этом году необыкновенный подарок! Все ахнут, когда он наденет наш великолепный синтетический двубортный костюм с четырьмя накладными карманами». Увы, даже такие вдохновенные слова, по-видимому, никого не трогают.

Дня благодарения стали бояться даже те, кто когда-то его праздновал. Когда самые первые переселенцы приступили к своей первой трапезе, вознося благодарения господу богу за то, что после целого года нужды и страданий он вознаградил их от щедрот своих, а из девственных

зарослей появились переполненные признательностью индейцы, сгибаясь под тяжестью подарков, и обе стороны мирно отведали первую роковую жилистую индейку, они представить себе не могли, какой опасной традиции положили — естественно, по неосторожности — начало. Думаете, Национальному дню умиротворенного созерцания и молитвенного возблагодарения господа бога за чудесное избавление от всяческих напастей? Как бы не так. Мне, например, давно не приходилось слышать искренних, прочувствованных восхвалений Иисуса за его безграничную милость или, на худой конец, просто выражения благодарности за что-либо. Доведись «стояннуться» с этим, и, ручаясь, встанешь в тупик. Вообще благодарить кого-нибудь не в правилах американцев, по крайней мере, в наши дни. Другое дело, если бы ввести Национальный День Решительных Требований! Вот его-то отпраздновали бы все как один!

Возьмем теперь день рождения Авраама Линкольна. Даже он вызывает все больше споров. У нас все еще немало людей, которые лют горячие слезы по ушедшему рабству, а Честного Эйба¹ считают первопричиной всех наших бед и зол, которые привели в итоге ко всяческим напастям, начиная от второй мировой войны и кончая экспроприацией автомобилей. Я обычно отмечаю день рождения Эйба несколькими глотками виски, любимого напитка Линкольна, и размышляю о том, как разорвать цепи моего собственного рабства. Впрочем, какой же это национальный праздник, когда нет и в помине народных шествий и ритуальных песнопений! К тому же Линкольна прямо-таки положила на обе лопатки коммерческая реклама. Ежегодно в этот день тысячи бездарных актеров с нейлоновыми бакенбардами и картонными носами, потрясая бутфорскими цилиндрами, патетически апеллируют к вашим лучшим чувствам, упирая на то, что это Единственный День Справедливых Цен. Нужно ли говорить, что подобный ритуал не очень-то помогает увековечить память о великом человеке.

Теперь мы подошли к одной из звезд первой величины в нашем праздничном календаре — к рождеству. Нельзя сказать, что этот праздник канул в Лету, со-

всем наоборот. Рождество превратилось в такую страшную бомбу замедленного действия, что уже в конце августа люди начинают нервничать и даже дергаться. Терзаемые страхом и угрызениями совести, мы с расширенными от ужаса глазами следим за неумолимо слетающими листками календаря, в то время как внутренний голос настойчиво бубнит с утра до вечера: «Послушай, ты так еще и не приступил к покупке рождественских подарков! Ты что, хочешь, чтобы повторилась прошлогодняя история? Хочешь опять мучиться, как в позапрошлом году? Или в позапозапрошлом? Начинать покупать! Уже двадцать пятое августа — рождество на носу!»

Что же это, черт возьми, за праздник? Быть может, вся страна ждет его с искренней радостью и нетерпением? Ничего подобного. Все охвачены паникой, предчувствуя неизбежные неприятности. В поисках выхода люди начинают еженедельно откладывать хоть какие-то гроши, чтобы не впасть после рождества в полную нищету. А многим ли доводится наслаждаться зрелищем стеклянных ангелочков и крошечных эльфов на благоухающей свежесрубленной елке, украшенной серебряной мишурой, свечами и традиционными пакетиками с жареной кукурузой? Ручаюсь, что нет, ибо в большинстве штатов все это запрещено законом. Зато по сравнению с рекламной шумихой, которой сопровождается предрождественская распродажа по сниженным ценам, даже бетховенская Девятая симфония звучит бледновато. И все же рождество обладает какой-то удивительной, варварской, непостижимой жизнеспособностью. Я честно признаюсь, что обожаю делать подарки почти в такой же степени, как и получать их. А это уже кое-что.

Видимо, главный недостаток наших праздников заключается в том, что они не имеют непосредственного отношения к тем вещам, которые волнуют нас в повседневной жизни. Поэтому мне хотелось бы предложить совершенно новую систему национальных праздников, которая, по моему глубокому убеждению, вернет нам ощущение целеустремленности и единства, сознание того, что мы и впрямь являем собой особую, вполне сложившуюся нацию, а не сборище приезжих иностранцев, единственная цель которых — делать доллары. Предлагаемая мною си-

Рисунки
В. ЧИЖИКОВА

¹ Честный Эйб — принятое в США хрестоматийное имя Авраама Линкольна.

стема даст нам не только праздничные дни, но и дни психологического раскрепощения — именно то, чего мы ждем от настоящего праздника. Итак, я предлагаю, чтобы наш президент официально провозгласил следующие праздники:

1. День Покаяния. Поскольку большинство американцевотягощены беспочвенным, таинственным чувством вины, такой праздник вполне может стать крупным национальным событием. Причем президент объявляет, что все граждане, чувствующие за собой какую-либо вину, могут, не опасаясь наказания, публично покаяться в ней, обсудить детали своего проступка, порыдаться на людях, даже вырвать клочок-другой волос. Больше того, подобное поведение не только не будет осуждаться, а, наоборот, всячески поощряться. На массовые сборища по случаю Дня Покаяния, за которыми вскоре закрепится менее официальное название Дня Биения Себя В Грудь, следует являться в специальных туалетах в виде элегантной власяницы.

2. Национальная Неделя Вражды. Неделя братства уже с треском провалилась. Пришло наконец время прямо и честно признать это. В течение Недели Вражды всем группировкам, блокам и воинственным организациям, короче — всем, кто вносит созидательный вклад в нашу жизнь и приносит пользу обществу, предоставляется возможность открыто высказать свои истинные взгляды, не опасаясь никаких официальных или неофициальных преследований. Подобная неделя повальной искренности и прямоты так сплотит всех нас, как это до сих пор не удавалось сделать ни одной политической кампании.

3. Национальный День Избавления От Всякого Хлама. Праздника этого просто не избежать. У нас в стране есть миллионы людей, которые прячут в кладовках или под кроватями незаконченные поделки, за которые они взяли когда-то в минуту безрассудства и которые так никогда и не будут доделаны. Одним своим видом они вызывают чувство неудовлетворенности и, что куда важнее, занимают слишком много места. Наполовину сделанные модели судов и дирижаблей, самодельные клавиорды, ткацкие станки, на которых никто никогда не ткал и не будет ткать, великопленный ковер для столовой, в конце концов, даже дорогие гитары, купленные в момент увлечения народными песнями и заброшенные после того, как че-

ловек обнаружил, что не в силах извлечь из них мелодичных звуков, и множество других ненужных вещей будут выбрасываться из наших домов и жиней в Национальный День Избавления От Всякого Хлама. Причем делать это следует под спасительным покровом ночи с тем, чтобы к утру грузовики успели собрать эти свидетельства наших глупостей, которые затем будут вывезены в море и утоплены там подальше от берега вместе с другими отходами нашей цивилизации.

4. Национальный День Полной Чаши. Этот праздник уже отмечается в рабочем порядке, не было только его официального провозглашения. Национальный День Полной Чаши явится настоящим благом для фабрикантов, занимающихся выпуском поздравительных открыток, так как посылка их станет еще более обязательным делом, чем рождественских поздравлений. На открытках будут печататься лирические стихи вроде следующих: «Непрестанно дни бегут, День Полной Чаши уже тут». Празднества вполне можно растянуть дня на четыре или даже пять, а в будущем, поскольку уже есть трехдневный прецедент, перейти к целой Неделе Полной Чаши.

Таковы коротко некоторые из предлагаемых мною новых праздников и народных обычаев, которые, с моей точки зрения, не только увеличат нашу сплоченность, но и послужат мощным стимулом для торговли, превосходящим самые смелые сегодняшние мечты. К тому же могут возникнуть тысячи местных праздников, подобно тому как в Европе каждая рыбацкая деревня отмечала день своего святого. В Нью-Йорке, например, можно ввести День Клоуна, причем участвовать в его праздновании получит право каждый житель. В этот день будет официально разрешено строить символические рожи вашему боссу и даже собственной жене...

Да, нелегко объяснить нашим детям, кто такой был Джордж Вашингтон или какую роль сыграл в нашей истории Авраам Линкольн. Куда проще ввести празднование в национальном масштабе дня рождения какой-нибудь кинозвезды. А вообще-то мы единая нация, где — да да! — понятия «свобода» и «справедливость» одинаковы для всех. Так давайте праздновать хотя бы это...

Перевела с английского
Наталья КУЗНЕЦОВА

Р. ИТС,
доктор исторических наук

— *Рудольф Фердинандович, в нашем журнале вы уже выступали с художественной реконструкцией жизни давно прошедшей эпохи. Я имею в виду ваш рассказ «Правитель и Мастер», опубликованный в № 8 за 1974 год.*

Что же заставляет вас, ученого, отложить на время чисто академическую скрупулезность (я имею в виду именно скрупулезность, а не научную точность), заниматься воссозданием событий давно минувших сквозь «магический кристалл» жизни, мыслей, чувств хотя и придуманной, но конкретной личности?

— *Прошу всех читателей понять меня правильно — я не ставил себе целью написать чисто литературное произведение. Строго научные реконструкции жизни племен, народов, обществ — давно испытанный метод этнографической науки. Но обычно эти реконструкции составляются, если так можно сказать, блоками. Поступки и дела отдельного человека как бы обезличены прессом теоретических обобщений. И в последнее время в науке все больше и больше появляется интерес к рассмотрению общих закономерностей сквозь призму интересов, психофизиологических побуждений и импульсов отдельной личности.*

— *Иными словами, этнографическая наука как бы взяла на вооружение литературный метод познания исторической действительности — от человека.*

— *Можно сказать и так. В отчете одной экспедиции по юго-восточным районам Азии я услышал легенду, которая и легла в основу предлагаемого рассказа. Я попытался представить себе этого человека из легенды, который живет в переломную, с точки зрения исторической перспективы, эпоху: эпоху перехода от собирательства и охоты к земледелию. Конечно, мой герой не отдает себе в этом отчете. Он просто живет...*

СЕРАЯ РЫСЬ ИЗ ПЛЕМЕНИ ЧЕРНОКАМЕННЫХ

...Вдали, на границе солнечного восхода, высятся горы, вершины которых большую часть года скрывают серые тучи или белые облака. Там, в горах, осенью и зимой дождь льет от рассвета до рассвета. Раз в два дня вспученная от избытка влаги туча отрывается от горной вершины и медленно закрывает небо над долиной, восточный край которой упирается в горы, а западный и северный — в извилистую широкую, но мелководную к концу лета Слоновую реку. Туча, пришедшая с гор, обрушивает потоки воды в долину, покрытую густыми зарослями сосен, чайного и воскового деревьев, переплетенных лианами. Струи дождя напоминают стебли молодого бамбука. Ручьи, бегущие с гор, в эту пору переливаются через русла и заболачивают лесную долину. Сквозь плотную крону деревьев не пробиваются лучи солнца, они не могут своим жаром высушить травяной покров у подножия деревьев. В душном, стесненном жарой воздухе земля, трава, листья и ветви источают зловоние. В хлоплюющей под ногами буро-зеленой жиже ползают ядовитые змеи, плодятся мириады mosкитов. Люди обходят стороной лесные тропы, устраивают свои жилища на сваях где-нибудь на открытом месте долины либо на горном склоне.

Обширна долина, но у нее есть неизбежный предел — та черта, отмеченная природными знаками, за которой начинаются чужие просторы. Здесь, в долине, полноправными хозяевами являются дети Духа Черного камня. За крутой извилиной Слоновой реки на севере и остроконечным утесом в горной гряде на востоке живут люди племени Пятнистого оленя. За рекой на запад — земли племени Белого тигра, а далеко на юг, где лес становится труднопроходимым и куда дети Духа Черного камня не рискуют заходить, по слухам, обитает малочисленное, низкорослое, но свирепое, воинственное племя чернокожих детей Духа Темного леса.

Для детей Духа Черного камня мир ограничен этими пределами, но и он столь велик, что его не обойдешь быстрым шагом за срок,

равный двум десяткам рождений нового дня. И если охотник, преследуя раненого оленя, отсутствует три десятка рожденных дней, все пять родов племени считают его ушедшим в страну мертвых и неожиданное возвращение пропавшего воспринимают с ужасом. Десять солнц и столько же лун вернувшийся проводит в уединении среди гряды черных камней. И если ничего не случится за это время в племени, если никто не погибнет от укуса змеи или острых зубов тигра, никто не умрет, колдун приводит вернувшегося в свой род.

Человек, оказавшийся за пределами территорий своего племени, лишается поддержки своих соплеменников, поддержки духов-покровителей, духов-предков. Он беззащитен перед чужими и может стать легкой добычей зверей и людей. Обычно покинувший свою землю обречен. И не было страшнее наказания ни у детей Духа Черного камня, ни у их соседей, чем изгнание из племени.

Пять родов составляли племя детей Черного камня, или Чернокаменных, как их называли люди племени Белого тигра, с которыми не раз приходилось вступать в сражения из-за угодий для ловли рыбы на Слоновой реке. У каждого рода был свой участок, где стояли в дождливый сезон жилища на сваях, свои охотничьи тропы и излюбленные места рыбной ловли на Слоновой реке и маленьких речушках. Однако при появлении бродячего стада слонов все мужчины племени объединялись и устраивали общую охоту, отбивали от стада двух-трех молодых животных, оттесняя их к берегу Слоновой реки, где в топком месте были давным-давно сделаны огромные ямы-ловушки.

Все пять родов Чернокаменных были связаны друг с другом по браку. Так, род Серого камня отдавал своих мужчин в мужья женщинам рода Бурого камня, а охотники Бурого камня вступали в брак с женщинами Белого камня. Мужчины Белого камня женились на женщинах Зеленого камня, а из рода Зеленого камня уходили, когда наступал брачный возраст, в род Желтого камня. Мужчины же

Рисунки Н. ГРИШИНА

из рода Желтого камня брали в жены девушек только из рода Серого камня. Принадлежность к роду определялась по матери. Мужчина, вступая в брак, который преследовал единственную цель — рождение потомства, переходил жить в род своей жены, но оставался членом своего рода, и его охраняли родные духи, ему оказывали помощь и защищали сородичи.

Жизнь Чернокаменных проходила по извечному заведенному порядку. Весной и летом охотники добывали мясную пищу, значительную часть которой надо было высушить, провялить на солнце впрок.

Пока мужчины охотились или рыбачили, женщины и дети собирали съедобные корни, плоды, личинки насекомых, яйца птиц. Что-то также запасали на будущее. Но ни вяленого мяса, ни рыбы, ни корней не хватало на весь период дождей, и нужда заставляла мужчин уходить искать пропитание.

Вооружившись бамбуковым копьем с каменным наконечником, ножом с лезвием из раковин, охотники покидали свайную постройку и уходили в сумрачный простор. В сезон дождей на охоту выходили все, кто мог двигаться, кто мог держать копье. Всю добычу распределял старейшина рода, одеяла всех равной долей.

В один из таких дней у третьей дочери старшей женщины рода Зеленого камня родился мальчик. По обычаю, ему дали имя Второй. Так его должны были звать десять и два сезона дождей, пока старейшины после испытаний не дадут ему того имени, которое он заслужит.

Второй был худеньким мальчиком. Когда сверстники устраивали шумную возню или кидали палки, чтобы помериться силой, он обычно стоял в стороне и смотрел. Смотрел и думал, почему легкая бамбуковая палка летит ближе, а тяжелая деревянная дальше, если их бросить с одинаковой силой. Он смотрел и думал о ветре, который, когда дует со спины, помогает бросающему, когда же дует в лицо, мешает. Он знал больше, чем его сверстники, различных знамений, которые предвещают ветер, дождь, ясный день. Лучше, чем некоторые взрослые, он научился распознавать, какие травы, корни, плоды можно есть, а какие могут отнять жизнь на время или навсегда. Когда вместе с женщинами мальчики ходили на сбор съедобных растений и насекомых, Второй чаще других находил самые крупные клубни таро или ямса, а однажды он принес серые, похожие на яйца

муравьев семена не известного никому ни в роде, ни в племени растения. Он нашел их на берегу Слоновой реки. Растения с острыми тонкими листьями и множеством мелких стручков, в которых лежали серые семена, выступали над поверхностью небольшой лужи, оставшейся после разлива реки. Второй попробовал одно семя. Оно было безвкусно, но не противно. Попробовал еще и еще. Подождал. Его не тошнило. «Значит, семена не ядовитые», — подумал Второй и понес горсть семян домой. Мать рассказала о находке старейшине, и тот не осудил Второго. В племени Чернокаменных никогда не хватало пищи.

Мать Второго бросила в кипящую воду семена, принесенные сыном. Они разбухли и стали больше. Получилась кашка, которую можно было есть. Второй показал, где он нашел семена, и все стали собирать их.

...Долина с изначальных времен была долиной Чернокаменных. Все, что летало над ней, что ползало или бегало по ней, что росло на ней или пряталось в ней, принадлежало Чернокаменным. Если кто-либо из племени Белого тигра (а они чаще других нарушали древний обычай) появлялся на земле Чернокаменных, ему грозила смерть. Раньше, как говорили старцы, народу было меньше, а дичи больше, и очень редко люди чужого племени появлялись на землях других племен. Но вот уже несколько сезонов дождей происходят весной и летом стычки между охотниками соседних племен. Гибнут охотники, уходят в страну мертвых, и меньше приносят добычи оставшиеся в живых, а в каждом из пяти родов растут дети, которые станут матерями и охотниками, если они получат пищу, и которых заберут духи камней в страну мертвых, если у них не будет еды.

Происходящее беспокоило старших и старейшин еще и потому, что убийство члена племени требует отмщения, и вместо охоты на слонов или носорогов сородичи убитого охотятся на людей соседнего племени. Старейшина рода Зеленого камня, которого почитают все пять родов как самого старого и мудрого человека, на трех последних собраниях племени убеждал всех прекратить охоту за людьми, которой не знали предки, и договориться с соседями о возмещении убытков. Но все три раза Серая Ящерица — главный колдун Чернокаменных — доказывал собравшимся, ссылаясь на свои видения, что духи жаждут отмщения. А колдун боялся...

Наступил день, когда Второго вместе со сверстниками старейшина стал готовить к жизни мужчины — добычу пищи и защитника рода. Проходило много времени от восхода до захода солнца, проходили ночи и дни. Охотники уходили в дождь за добычей, а Второй со своими сверстниками должен был запоминать все, что говорил сам старейшина, передавая историю рода и его традиции. Жил он теперь в большой хижине, «мужском доме».

Мальчикам предстояло пройти два испытания. Первое показывало, какими они будут охотниками. Получив настоящее копье и настоящий нож, мальчики должны были с рассветом уйти в любом направлении от «мужского дома» и, пока солнце не скроется, не исчезнет в западной стороне, принести добычу. Если кто-то пришел с пустыми руками, испытание его будет повторено на следующий день — и так до пяти раз. Не было случая, чтобы юный охотник за установленный срок не принес никакой добычи, но старшие говорили, что после пяти неудач посвящение откладывается на следующую весну. Не выдержавший испытания все это время исполняет самую плохую работу, а в новый сезон дождей получает самое плохое место в «мужском доме». Над ним смеются, его дразнят мальчики, которые младше его. Целый год мать не разговаривает с неудачником, и чувство позора гложет его сердце.

Когда Второму дали копье и нож и по сигналу старейшины с первым лучом солнца мальчики побежали в разные стороны, он уверенно двинулся к Слоновой реке, к ее северной излучине. В прошлые годы Второй обратил внимание, что там всегда много следов пятнистых оленей. Солнце только что появилось из-за гор, и лучи его еще не так сильно обжигали голое тело. Как и все мальчики и мужчины в племени Чернокаменных, весной и летом Второй носил только сплетенную из древесного волокна набедренную повязку. Бежать было легко и свободно.

Зоркие глаза разглядели впереди какие-то серые точки, медленно движущиеся от реки в долину. Выбрав дорогу под прикрытием кустов, Второй ускорил бег. Вот он уже различает легкие переплетения рогов оленей. Упав на землю, мальчик ползет, прислушиваясь к собственному шороху, определяя направление ветра. Второй замер. Дальше нельзя ползти к оленем стаду. Ветер дует в ту сторону, и олени почуют человека. Второй приподнялся, чтобы выбрать обходной путь, и чуть не вскрикнул

от неожиданности — у самого берега реки виделось небольшое стадо слонов. Спокойно жевавшие траву олени вдруг встрепенулись и помчались на мальчика. Он успел прицелиться и метнуть копье в олененка, тот упал, а все стадо на миг остановилось, затем сделало разворот и понеслось к горам. Второй подошел к убитому оленю. Вот он и выполнил первое задание. Рука потянулась к древку копья, а до слуха долетело рычание. Только тогда увидел Второй, что стадо преследовала рысь. Увлеченный погоней, хищник вначале не обратил внимания на человека. Теперь же он несся к мальчику и его добыче.

Второй сильнее рванул копье. Оно не поддавалось. В отчаянии Второй оглянулся и вдруг крикнул, подражая крику слона, зовущего на помощь. От реки раздался трубный звук и послышался топот. Рысь, приготовившаяся к прыжку, замерла, поджала хвост и медленно начала отходить к долине. Появившиеся три слона, задрав хоботы, пронесли мимо мальчика, отгоняя хищника.

Закинув тушу убитого олененка на плечи, Второй быстро пошел в обратный путь. К селению он подошел задолго до захода солнца и положил свою добычу у входа в «мужской дом» и, не отвечая на расспросы, сразу же уснул. Он проспал до следующего утра.

Охотники, которые ходили по следам мальчиков, чтобы подтвердить их рассказы, разобрались во всем, что случилось со Вторым, и подивились его смелости и отваге.

Теперь предстояло второе — главное — испытание, которое проверяло душу будущего мужчины. Мальчиков напоили дурманящим напитком из трав и кореньев и отправили разными тропами в глубь священной рощи. Всю ночь мальчики должны провести в одиночестве под сенью священных деревьев.

Напиток туманит голову, роща наполняется странными голосами, зловещим и таинственным шумом. Чудятся тени духов, клыкастые звери, огромные змеи. Страх захватывает сердце, рука иступленно сжимает единственное оружие — нож с лезвием из раковины. Вокруг рощи на ночь расположились взрослые сородичи, чтобы не дать слабым духом убежать в селение. Кто не выдержит испытания, того ждет вечный позор. Он никогда не получит мужского прозвища и потеряет детскую кличку. У него не будет и родового имени. Он перестанет считаться членом рода, и никогда ему не выделят пищи. Его

не изгонят с территории племени, но все равно, оставшись один на один со всеми стихиями земли и неба, он погибнет, и никто не проводит дух его в страну мертвых. Страшная участь ждала труса, и мальчики, кусая до крови губы, старались победить страх, оставшись один на один с ночными видениями священной рощи.

Второй вошел в мрачную темноту. Кто-то промелькнул впереди и грузно рухнул в стороне от тропы. Где-то блеснули свирепые глаза. В голове шумело. Движения стали неуверенными, ноги не слушались. Шатаясь, Второй шел дальше, и нижние ветви деревьев били его по лицу. Протяжный крик, полный отчаяния, раздался в вышине. Мальчик сделал резкий шаг в сторону, оступился о корягу и полетел вниз. Подняться он уже не мог. Сон одолевал его. Казалось, что рысь прыгает ему на спину. Нужно повернуться и нанести удар ножом, но ничего не выходит. И вновь видение: от реки мчатся слоны, вот они приближаются к нему, и их морды становятся рысьими. Огромная пасть готова проглотить Второго, он вскакивает и замахивается ножом. Видение исчезает, опять приходит забытие.

Утром его нашли спящим под поваленной сосной. С трудом Второй вспомнил ночные сны, и старейшина дал ему прозвание Серая Рысь. Охотник, который сопровождал мальчика в рощу, на правом плече сделал ножом насечки, напоминающие когти рыси.

Пришла пора проводить совет племени. К гряде черных камней собирались старейшины родов, старцы и старейшие женщины.

Много Чернокаменных собралось на Большой совет, и вновь старейшина рода Зеленого камня говорил о пагубности кровавой вражды с соседями, особенно с племенем Белого тигра. Вновь старейшина предлагал найти иной путь, чтобы прекратить вторжение чужих за добычей на землю Чернокаменных, иной способ возмещать ущерб, а не охотиться за людьми.

Когда смолкли одобрительные возгласы, над собравшимися прогремел голос колдуна. Он заставил прекратить шум и прислушаться к брошенным зло и надменно своим словам. В них были оскорбления старейшине и угрозы всему племени. Колдун гремел раковинными браслетами, подпрыгивал и крутился.

Вдруг колдун замер. Упал на землю и приложил ухо к подножию валуна. На лице появилась и

исчезла улыбка, рот широко раскрылся от удивления, и, быстро вскочив, колдун воздел руки к солнцу и крикнул: «Духи говорят мне — прав сказавший прежде!»

Прошло четыре сезона дождей, как Серая Рысь стал взрослым. Скоро ему надлежало отправиться в род Желтого камня — взять себе жену. Но для этого он должен принести самой старшей женщине шкуру какого-нибудь зверя, чтобы она поверила в него как в охотника-добытчика.

Был разгар лета. Серая Рысь вместе с другими охотниками рода Желтого камня охотился на оленей на северном краю долины.

Серая Рысь приметил в стаде самого упитанного оленя, и, когда, окружив стадо, охотники стали подкрадываться, он пополз прямо на выбранную добычу. Олень бросил щипать траву, приподнял голову, как бы прислушиваясь. Серая Рысь не дополз на нужное расстояние и поторопился метнуть копье, которое лишь ранило оленя. Он встрепенулся и помчался к Слоновой реке, увлекая все стадо. Охотники, стоявшие на пути, успели свалить трех оленей, но остальные проскочили.

Серая Рысь бросился вдогонку — он был виноват в том, что облава не удалась. Юноша, подхватив свое копье, бежал не оглядываясь. Он не видел, что поспешившие за ним охотники отстали. Он видел кровь на тропе и был уверен, что догонит раненого зверя.

В охотничьем азарте Серая Рысь бросился в воды Слоновой реки, куда устремились олени, и вслед за ними оказался на другом берегу, на земле племени Белого тигра. Нужно было повернуть назад, чтобы не стать жертвой чужеплеменников, но раненый олень был совсем близко, он еле волочил ноги, и его можно было схватить или добить. Серая Рысь метнул копье, и в тот же миг петля из пеньковой веревки перехватила его тело. Юноша упал и потерял сознание.

Очнувшись в незнакомой хижине, со связанными руками и ногами. Серая Рысь попытался поднять голову и громко застонал от невыносимой боли. На его стон в хижину вошел мальчик. В колесе бамбука он принес воду и дал попить Серой Рыси. Чернокаменный попробовал заговорить с мальчиком, но ребенок из племени Белого тигра не понял его слов. Мальчик, захватив бамбуковый сосуд, вышел из хижины. Затем были слышны удаляющиеся от хижины шаги.

Вскоре в хижину вошел почтенный старец. На обоих плечах его

были насечки, подобные тем, которые были на правом плече Серой Рыси.

Старец развязал путы на ногах и руках юноши, сел на корточки и жестом показал, чтобы Серая Рысь присел рядом. А потом, дотронувшись до его правого плеча, спросил на языке Чернокаменных:

— Почему у тебя, чужеплеменник, такой знак Духа?

Серая Рысь подробно рассказал об обычаях своего племени, описав прозвища. Старец слушал внимательно, не перебивая. В глубоких иссиня-черных глазах Серой Рыси старец видел притаившийся страх. За жизнь юноши не могли заступиться духи, так как они не имели силы на земле племени Белого тигра. С юношей охотники хотели разделаться еще на берегу реки, но, когда старший из них увидел знак когтей рыси, он отвел занесенное копье. В племени Белого тигра старейшины решили подождать, когда юноша придет в сознание, и выведать, почему у чужеплеменника знак, похожий на знак Духа Тигра.

Серая Рысь кончил и пристально смотрел в лицо старца, пытаясь угадать его мысли, узнать свою участь. Юноша ничего не видел, кроме глубокой усталости и жалости в помутневших от времени глазах. И тут как будто что-то напомнило ему Большой совет племени у гряды черных камней. Да, такими же были глаза у старейшины рода Зеленого камня, когда колдун Серая Ящерица выкрикивал угрозы.

Юноша торопливо, боясь, что старик уйдет, не узнав о решении Большого совета, рассказал о пути, одобренном Духом Черного камня. Глаза старца оживились. Он быстро поднялся: «Пойдем, чужеплеменник, но помни, тебя убьют, если ты попытаешься бежать». Старик привел Серую Рысь к большому дому, перед которым толпились мужчины и женщины, старики и дети. Перед входом в дом высился огромный столб, вершина которого была вырезана в виде тигриной морды. Вокруг него сидели на корточках старейшины родов.

Серая Рысь прислушивался к

голосам, но ничего не понимал. Он осмотрелся, перехватывая любопытные взгляды собравшихся.

Наконец старец громко, чтобы слышали все пришедшие к большому дому, что-то сказал. Затем, повернувшись к Серой Рыси, заговорил на языке Чернокаменных:

— Чужеплеменник, старейшины многих родов племени Белого тигра поверили в справедливость пути, который показал твой Дух Черного камня. Но ты на три раза по десять дней останешься здесь. Ты пройдешь испытание — выпьешь кровь горной курицы и станешь на время членом моего рода, рода Черного кабана. Если за эти дни, пока тебе будут покровительствовать наши духи, никто из нашего племени, случайно оказавшийся на том берегу Слоновой реки, не будет убит, ты уйдешь к своим, и мы будем исполнять волю пути жизни, а не смерти при встрече людей племени Белого тигра и племени Духа Черного камня. Если кто-то из моих соплеменников погибнет, значит, ты сказал ложь и станешь жертвой Духа Белого тигра!

Юноша согласился. Он был уверен в мудрости старейшины рода Зеленого камня и верил, что его соплеменники пойдут путем жизни.

Три десятка дней и ночей юноша провел в роде Черного кабана, ходил на охоту с новыми сородичами и не думал о том, что его участь может неожиданно измениться. Старец же все три десятка дней внимательно слушал рассказы охотников, тревожился, когда кто-либо долго не возвращался из прибрежных районов, от Слоновой реки. Старец отмечал зарубками прошедшие дни, Серая Рысь же, пораженный многими удивительными вещами у тигриного племени, старался изучить чужой язык и принять увиденное.

Особенно юношу поразило то, что люди тигриного племени на тех местах, где приток Слоновой реки по весне оставляет неглубокие, но большие лужи, бросают в земляное дно зерна когда-то найденного им растения, чтобы по прошествии трех-четырех новых лун из них выросли большие растения и много-много новых зерен. Он увидел, что люди тигриного племени каменными топорами сносят участки леса, сжигают его, рыхлят землю острыми концами твердых палок и в ямку прячут маленькие клубни ямса, чтобы затем собрать в той же ямке уже пять-шесть клубней.

Серая Рысь не знал, что первые два десятка дней грозный колдун племени Духа Черного камня призывал к отщепеню, доказывая, что

юноша был убит тигриным племенем вероломно и безжалостно. С трудом старейшине рода Зеленого камня удалось остановить охотников, готовых было пойти на земли племени Белого тигра и возобновить охоту на людей.

Прошли три десятка дней и ночей, и Серая Рысь отправился домой. До берега Слоновой реки его провожал старец из рода Черного кабана и несколько мужчин, с которыми он последнее время ходил на охоту или корчевал пни на земле, предназначенной для клубней ямса.

Солнце стояло высоко в зените, когда они подошли к берегу. Видимо, в горах прошли дожди — вода поднялась значительно выше обычного и скрыла брод. Пришлось Серой Рыси переправляться на свой берег вплавь. Когда юноша вышел на берег и оглянулся, то увидел на том берегу старца, охотников, стоящих с приветственно поднятыми копьями. Юноша поднял копье и громко крикнул на языке тигриного племени пожелание удачной охоты.

Перед закатом солнца Серая Рысь подошел к своему селению. Он не был дома столько дней, сколько движется тень человека в страну мертвых. Он шел к хижины старейшины, и все, кто попался ему навстречу, в страхе закрывали лицо руками, исчезали в кустах и за стенами строений. Люди боялись его, как боятся приходящих из страны мертвых в сновидениях или бреду. Старейшина вышел из хижины и узнал юношу. Он поднял руку, и юноша остановился на расстоянии от него. Знаками старейшина приказал юноше следовать за ним к зеленому валуу в священной роще и потребовал, чтобы Серая Рысь ранила свою руку ножом и обагрила кровью камень. Юноша сделал так, как велел старейшина. Густые капли крови упали на валун. Нет, не призрачная тень, а человек вернулся в свой род через более чем три десятка дней и ночей.

Серая Рысь много дней по обычаям рода провел один в священной роще. Много раз его навещал старейшина и подолгу расспрашивал обо всем, что юноша увидел в тигрином племени. Особенно интересовало старейшину закапывание в землю семян и клубней ямса. Если можно будет получить из одного семени два раза по десять, а из одного клубня пять или шесть клубней на участке земли, который можно сделать около селения, значит, вечная угроза голодной смерти станет много меньше.

Рассказ юноши заставил старейшину рода Зеленого камня угово-

рить сородичей снести каменными топорами часть леса и воткнуть в землю, смешанную с золой, клубни ямса.

Серая Рысь еще не имел права вернуться в селение, и эту мало-понятную работу провели без него. Наконец настал день, когда старейшина, получив согласие колдуна, позволил юноше вернуться к родным хижинам.

Много перемен произошло в родном племени за это время, равное двум рождениям, расцветам и за-туханиям луны. Чернокаменные не только зарыли в землю клубни ямса, но и зерна, похожие на муравьиные яйца. Серая Рысь видел ровные ряды зеленых стеблей на земле, очищенной от леса, — это клубни ямса давали ростки. Серая Рысь видел над поверхностью прибрежных луж острые листья растения, когда-то найденного им и зерна которого после варки становятся кашницей, способной утолить голод. На земле Чернокаменных, как узнал Серая Рысь, появлялись люди тигриного племени, и их старец, умевший говорить на языке племени Духа Черного камня, подолгу беседовал со старейшиной рода Зеленого камня.

Жизнь текла в отмеренном времени ритме, и настал день, когда со шкурой той огромной пятнистой рыси, которая чуть не пресекла дорогу жизни, он отправился к старой женщине рода Желтого камня и выбрал девушку себе в жены.

Теперь он ходил на охоту, рубил каменным топором лес, чтобы сделать чистым участок земли и воткнуть в землю клубни ямса вместе с людьми рода Желтого камня. Достигнув возраста четырех десятков сезонов дождей, Серая Рысь вернулся в родной род Зеленого камня, оставив своих детей, трех мальчиков и одну девочку, по обычаю предков в роде Желтого камня.

Когда пришел день и на охотничьей тропе духи схватили дыхание жизни Серой Рыси, он сам ушел в страну мертвых.

Тело его сородичи положили в сосновую колоду, которую опустили в глубокую яму. Рядом с телом — каменное копьё и нож, в ногах поставили керамическую чашу и чашу с зернами, похожими на муравьиные яйца. По обычаям племени Духа Черного камня через один сезон эту яму раскопали. Вынули кости, белевшие на солнечном свете, ссжили в большой глиняный сосуд и закопали его у подножия гор, что стояли на краю долины.

В. КОНСТАНТИНОВ

Фото А. МАСЛОВА

Когда я впервые увидел пряничные доски — а это было на Тульской кондитерской фабрике, — мне показалось, будто попал я в музей прикладного искусства. Янтарно-желтые от масла липовые доски были сплошь покрыты великолепной резьбой... Позже я узнал, что автор этих досок известный в Туле резчик по дереву Василий Борисович Соколов.

...Дверь в квартиру Соколовых открыла девочка лет десяти. Узнав, что я пришел к дедушке, провела в комнату. Седой, очень пожилой, грузный человек сидел у окна за небольшим верстаком. Он медленно, будто нехотя, повернулся, внимательно пригляделся ко мне и, отложив в сторону стамеску, поднялся навстречу. Познакомились.

— Вы уж извините, — как-то виновато проговорил он, — руки у меня еще ничего, а вот ноги — беда: я уж лучше сяду...

Он подвинул мне стул и сел за свой верстачок, на котором лежало десятка два различных стамесок и ореховая рамка с уже обозначенными контурами резьбы — переплетение стеблей, листьев, плодов.

БИОГРАФИЯ РЕМЕСЛА

— Теперь только внучкины заказы и выполняю, — сказал Василий Борисович и коснулся рамки широкой, крепкой ладонью.

Я не поверил: на фабрике мне

Мастер Соколов.

говорили, что мастер совсем недавно сделал большую составную доску для свадебного пряника.

За окном неслышно падал густой январский снег; за белой пеленой смутно угадывались контуры строящегося дома. Василий Борисович, проследив за моим взглядом, сказал:

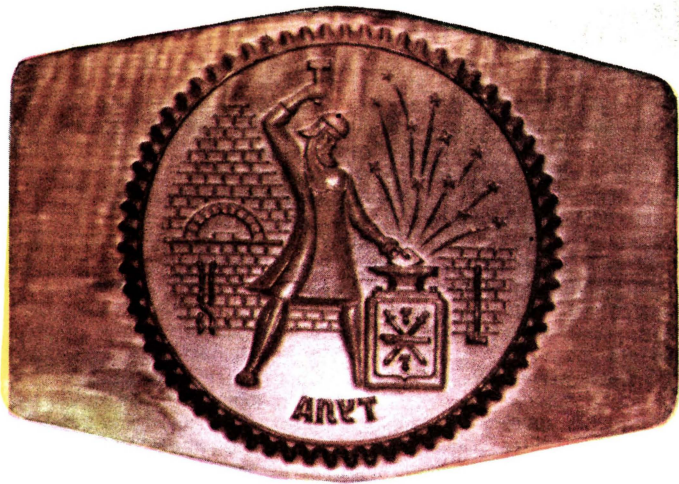
— Тихо-то как... Краны не гудят: видимо, снег работе мешает. А так днем и ночью стройка идет. Старые домишки снесли, а на их месте громадины ставят. — Вздохнул: — Одно жаль — со старыми домами резьба пропадает. Никому теперь не нужны подзоры и наличники... Может, оно и так, но не мешало бы и для будущего сохранить. Я-то знаю, сколько в эти кружева таланта вложено.

Василий Борисович провел рукой по аккуратной щеточке усов, улыбнулся:

— Значит, пряничные доски интересуют? Хорошо, расскажу.

Он замолчал, собираясь с мыслями, а я принялся разглядывать комнату. И шифоньер, и диван с высокой спинкой, и стулья, и этажерка — все было покрыто затейливой резьбой. На стене висела круглая пряничная доска: над весенним, пробуждающимся лесом стремительно летели птицы...

Пряничные доски.

— Я ведь резчик потомственный, — прервал мои наблюдения Василий Борисович. — Мой отец иконостасы, аналои, многое чего делал, на «скол» работал. Что такое «скол»? Слушай... Сделает, значит, заготовку орнамента, сколет ее с основания, выберет изнутри и опять на место приклеит, да так, что не заметишь. Глядит

иной несведущий на деревянные кружева и голову ломает, как это резчик сумел такое сотворить? А все дело — в «сколе». Большим мастером отец был, теперь уж таких не сыщешь...

Как-то, — оживился Василий Борисович, — вызывают отца в иконостасную мастерскую. А он только что из гостей. Пришлось

ему меня с собой брать, так сказать, для опоры. Приходим. А там какой-то попик с хозяином лаеся: скульптура ангела ему не нравится.

Отец взглянул на «ангела» и расхохотался.

— Это, — говорит, — что за

А вот и сами пряники.

образина такая? Прямо-таки бесенок из-под печки.

Хозяин чуть не плачет, просит отца, чтобы тот «ангела» исправил.

— Тащи сотку, — командует отец, — сейчас мы дьяволенка в божеское соответствие приведем.

Хозяин ахает, попик крестится. Но делать нечего — посылают за водкой. Отец тем временем достал инструмент и за полчаса того уродца преобразил. Да, резчик он был талантливый, но жили мы трудно. Вот мои внуки в школу бегают, а мне с восьми лет за резьбу пришлось сесть. Мать, бывало, на поденке; мы же с отцом с утра до вечера режем. Я, конечно, что полегче, например, доски для мелких фигурных пряников — птичек там, рыбок, коньков. Режу по образцам, а надоест — начинаю свое придумывать. Отец ругается: «Мал ты еще, — говорит, — свое лепить. Рисунок пряничный уважать надобно, он веками складывался».

Конечно, никаких таких правил не было, — вспоминает Василий Борисович, — хорошему резчику не взбранялось и самому что-нибудь в известный рисунок добавить, но чтобы с умом, «в традициях» — лишнего пряник не потерпит. А вот как это лишнее преодолеть, так то с годами приходит. И сейчас, прежде чем за работу сесть, голову поломаешь: как бы не переборщить с рисунком-то, чтобы пряник пряником оставался...

Хотите, расскажу, как известному кондитеру Щукину заказ делал?

Я и до этого слушал старого мастера, не перебивая, а здесь и вовсе замер: много ли осталось рассказчиков, помнящих то далекое время...

— Как-то приходит к нам домовой приказчик и просит: «Васек, сделай к масленице доску, да такую, чтобы нашим конкурентам нос утереть». Я тогда, признаться, обрадовался. Еще бы, сам Щукин заказ доверил! Долго над рисунком бился, искал, но вышло все не то, а время поджимает: не за горами масленица.

Василий Борисович заулыбался, молодо взглянул на меня:

— Эх! И любили ж мы, мальчишки, масленицу — за ярмарку, конечно. Она у нас в Туле «ритатуйкой» называлась. В день ярмарки в балаганах — представление, в палатках — любого товара навалом: от сапог до черепеника¹ с постным маслом. Лю-

дей тьма, со всех уездов, бывало, съезжались. Шум, бестолковщина. Хочешь что-либо купить, ухо остро держи, иначе лоточники, народ аховый, наглый, за просто лежалый товар всучат.

Пряников, помнится, продавалось великое множество и самых разнообразных. Были, например, наборные — назывались у нас «пальчиками». Это пряничная коврига, поделенная на доли, и на каждой — имя: «Ваня, Маша, Даша, Саша». Пряники фабриканта-кондитера Гречихина продавались в красивых жестяных коробках. Каждый пряник в отдельной бумажке, и на каждом, в растительном орнаменте, — имя великого писателя. Пряники эти шли по цене шоколада. Для простонародья же выпекались дешевые, без начинки, сухие «папушники». В них даже играли. Надо было суметь одной рукой сломать такой пряник на возможно большее число кусков. Не сумел — отдай два, а то и три. Продавались и другие пряники, да разве все упомянуть?..

Василий Борисович как-то незаметно коснулся истории пряничного дела, и потянулась ниточка...

Раньше в каждой местности пряники пекли по своим рецептам, которые передавались из поколения в поколение. Славились пряники новгородские, архангельские, московские, городские, вяземские и, конечно, тульские печатные с начинкою. Печатными они назывались потому, что лицевую сторону их формовали (печатали) деревянными резными досками. На знаменитых нижегородских ярмарках пряников этих продавалось несколько тысяч пудов. Тульские купцы, дождавшись весеннего паводка, плыли по Оке в Нижний Новгород и, арендуя печи, выпекали их прямо на месте. Для этого требовалось множество пряничных форм.

Веками шлифовалось искусство резчиков формовочных досок. Исследователь народного творчества В. С. Воронов в известной своей книге «О крестьянском искусстве» подразделяет пряничные доски по техническим, художественно-иконографическим и бытовым признакам на пять основных типов: фигурные, штучные, наборные, почетные и городские. Наиболее древним типом считаются фигурные, восходящие к тому времени, когда печения, изображавшие птиц, зверей и рыб, были необходимым элементом ритуальных празднеств. (Кстати, на Руси декоративные пряники очень долго играли обрядовую роль. Ими ве-

личали на свадьбах, их дарили на именины и просто в знак уважения, они были обязательной принадлежностью праздничного стола, ими поминали умерших.)

Далее шли штучные доски; на них преобладал растительный, ременно-плетеный узор и мотивы круга (символ солнца), впоследствии превратившегося в лепестковую розетку. Наборные доски получили распространение в конце XVIII века в связи с ростом фабричного пряничного производства. Они отличались тщательностью, почти натуралистической разработкой темы-декорации. С такой доски пряник нередко формовался в виде подноса: тут и жареная курица, и пироги, и рыба-стерлядь, и самовар, штэф, чарки, ложки, вилки.

Сохранившиеся в музеях формовочные доски для почетных пряников поражают размерами (почти пол квадратного метра), монументальностью декорации. На них нередко вырезали сказочный город с причудливыми башнями, а это требовало от исполнителей большой художественной культуры. Резать — знаменовать — такие доски доверялось только известным мастерам; недаром они оставляли на дереве свои имена: «Сей пряник смедомъ і с перцемъ і з духами снѣя доска села работак Івана Кузьмина Красильникова». Или — «1792 году месяца июля тридцатого дня сию доску рисовал Василе Вановъ сын Козищниковъ устюжанинъ города Великого Устюга пряник заздравной».

— Нашел я все-таки свой рисунок для «щукинского» пряника, — продолжил рассказ Василий Борисович. — Когда-то мой отец в молодости карусели деревянные поставил: сам коней вырезал, сам и механизм оборудовал. Я хоть и не видел тех каруселей, но в доме о них часто говорили. Так вот, думал я об этих каруселях и решил свою фантазию в круглый пряник воплотить: в середине столбик, а по полю мчатся кони. Ничего получилось. Бегу я, радостный, с этой доской на кондитерскую фабрику и по незнанию попадаю в пекарню. Стою, смотрю, как полуголые пекари у печи орудуют, протгивни с пряниками туда-сюда таскают, чтобы не подгорели. Стою, а запах духмяный, сытный, аж слюнки текут. Очень уж мне захотелось настоящего пряника попробовать!.. Пекари, известное дело, первые в Туле кулачники, насмешники. Один и говорит мне: «Чего стоишь, паря, бери пряник-

¹ Черепеник — булочка из низкосортной муки.

то, пока хозяина нету...» Я и взял, а тут другой как заорет не своим голосом: «Хозяин, прячь скорее!» Я с перепугу пряник — за пазуху, а он как раскаленное железо. Пекари гогочут. Завертелся я волчком, бросил доску и бежать. Пряник тот потом пришлось с кожей отдирать: на всю жизнь отметина осталась...

Василий Борисович оперся о верстак, тяжело поднялся и, пойдя к этажерке, где лежали пряничные доски, достал несколько штук. По доскам я сразу же узнал «Левшу», «Куликово поле», «Тулский кремль», «Свадебный». Красивы пряники, формованные этими досками, но сами пряничные доски были настоящим открытием резного искусства.

— У меня здесь только некоторые контрольные экземпляры, а остальные на кондитерской фабрике, — пояснил Василий Борисович. И подал мне еще несколько небольших формовочных досок: веселые матрешки, стилизованная рыбка, игривая лошадка, баранчик, петушок...

— Вот такие доски для фигурных пряников мы и резали. А теперь кондитерские фабрики фигурных пряников не пекут, говорят, технология другая, а по-моему, зря не пекут: для детишек это ведь какая радость — сладкие зверюшки, птички...

Мне особенно запомнилась формовочная доска с рисунком-рельефом «петушок», который, казалось, готов был выпрыгнуть из доски — настолько он был задорист и напыщен.

— Вот режу эту старину для себя, — с грустью сказал мастер. — А впрочем, может, когда-нибудь эти доски и понадобятся, кто знает... Хотите покажу, как резать?

Он взял рамку, над которой работал до моего прихода, одну из стамесок и принялся выбирать ненужное дерево. Вскоре на рамке появился листок растения.

— Что за листок? — спросил. Я растерялся.

— Вот то-то и оно, — улыбнулся Василий Борисович, — вижу, что природой не интересуешься. Теперь многие липы от дуба не отличат. Время, что ли, такое быстрое? А вырезал я листок рябины, — пояснил он и опять углубился в работу.

Когда я вышел на улицу, снег уже перестал. Стройка ожила: разрывая ночь, сияли прожекторы, гудели краны...

Я обернулся, нашел окно мастера, там тоже горел свет.

«16-91» НЕ ВЕРНУЛСЯ

В то декабрьское утро все шло как обычно. Федор Панкратов, получив путевой лист, направился к начальнику автоколонны. Толпившиеся в диспетчерской шоферы словно и не заметили появления Федора: новичок, к тому же из молчунов. Нельзя сказать, чтобы тот тяготился их отношением, оно ~~его~~ скорее устраивало. «В душу никто не будет лезть, — думал Панкратов в подобных случаях. — А что касается уважения, так все зависит от твоего дела, шоферского дела...»

Савельев, начальник автоколонны, сидел за столом и торопливо заполнял табель. Федор, взглянув на часы, принялся в упор разглядывать Савельева. «Странное дело, — думал он, — человек имеет права первого класса, бывший шофер, а занимается канцелярщиной. А ведь мог бы получить новехонький самосвал. Сел в кабину, выехал на дорогу — и чихать на все! Никаких тебе оперативок и бумажных хлопот... да и получал бы рублей пятьсот. Что он, считать не умеет?»

— Петрович, звал? — все еще разглядывая начальника, напомнил о себе Федор.

Савельев поднял усталые глаза. — Ты вот что, Федя, подожди до послезавтра. Поедешь с двумя МАЗами. Колонной — оно и веселей и спокойней...

— Ты что это, начальник? — взорвался Федор. — Кому обязан, тот пусть и ждет. То баллон проколет, то мотор перегреет, а ты возись с ним... Один управляюсь.

— Успокойся, Федор. Ты сколько раз на Сай-Утес ходил? — Раза четыре будет, — угрюмо, но уже спокойно ответил Федор.

Савельев, подперев голову рукой, казалось, думал о чем-то своем.

— Ну ладно, будь по-твоему, — неожиданно согласился он. — Но смотри, чтобы соляркой заправился по самые пробки.

Минут через сорок вся база, кроме машин, оставшихся в ремзоне и на вторую смену, опустела. Машины ушли в пустыню, на стройки Мангышлака.

Панкратов в это время был уже далеко. За окном кабины выл ледяной ветер. В кузове важный груз — баритовый утяжелитель, мотки киперной ленты, приборы для буровиков. Они расположились в песках, за Сай-Утесом... Давно остались позади улицы Шевченко, промелькнули контуры обогатительной фабрики, эстакады трубопроводов, серебряными змеями нависшие над дорогой. Впереди у самого горизонта краснели, разрезая бледный свет утра, языки газовых факелов.

...За поворотом дороги женщины в оранжевых жилетах выравнивают свежий гудрон. Одна из них, что помоложе и побойчей, машет рукой. Федор жмет на педаль тормоза, выжидая смотреть в окно.

— Парень, дай попить — у нас вода кончилась.

Федор, подумав, достал изпод сиденья баклагу с водой. Женщина пьет, потом передает баклагу подругам. Федор с любопытством рассматривает ее лицо — веселое, смуглое, глаза синие... Как только отъехал от дорожницы, загрустил: «Скорей бы квартиру получить да жену с дочкой к себе выписать...»

За подъемом он свернул с шоссе в пустыню. Расстояние до буровой не близкое, но Федор был спокоен: дорога знакомая. Главное, не променять свежую колею, накатанную вчерашними МАЗами, на старые, переплетающиеся в сложном орнаменте.

Стемнело. По времени справа должны были показаться огни Сай-Утеса. Но фиолетовая даль оставалась пустой, без признаков жизни. «Неужели сбился?» — холодом обожгла догадка. На тускло освещенной приборной доске было видно, как стрелка указателя уровня топлива клонилась к нулю. Федор заволновался, вспомнил, как собирался в дорогу: срочно выписал командировку, заправился, съездил в морпорт, загрузился (дизель долго работал на холостых оборотах) да по городу накрутил полсотни с лишним километров. Надо было дозаправиться, но он ушел в рейс, рассчитывая сделать это в Сай-Утесе...

Часа через два дизель, коротко поперхнувшись, остановился. Некоторое время Федор, опустив голову, молча прислушивался к затихающему стрекоту центрифуги. Потом наступила тишина. Федор вышел из кабины. Заряд песка холодной дробью кольнул лицо. Он поднял воротник ватника, пошел в степь, надеясь найти какое-нибудь возвышение, с которого в быстро сгущавшихся сумерках можно было бы рассмотреть огоньки. Но местность была ровной, как дно сковородки.

В стороне черной громадой высился КраЗ. Федор вернулся, взобрался на крышу кабины, огляделся. Ни малейшего проблеска — все вокруг было затянато темнотой, и только на западе светила тончайшая мутная полоска ушедшего к морю заката. Федор вдруг подумал, что расходомер врет, что, может быть, солярки осталось еще немного? Может, воздух попал в топливную магистраль? Такое иногда бывает с дизелями. Он слез с кузова, открыл капот и заполнил систему насосом ручной подкачки. Из отверстия брызнула тугая струя топлива. И тут же оборвалась. Федор задумчиво посмотрел на двигатель: «Похоже, старина, на этот раз ты меня не вывезешь... Дело — швах!»

Остающийся дизель тихо потрескивал. Все еще не веря беде, Федор сбросил ватник, засучил рукава рубашки, сунул руку в топливный бак. Холодная маслянистая жидкость едва коснулась пальцев на самом дне...

Он не торопясь разостлал на сиденье чехол капота, сложил спецовку — получилась сносная подушка. Потянулся к баклаге с питьевой водой. Баклага заметно полегчала. Федор усмехнулся, вспомнив дорожниц. Вдруг его осенило. Воде! Пусть ржавая, пусть отдающая металлическим привкусом — вода из системы охлаждения может спасти ему жизнь! Вода, которую если не слить, разорвет блок ночью и без пользы прольется на землю. Федор выскочил из кабины, открыл краник, загородил телом журчащую струю от ветра, бережно слил воду в резиновую емкость. Укладываясь на холодном сиденье, он довольно прошептал: «Один — ноль в мою пользу».

...Что-то горячее, тяжелое навалилось на голову, сдавило веки. Федор сбросил одеяло, вылез из кабины. Вокруг, насколько схватывал взгляд, все было белым. Машина крошечной точкой

застыла на дне гигантского блюдца. Ни людей, ни зверей, ни даже верблюжьего помета — обычного ориентира в этих местах — не было видно. «Странно!» — громко, чтобы подбодрить себя, сказал Федор и, вздохнув, принялся подсчитывать припасы. Харч у него был — кусок колбасы и сорок литров мутной воды. «Жить можно!» — решил Федор и начал разрезать колбасу на тонкие кружочки.

Федор рассчитывал провести в ожидании дня три — не больше. Днем раньше на «его» буровую ушли с базы четыре машины. Скоро они должны возвращаться, заметят его.

Но на четвертый день вместо машин с равнин Афганистана пришел недобрый ветер. Появился он незаметно, серыми струями песка, ползущими по шершавой поверхности пустыни. Все разом потемнело — и солнце, и пустыня. Твердые песчинки проникали через щели кабины, через рваный резиновый чулок на рычаге коробки передач. Федор нагибался, собирал их в ладонь и с трудом выбрасывал наружу. Ночью ветер обыкновенно стихал. И тогда в глянцевого черноте южного неба мгновенно проступали спелые звезды.

«Скоро праздник, Новый год, — думал в эти часы Федор, — наверное, хватятся его не сразу или решат, что он остался на точке. Буровики — народ гостеприимный. Не отпустили. Да и вспомнит ли кто о нем?» — вдруг засомневался Панкратов.

Часто слышал он, читал, как люди, оказавшиеся в его положении, героически пробираются к жилью. Что и говорить — подмывало и его бросить самосвал и припустить налегке на запад — к морю, к людям. По расчетам выходило, что до моря километров девяносто — не больше. Он собрал старую сумку, сложил туда баклагу со ржавой водой, гаечный ключ — единственную защиту от зверей, но, отойдя от КраЗа с километр, присел, задумался. Припомнилось ему, что в пустыне обычно сначала находят машины, их легче заметить, а уж потом, недели спустя, трупы решившихся на опасное путешествие людей...

Однажды, прямо над головой, он увидел серебристый след. В небе, меж реденьких облачков, спокойно пробирался пассажирский самолет. Он вез много людей — их, наверное, было не

меньше ста человек! Дорого дал бы сейчас Федор Панкратов, чтобы увидеть хотя бы издали хоть одну живую душу, услышать человеческий голос... Закусив губу, следил он за самолетом замутненным от слез взглядом. Сверкающая точка растворилась в голубизне неба. Федор обессиленно опустился на землю, прижался щекой к баллону. Рубчатая твердь резины источала горьковатый запах. Он встал, подошел к кабине, достал сверток с едой, развернул. На дрожавшей ладони лежали четыре колбасные фишки. Федор оглянулся, хрипло закричал в стылую немоту пустыни: «Врешь... Я так просто не дамся!» Затем достал ящик с инструментами, покопался в нем, вынул отвертку, молоток, гаечные ключи и, с трудом вскарабкавшись на крыло, открыл капот. Он понял, что только в привычном, неторопливом труде его спасение.

Быстрее и менее заметно скользили дни, заполненные работой. Медленно, смакуя каждую операцию, Федор разобрал и вновь собрал центрифугу, водопомпу, топливный насос. Маслянистые детали часто выskalзывали из ослабевших рук, но он терпеливо поднимал их, очищал от песка и с негромкой руганью устанавливал на место.

Перед Новым годом он наточил старый, изогнутый серпом нож, зажег первый снятый баллон, вскипятил воду и, морщась от боли, сбрил жесткую бороду... Вспомнил товарищей, встречающих праздник на автобазе, молодых шоферов на обочине с проколотыми баллонами, мимо которых он, бывало, не останавливаясь, проносился по трассе. Вспомнил — и упал на баранку...

Он не знал, что базе не до праздника, что в городе многие люди уже давно подняты на ноги телефонными звонками, что пустыню давно уютжат посланные на его поиски машины, а в небе рубит винтами холодный воздух вертолет. Пилоты и приростившийся за ними Савельев до рези в глазах всматриваются в желтизну пустыни.

...Его нашли на двенадцатый день. Когда песчаный смерч, поднятый винтами при посадке, растаял, Савельев увидел, как от бесколесного КраЗа номер 16-91 отделилась человеческая фигура, упала на землю и медленно, часто останавливаясь, поползла к ним навстречу.

Полуостров Мангышлак

акулы «спальни»

С. БАРСОВ

«**М**ы с Анитой надели акваланги и по очереди нырнули в зеленоватую прозрачную воду. В этот день нам предстояло обследовать целый лабиринт пещер у южного конца длинного рифа, который местные жители называют «Кадена» — «Цепочка». Первым акулу-людоеда обнаружил Карлос и позвал остальных. Дело осложнялось тем, что на сей раз хищница расположилась не в пещере, а в подводном туннеле. После недолгого совещания решили, что Дэвид и Рамон осторожно подплывут к «черному ходу», чтобы отрезать путь отступления, мы же с Анитой «войдем» с парадного. «Просто невероятно», — подумала я, зная, что и Анита разделяет мое чувство: перед нами, буквально нос к носу, находился самый опасный из морских

хищников — акула-людоед, получившая достаточно выразительное прозвище «Реквием». Такие встречи запоминаются на всю жизнь и долгие годы преследуют в ночных кошмарах.

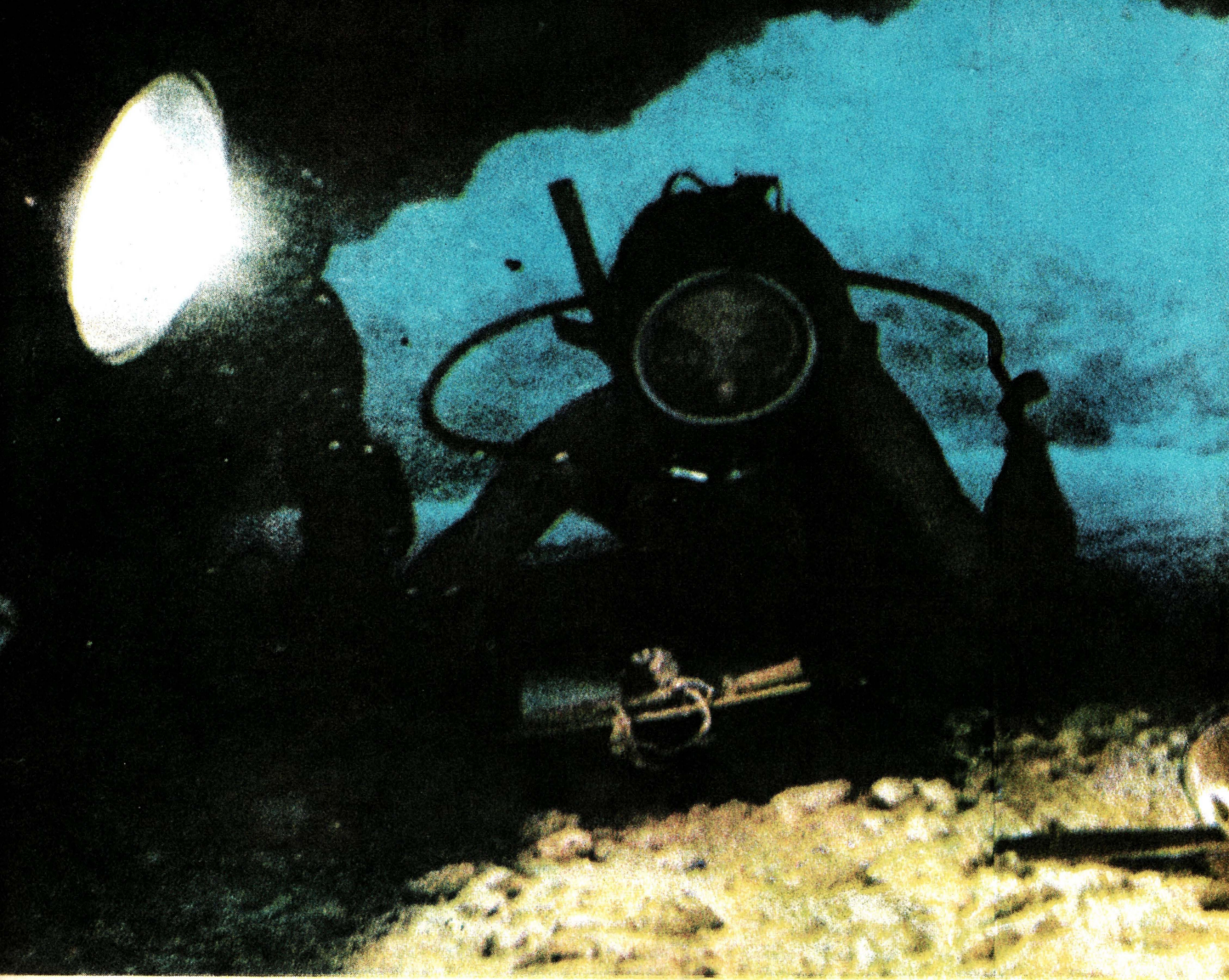
Но пока все шло хорошо. Дэвид и Рамон готовили свою кино- и фотоаппаратуру, чтобы запечатлеть на пленке страшную незнакомку. Анита спокойно считала частоту ее дыхания, занося данные на специальную дощечку-таблицу. А я, чтобы не мешать ей, осталась ближе у входа в туннель.

И вдруг произошло то, чего никто не ожидал. Видимо, разбуженная яркими вспышками блицев, акула бросилась вперед на Аниту. У той в руках было единственное и, увы, слишком ненадежное оружие — дощечка-таблица, которой она попыталась от-

бить нападение. Застыв от ужаса, я видела, как хищница пронеслась мимо нее, сбив с ног ударом хвоста и теперь торпедой мчалась ко мне. Я тоже была безоружна...

До сих пор не знаю, что спасло меня. Может быть, те же самые ослепительные огни подводной съемки. Во всяком случае, акула замерла не больше чем в двух футах от моей маски, словно приглашая полюбоваться собой. Над головой у нее, подобно светящемуся ореолу, медленно плавали рыбки-неонки. Холодный, немигающий взгляд не отрывался от моего лица, а сама она находилась так близко, что я отчетливо видела крошечные поры-отверстия на рыле, которые позволяют акулам регистрировать малейшие изменения в электрических характеристиках окружаю-

щей воды. Рот ее ритмически открывался и закрывался, каждый раз позволяя полюбоваться двумя дюжинами острейших зубов-ножей. Позади них виднелись еще четыре ряда, которые позднее заменят передние. К моему величайшему облегчению, судя по положению нижней челюсти, незнакомка не собиралась немедленно полакомиться мной...

Когда вечером в лагере мы обсуждали дневное происшествие, больше всего похвал пришлось на долю Аниты.

— Я думал, что ей крышка, — не унимался Рамон, которому, кстати, удалось даже снять весь эпизод на пленку. — И тут она так дала нахалке по зубам, что раз и, дай бог, навсегда отбила охоту мешать научным наблюдениям!

— Да нет же, я ее вовсе не стукнула, — скромно возразила Анита. — Просто оттолкнула в

сторону, когда она кинулась на меня. А что еще оставалось делать, если вы пробками торчали в обоих выходах из туннеля?..»

Описанный выше случай может показаться сплошной выдумкой, таким классическим примером «рыбацких рассказов», однако он имел место в действительности с видным американским ихтиологом доктором Юджинией Кларк и ее ассистентами. Но почему же тогда акула-людоед вела себя так прилично? Почему она оказалась столь мирной, даже сонной? Ответ на эти вопросы, пожалуй, не менее необычен, чем само это происшествие.

...В шести милях от оконечности полуострова Юкатан расположен небольшой островок Исла-Мухерес, который привлекает туристов не только из Мексики и США, но даже из Европы. Славу ему принесли белоснежный песок пляжей, теплые тропиче-

ские воды, жаркое солнце и ледяное пиво, регулярно, по четвергам, доставляемое паромом с континента. Этот же паром вечером в воскресенье увозит толпы туристов, и пыльные, немощные улочки немногих селений острова вымирают до следующего уикэнда. Жители Исла-Мухерес — потомственные рыбаки, промышленные в основном креветок и омаров. Но есть среди них и такие, которые стали профессиональными ловцами акул. Причем не какой-нибудь прибрежной мелочи по полметра длиной, а гигантских акул-людоедов: кархародонов (или белых), «прыгучих» мако и тигровых.

Занятие это далеко не безопасное, если учесть, что каждый из таких хищников способен перекусить тело взрослого человека, а весят они по несколько сот килограммов. К тому же попавшаяся на крючок акула вполне

может броситься на лодку или катер, чтобы расправиться с рыбаком. И все-таки некоторые жители Исла-Мухерес считают ловлю «тигров морей» делом стоящим: из плавников варят знаменитый нежный суп, ценимый гурманами; жира и витаминов в печени больше, чем у трески; кожа, которая прочнее воловьей, широко используется в легкой промышленности; акулье мясо идет на консервы, да к тому же его охотно покупают рестораны и магазины; наконец, из челюстей после соответствующей обработки делают сувениры.

Карлос Гарсия тоже был профессиональным ловцом акул. На промысел он обычно выходил с кем-нибудь из товарищей на моторном катере, забрасывал крючки с наживой на прочных стальных цепях вместо лески и ждал добычу. Но в тот день, четыре года назад, он решил по-

охотиться с гарпунным ружьем за обычной рыбой. И вот в одной из подводных пещер Гарсия наткнулся на... спящих акул. Гигантские рыбы неподвижно лежали на дне пещеры, часто дышали, но, казалось, находились в состоянии какого-то опьянения. На следующий день он проверил свое открытие: все было как и в первый раз. После этого Карлос рассказал о странном явлении коллегам-ловцам. Проверили все вместе. Сомнений быть не могло: в пещере спали акулы-людоеды — кархародоны, мако, тигровые, словом, те самые виды, которые живут в просторах океана над большими глубинами и носят в науке название пелагических.

Слух об открытии Гарсии, естественно, стал распространяться среди приезжих туристов и постепенно достиг ушей ученых. Однако их реакция была более чем

скептической: они категорически опровергали возможность того, что акулы-гиганты способны неподвижно спать на дне подводных пещер. В наши дни, утверждали ученые мужи, акулы слишком хорошо изучены, чтобы верить в подобные сказки. С 1958 года действует международная комиссия по изучению акул, которая собирает со всего света информацию о них и о всех случаях нападения на людей, но и ей ничего не известно о подобном явлении. Чтобы жить, пелагические акулы должны непрерывно двигаться. Только тогда жабры омываются достаточным количеством воды. Поэтому ни кархародоны, ни мако, ни тигровые не могли спать неподвижно в подводных пещерах. Другое дело — прибрежные, скажем, леопардовые или акулы-няньки, они действительно иногда отдыхают, лежа на дне.

Трудно ручаться, как дальше сложилась бы судьба открытия Карлоса Гарсии, если бы слух о нем не дошел до видного мексиканского натуралиста Рамона Браво. «Не может быть, — решил он, — чтобы профессиональные ловцы акул могли спутать того же кархародона с акулой-нянькой. Раз так, нужно попытаться найти подтверждение необычному явлению».

В ноябре 1972 года вместе со своим другом из США доктором Юджинией Кларк он отправляется в экспедицию на побережье Юкатана искать спящих акул. Вместе с помощниками они осмотрели немало пещер, встретили еще больше «тигров морей», но, увы, только в бодрствующем состоянии. «Юджиния, я не знаю, чем подкрепить мою веру в то, что акулы на самом деле могут спать в пещерах, — сказал, прощаясь, Рамон Браво. — Может быть, разложить в пещерах пижамы и будильники... Но, право, приезжайте на следующий год, а я пока постараюсь точно выяснить, где и кто их видел».

В апреле следующего года двое ученых организовали новую экспедицию, но на этот раз на остров Исла-Мухерес, причем проводником был сам Карлос Гарсия. И здесь впервые в истории науки члены экспедиции сами наблюдали и фотографировали спящих акул. «Это были вполне взрослые кархародоны, которые относятся к той же категории акул-людоедов, что и тигровые, и мако, — пишет доктор Кларк. — Первое впечатление было, что они мертвы и мы оказались на

каком-то подводном «кладбище слонов». По словам Карлоса, он несколько раз рискнул дотрагиваться до них и даже слегка приподнимать, и ни один из хищников не обнаруживал никаких агрессивных намерений».

Поведение гигантских акул было более чем странно. Ведь у них практически нет врагов, следовательно, и необходимости прятаться в пещерах на отдых. Традиционно считалось, что пелагические акулы спят урывками, не прекращая движения. Иначе они просто задохнутся. А тут была настоящая спальня. Причем ее обитатели даже во сне не переставали энергично пропускать воду через жабры, ритмично открывая и закрывая зубастые пасти.

Чтобы найти ответ на эту загадку, нужно было установить температуру воды, ее соленость, содержание в ней кислорода и химических примесей, скорость и

направление течения в пещерах, словом, проделать множество далеко не безопасных — хотя акулы на первый взгляд вели себя смирно — опытов.

К сожалению, на этот раз ученым помешала испортившаяся погода. Стало сильно штормить, приборы ломались один за другим, да и акулы не проявляли особого желания помогать в разгадке своей тайны. Нет, они не нападали, но и не давали потрогать себя, быстро уплывая из своих «спален» — пещер на рифах «Кадена», о котором уже говорилось вначале, и «Пунта» — «Конец». В итоге удалось выяснить лишь то, что температура воды в одной из них несколько ниже обычной, а в другой она больше насыщена кислородом.

Самой удачной оказалась третья экспедиция летом 1974 года. За это время Карлос Гарсия обнаружил еще две новые «спальни»: одну на рифе «Пуен-

те» — «Мост», вторую на рифе «Кадена». Последняя находилась на глубине всего 33 футов, что значительно облегчало ныряние. А главное, акулы в ней вели себя во сне куда спокойнее, чем в других местах. Одна из них, например, позволила фотографировать себя в течение четырех часов, прежде чем вернулась в нормальное состояние.

Анализы проб воды, взятой во всех трех пещерах, показали, что она повсюду имела меньшую соленость, была больше насыщена кислородом, а также содержала повышенный процент кислот. Это говорило о том, что в акулы «спальни» с острова Исла-Мухерес через подземные скважины-каналы, подобные артезианским, поступает пресная вода.

И все-таки оставалось загадкой, почему акулы избрали эти места для своего сна? Один из ассистентов доктора Кларк, Майкл Резио, предположил, что, возмож-

но, подобная смесь оказывает на хищниц «опьяняющее» действие, подобно тому, как это бывает с человеком, принявшим большую дозу спиртного или наркотиков. Ну а предпочтение, которое они отдают несколькими пещерам, объясняется тем, что именно там «подают самый крепкий коктейль». Эта версия, увы, имела один пробел: она не давала ответа на вопрос, почему не «пьянеют» и не спят акулы, заплывающие в реки на десятки, сотни, а то и тысячи километров. Кстати, и сам термин «сон» на поверку оказался не совсем удачным. Нет, акулы не спали в полном смысле этого слова. Их глаза постоянно следили за действиями людей, находившихся возле них и прекрасно видных в ярком электрическом свете. Другое дело, что хищницы не пытались нападать на людей, хотя в обычном состоянии не преминули бы сделать это и при менее соблазнительных обстоятельствах, а просто уплывали, если те слишком уж мешали им наслаждаться «заслуженным отдыхом».

Пожалуй, куда более близкой к истине можно считать гипотезу Дэвида Дабилета, фотографа экспедиции.

«В этот день, — пишет доктор Кларк, — наш очередной «объект наблюдения» вел себя особенно безразлично. При ярком свете была хорошо видна маленькая рыбка-прилипала, ремора, неумолимо сновавшая вдоль тела своего хозяина. Сначала она поочередно обрабатывала жаберные щели, причем порой настолько глубоко залезала в них, что снаружи оставался лишь ее хвост. Потом перешла к голове, особенно тщательно поедая паразитов у глаз, ноздрей и в углах приоткрытого рта. Вечером, когда мы подводили итог дня, Дэвид неожиданно спросил: «Может быть, эти пещеры служат акулам вовсе не «спальнями», а чем-то вроде «косметических салонов?»»

Хотя на первый взгляд это предположение кажется абсурдным, доктор Кларк считает его заслуживающим внимания. Во-первых, ремора вместе с рыболоцманом входит в неперменный эскорт акул. Во-вторых, она успешно ликвидирует колонии рачков-паразитов, которые возникают на коже хищниц и, по-видимому, причиняют им неудобство. В-третьих, в менее соленой воде эти паразиты куда слабее цепляются за свое «местожительство», и прилипала легче оторвать их от кожи. К тому же заниматься подобной «косметиче-

ской операцией» гораздо удобнее, когда «пациентка» неподвижно лежит в пещере. И наконец, главное, как полагает доктор Кларк, заключается в том, что акулы поддаются определенной дрессировке. Например, во флоридском океанариуме ее «подопечные» демонстрировали поразительные успехи: умели отличить правильную цель от ложной, передвигать различные объекты, подталкивая их рылом, и даже звонить в специальный звонок, чтобы заработать обед. Следовательно, считает она, акулы вполне могут преднамеренно заплывать в подводные пещеры Исла-Мухерес, поскольку такие визиты доставляют им удовольствие.

Другое дело, что, как только они покидают «спальни», от «разнеженности и миролюбия» не остается и следа. В этом на собственном опыте убедился фотограф экспедиции Дэвид Дабилет. В тот день Карлос Гарсия поставил акулый перемет с дюжиной стальных крючков неподалеку от одной из пещер. Через некоторое время одна из хищниц, только что мирно отдыхавшая в «спальне», покинула ее и поплыла по своим акулым делам. Стоило ей почуять приманку — кожистую черепаха, как она тут же торпедой понеслась на нее. Мгновение — и громадная акула билась на леске-цепи. В бессильной ярости она бросалась из стороны в сторону и даже, всплыв к поверхности, пыталась вцепиться в металлическое днище катера. Заинтересовавшись, Дабилет подплыл поближе с намерением сфотографировать необычный поединок. И вот тут-то акула забыла и о крючке, и о катере. «Я готовил камеру к съемке, — вспоминает Дэвид, — когда случайно взглянул вверх. Оттуда на меня пикировало страшное чудовище с широко разинутой пастью. Я едва успел отпрянуть в сторону в то время, как акула прошла всего в нескольких дюймах от моего плеча. Не будет преувеличением сказать, что я действительно был на волосок от крупных неприятностей».

Итак, загадка акулых «спален» пока остается неразгаданной. «Возможно, и в других местах существуют подобные пещеры, — пишет Кларк. — Не исключено, что по мере изучения подводного мира мы обнаружим их. Но пока мы знаем только три места в мире, где «спят» акулы-людоеды: это пещеры на рифах «Пунта», «Пуенте» и «Кадена». И тот, кто побывал в них, никогда не забудет увиденного».

ДИНОЗАВРЫ ОТРАВИЛИСЬ?

Эта весть пришла из прошлого и в переводе на язык телеграмм звучит так: «Динозавры отравились в 70 000 000 году до н. э.». Сообщение выглядит как строка из фантастического романа. Тем не менее это резюме исследования, предпринятого британским биохимиком-палеонтологом профессором Т. Свейном. Он считает, что вымирание гигантских ящеров объясняется не похолоданием климата, как считалось ранее, и не тем, что нервная система их недостаточно чутко реагировала на изменения внешней среды. Т. Свейн в течение ряда лет вел наблюдения над средиземноморскими черепаками — редкими травоядными рептилиями доисторического происхождения. Дело в том, что динозавры также были травоядными. Но в отличие от черепах много крупнее. При весе в две-три тонны им требовалось около 200 килограммов зеленой массы в день. Обычное меню динозавров составляли хвойные и папоротниковые растения.

Растительный баланс не нарушался до той поры, пока на Земле не появилась новая флора покрытосемянных, постепенно вытеснившая многие другие виды. А листьям и стеблям покрытосемянных присущи такие вещества, как танины и алкалоиды, в том числе стрихнин и морфин. Будучи безвредными в малых дозах, эти вещества отравляют организмы, попав туда в большом количестве. Именно это, по мнению Т. Свейна, произошло с динозаврами. Его гипотезу подтверждает и тот факт, что значительное число окаменелых динозавров было найдено в застывших конвульсивных позах, характерных для острого отравления. Гибель же травоядных динозавров, естественно, повлекла за собой вымирание плотоядных ящеров-гигантов.

НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Быль

Уже часа два таились мы на бугре перед поляной, на которой стоял дом дяди Ивана. Прежде чем знакомиться, нам нужно было твердо убедиться — на хуторе нет посторонних. Лежать на снегу, едва прикрывшем замороженный песок, удовольствие маленькое. Озноб пробрал нас основательно. Челюсти свело — не разожмешь. А шевелиться и маяться в тридцати метрах от своры натасканных на зверье собак — забава рискованная. И хорошо, мы шапки надели потеплее.

За низкими тучами взшло солнце. В одиночный просвет, где-то далеко-далеко, над камышами брызнул его рыжий яркий свет и погас. Да, я, конечно, знаю, что тростник в тугаях растет, а не камыш. Но во всей Средней Азии «тростник» и «камыш» в просторечии одно и то же.

Чу! Заскрипела дверь. Из саманного дома, крытого камышом, вышел мужчина. Я приник к биноклю. И словно в метре увидел заросшее по глаза русской бородой лицо, красный нос пуговкой, торчащий из курчавых волос. Рыжая шапка из лисы-огневки будто горела в свете пасмурного дня. На отворотах крытого сукном полушубка виднелась волчья шерсть. В руках двустволка с насечкой. По приметам — дядя Иван.

У угла дома стояли одна в другой с десятков банных шаек. Взяв две, дядя Иван прошел в пристройку, служившую, видимо, кухней для собак, наполнил тазы парующей едой. Выпустил двух здоровенных псов. Они наброси-

лись на еду, а запертые завели отчаянный концерт.

Поев, собаки принялись было играть, но дядя Иван окликнул их, и они послушно порысили за ним в туган.

Снова заскрипела дверь. По поющим от мороза ступеням невысокого крыльца спустилась девушка с ружьем, полная, со скуластым лицом, отцовским носом-пуговкой, который словно растаскивал красные от здоровья налитые щеки. Она тоже покормила собак и ушла в туган.

Вскоре дверь опять отворилась. На порог, держа в каждой руке по прекрасному ружью, вышла настоящая красавица: высокая, стройная даже в меховой одежде. Строгое лицо ее, чуть тронутое розовым морозным загаром, обрамлял вязанный шерстяной платок. Девушка принялась кормить очередную собачью пару. Потом лихо свистнула. Псы подбежали к охотнице, уселись, глядя на нее, а затем послушно и степенно пошли рядом по заветной привычной тропе.

— А почему у нее два ружья? — обеспокоенно спросил Кабаргин.

— Я тоже хотел бы это знать. — Не с двумя же ружьями она охотится!

— Узнаем... Раз уж мы здесь, узнаем.

— И ружья-то, похоже, немецкие, — Вася повел плечами, чтоб хоть капельку согреться движением. — Больно хороша девица для охотницы. И на тебе — с двумя ружьями! Они же по нескольку тысяч стоят каждое!

Тут ступени крыльца буквально застонали. И я увидел на крыль-

це женщину необычайной полноты. Станным даже показалось, каким образом она протиснулась в дверь дома. Женщина принялась готовить еду в собачьей кухне. Зажгла дымный очаг в копильне по другую сторону дома. В открытую дверь мы видели много подвешенной рядами рыбы. Потом женщина ушла в дом и выпустила во двор семерых девочек мал мала меньше. Старшей здесь не исполнилось, поди, и четырнадцати, а младшей — пяти. В детском game мы едва расслышали далекие выстрелы.

Лишь за полдень мать отправила девчонок в дом, в тепло, при одной мысли о котором у нас заходило сердце. Нам казалось, что, поднявшись, и шага сделать не сможем, так закочнели.

Наконец-то появился с охоты дядя Иван. За пояс его были подвешены две утки и фазан. Он бросил выпотрошенную дичь в какой-то ларь около дома, занес ружье, вышел с топором, принялся что-то мастерить, туюкая инструментом по колодине.

— Пойдем, — сказал я Кабаргину, чувствуя — ему совсем плохо.

Он даже икать начал — совсем закочнел, сердечный. Да и ждать больше ни к чему: всех домашних мы видели, а окажись посторонний в доме, то и он уж непременно высунул бы нос во двор.

Увидев нас, вдруг появившихся из тростника, бородач перехватил топор поудобнее. Потом шагнул было к псарне.

— Здравствуй, дядя Иван! — Мой крик заставил его остановиться. Оружия в наших руках не было.

Продолжение. Начало в № 7.

Несколько секунд бородач стоял, готовый запустить топор в любого из нас. Он вроде бы даже прикидывал, кого сподручнее поразить наверняка и с кем потом справиться без особых хлопот.

Не понравилась мне такая встреча.

Жена его, выглянув из коптильни, так и осталась в дверях, строго глядя на нас.

— Да вы что, испугались? Дядя Иван...

— Здравствуй, здравствуйте... — бормотал старик, отложив топор и пожмая протянутые руки. — Кого тут бояться... Самы-то откуда будете?

— Мы зимние пастбища для колхоза ищем. Вот и документы наши. Про вас в Гуляевке услышали...

Мы, наверное, представляли собой смешную пару: шуплый Кабаргин с горбом мешка на спине, и я — верзила с дрынном в одной руке.

— Чего обо мне можно слышать...

— Живете давно... Места здешние хорошо знаете...

— Живу... Знаю... Само собой... — как-то успокоеннее сказал дядя Иван.

Из-за угла псарни выскочили две собаки и принялись лениво облаивать нас. Дядя Иван цыкнул. Еще и еще раз оглядел он нашу крепко поношенную одежду, солдатские вещевые мешки и большую фляжку на боку.

— Зина! — вдруг крикнул старик. — Где ты запропастилась?

Только после этого из-за угла появилась полная девушка с от-

цовским носом-пуговкой. У пояса ее висело четыре утки. Она, потупив взгляд, кивнула нам и, не останавливаясь, прошла в дом.

— А какой у вас скот? — спросил дядя Иван, забрав бороду в кулак. — Кого пасти собираетесь?

— Скот разный. Коровы, овцы, конечно, козы...

— Коровам тут зимой делать нечего, — усмехнулся в бороду охотник. — Подохнут от бескормицы. Высохший на корню курек не еда для молочного скота... А курека-то вон сколько, — дядя Иван кивнул в сторону закраины болота, где на огромном пространстве расстились прекрасные пастбища для тысячных отар. — Только волков полно. Много овец задерут...

— Тут, пожалуй, не только хищников много...

— Есть... Сайгаки, кабаны... Дичь разная.

Видел дядя Иван, что промерзли мы оба до мозга костей, но в дом приглашать не спешил. Ждал ли — сами попросимся, другие ли мысли его одолевали, не знаю.

— Да... Непохоже, что вы по карточкам еду получаете. — хлюпнув носом, проговорил Вася Кабаргин.

— Мы их и не видели... На фронте как?

— Вышибли немца из Киева. В Крым наши войска прорвались, — словно отчитался я. Раз мы из Гуляевки, то обязаны знать последние новости.

Вероятно, уверившись, что мы не шастали по болотам и действительно знаем положение на фронте, дядя Иван сказал:

— Добро, хоть я это уже слышал недавно...

«Конечно, — подумал я, — был у вас уполномоченный, щеголь — старший лейтенант...»

— Жена моя, — сказал бородач, представив громоздкую женщину, которая, выйдя из коптильни, тихо подошла к нам. — Надей зовут.

Надя протянула нам руку лодочкой. Постаралась улыбнуться. Из камыша с правой стороны поляны выскочили две собаки, бросились было к нам, но резкий посвист остановил их. Псы легли, положив морды на лапы и глядя на нас. Следом вышла стройная красавица с двумя ружьями за плечами. У ее пояса висело четыре фазана и шесть уток. Увидев нас, она сбросила ружья с плечей и, перехватив за цепь, положила указательные пальцы на

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

спусковые крючки. Это движение было быстрым, привычным до произвольности.

«Ого, как настрожена красавица, — подумал я. — Неспроста!» А вслух поинтересовался:

— Вы с обеих рук стреляете?

— С двух... — смутилась девушка.

— Это наша вторая дочь — Нина, — сказал дядя Иван с гордостью. — Главная в доме... После меня. Охотница, каких свет не видывал. Зина-то, старшая, что первой пришла, та бьет из ружья вроде поневоле. А эту и хлебом не корми...

Присмотрелся я к ружьям красавицы. Действительно немецкие. Очень дорогие — «зауэр — три кольца» и «эолинген». В идеальном порядке. Не ружья — мечта. Кинув в ларь добычу, красавица перехватила мой взгляд: не вдруг мне, заядлому охотнику, удалось отвести глаза от таких ружей.

— Что ж вы, отец, добрых гостей на морозе держите? — сдерживая гордую улыбку, сказала любимица дяди Ивана.

— Заговорились, заговорились, доченька, — как бы извиняясь, проворковал дядя Иван.

Я подумал, что оговорка отца «главная в доме... после меня» значит, пожалуй, меньше, чем следовало предполагать.

И снова дядя Иван бросил вопрос «с наживкой»:

— Чем бы это вас угостить? Сайтак вареный и копченый, кабанятина есть... Сало-то вы кушаете? А?

— Едим, и сало едим, — улыбнулся я. — Было бы сало.

— Вот и хорошо... Вот и хорошо... Ты уж обеспокойся, Надюша.

Нина поторопила нас:

— Заходите, заходите! Разберемся в тепле.

— Идем, идем... — Глаза дяди Ивана искрились лаской при взгляде на любимицу.

Мы прошли в дом, сняли пальто, которые почти приросли к нам. Оружие, патроны и гранаты мы с Васей еще в тугаях попрятали в вещевые мешки, так что теперь выглядели вполне цивилизными — гуртоправом и бухгалтером. Едва мы вошли, как самая младшенькая вдруг заплакала, и за ней еще двое в голос.

Подтолкнул меня Вася локтем в бок: неспроста, мол.

Еле успокоила малышей мама Надя.

Хозяйка с дочками устроились обедать на кухне, за перегородкой.

Стол, накрытый в парадной чистой горнице, подивил нас: мясо

вареное и жареное, рыба копченая, сахар, свежий хлеб. Не помнил я такого с довоенных времен. В городах очень трудно было с едой, а тут, конечно, сами добытчики.

Перехватив наш удивленный перегляд, дядя Иван пояснил, усаживаясь за стол и разглаживая пышную бороду:

— Мы ни в чем не нуждаемся. Каждый сентябрь к нам из конторы «Заготживсырье» чуть не обоз приезжает. Забирает нашу продукцию — шкуры, мясо, рыбу, а нам все заказанное привозят — муку, продукты, керосин сразу на весь год.

«Если и были здесь бандиты, то запаслись продовольствием надолго... — подумал я. — А по столу непохоже, что обобрали склад дяди Ивана начисто. И то — ведь чуть не целый обоз приходит к ним в сентябре».

— Диковато, наверное, год целый никого не видеть? — спросил Кабаргин. Небольшого роста, он совсем потерялся за столом рядом с кражистым хозяином и мною, долговязым.

— Диковато? Нет. А по пути, бывает, чабан заглянет, охотник. Диковато вам, городским, с непривычки. А я тут с двадцать второго года живу. Сам-то сибиряк. Отца в Омске колчаковцы расстреляли. Жил в Верном, Алма-Ате, значит. Потом сюда перебрались.

— Да и мы не городские, — заметил Вася.

Говорить с дядей Иваном требовалось осторожно. Вон как он исподтишка «горожан» подсунул. Заметил Вася, молодец.

— Вот седлышко сайгака с почками, — начал потчевать хозяин, когда мы немного притомились. — С перчиком, с перчиком надо... Печенка фазанья с жареным луком — ух, хороша!

— Страшно вам, поди, — тянул свою линию Вася. — Десятеро — дочери да жена, а вы один.

— Привыкли... Вон у меня собач сколько... — Дядя Иван отложил вилку. — Волки одного лая боятся.

— А двуногие? — спросил Вася.

— А что двуногие? Оружия у нас много... И собаки... Чаю не желаете? Надя, — позвал дядя Иван жену. — Чайку бы нам...

— Где же дочери учились? — я перевел разговор на безобидную тему.

— Хотели школу такую — ан... интернат, кажись, в Гуляевке открыть. Да война... Читать там, считать я их по календарю учу.

Ну писать там, имя свое они умеют...

— И не скучно вам?

— Некогда скучать-то. Сегодня нехороший день был. Дичи почти не видели. Опять же ондатровые да лисьи капканы обойти надо. Рыбные снасти. То сайгака, то кабана и притащить, и разделать, и покоптить, и посолить надо. Дел на весь день! «Заготживсырье» нам ни задаром, ни в кредит ничего не дает. Сами знаете. Расценки же невысоки... Посудите... — И дядя Иван ударился в такую глубокую бухгалтерию, что Вася мой, «бухгалтер», совсем приуныл. Поддакивал я, поддакивал, сколько мог, ровным счетом ничего не понимая ни в расценках, ни в оценках. Одно становилось понятно: не разговаривать нам дядю Ивана за столом. Может, в тугаях, на охоте, проговорится? В доме — один человек, на охоте — другой. Да и не обязательно бандитам сюда, на хутор, приходиться. Можно и в тугаях повстречаться. Дядя Иван мог и туда им снести все, что потребовали.

Разговор не клеился, я перебил хозяина:

— А поохотиться нам можно?

— Чего ж нельзя! Это дело. Вот мужская беседа, — оживился хозяин. — Только не обижайтесь, горожане, одних я вас не пущу. Кокуйская хлябь — штука коварная. Эй, Надя! Где чай? Да, не отпущу я вас одних. Тебя, — он посмотрел на Кабаргина и, видно, вспомнив его дотошные расспросы, ухмыльнулся. — Тебя я с Зиной пошлю, бухгалтер. А вот тебя, — он хлопнул меня по плечу, — с Ниной. У нее самый большой и богатый участок. Хотя и далековато. Да, слышь, ступаешь ты на больную ногу твердо.

— На раненую, — поправил я дядю Ивана, обратив внимание и на то, как ловко старик вывернулся. Нас с дочками на прогулку, а сам куда? Уж не пошлет ли он кого нам вослед? Только, может быть, я зря напраслину на дядю Ивана клепаю? Не подозревает ли он нас в связях с бандой больше, чем мы его — отшельника, которому ничего не стоит помочь банде продуктами, оружием, огневыми припасами? Ведь кто его в этом окаянном болоте охраняет? Только сам себя. Он со всяким должен ладить.

— Где ранило-то? Слышь-ка, ранило-то где? — переспросил дядя Иван.

— На фронте...

— На фронте так на фронте... — как бы снова замыкаясь в себе, пробубнил хозяин.

— Вот перевяжу — посмотрю, можно ли без дына обойтись.

— Можно, сынок, ты уж твердо ступаешь. А перевязать, оно, конечно, перевяжи. Бинтов у нас да лекарств там... — он запнулся. — Есть кое-что...

«Вот, вот, как заговорил про бинты, так и осекся, — подумал я. — Может, были бандиты, забрали все? Или осталось, успели спрятать?»

Чай принесла Нина, и, пока она посуду со стола собирала, старик с удовольствием поведал ей о нашей просьбе и своем распределении мужчин «по номерам», как он сказал.

Нина глянула на меня карими глазами:

— Добро, пойду с начальником.

— Какое ж я начальство?

— Не бухгалтер же у вас в начальниках ходит? — хитро ответила она.

Странен был ее намек. Само собой, вся семья присматривалась к нам. «Они давно, поди, поняли — не стакнуться с бандитами хотим, не ради этого дорогу к ним хотим узнать. Давно они поняли... — остановил я себя. — Легко мне рассуждать. А если за хутором следят, как мы следили? Если завтра дядя Иван не нас выдаст, а себя, — от бандитов пулю заработает? Потому и нас отсылает подальше. Тогда как? Если доверять ему, то полностью, без оглядки, без проверок. Иначе и его, и семью подведем, и себя выдадим. Но с Зиной и Ниной на охоте по душам поговорить необходимо. Конечно, коли удастся их разговорить. А вот кто мы для хозяев? Пусть думают о нас что угодно, словно мы ангелы небесные. Нам рисковать нельзя».

Дядя Иван, принесший откуда-то свежий бинт довоенного выпуска, судя по дате на обертке, и со тщанием осмотревший мою огнестрельную рану, остался в прежнем мнении: можно пойти без палки.

Свои вещмешки мы поставили в головах и, надеясь на добрую душу хозяина, легли.

Что нам оставалось делать?

Вопросов тьма; посоветоваться бы с Васей. Но как? Не приходилось мне видеть промысловиков, которые охотятся с двух ружей. Добро бы дядя Иван так промышлял, а тут дочь-красавица...

Многое говорило за то, что контакты с какими-то чужаками у хозяина были. При виде нас, посторонних, дядя Иван никак не мог заставить себя расстаться с топором... Зина, вернувшись с охоты, не сразу вышла на поляну,

пряталась за углом, пока отец не позвал ее... Нина, едва завидев нас, приготовилась к обороне, взяв ружья наизготовку... Маленькие дети заплакали взахлеб, стоило нам войти в дом...

Но мои рассуждения пока домыслы.

В чистой постели с отвычки мы спали беспокойно, тревожно. Глубокой ночью я вышел во двор по нужде. У дальнего угла парни стоял дядя Иван с ружьем. Я было пошел к нему, но, приметив меня, он качнулся к стене и слился с тенью. Тогда я вернулся в дом.

Поднялись затемно, часов в пять. Поели плотно, чаю напильсь. Ружья нам с Васей дали недорогие, но хорошие, легкие, ухоженные. Сославшись, мол, перекусить захочется, взяли мы с собой вещмешки. Дядя Иван промолчал, заметив только, что последний день года обещает быть ходовым, удачливым. Помнил старик дни, хоть и не отрывал листки на календаре.

Хозяин сказал — пойдет проверить капканы на ондатр и лис, и отправился первым. За ним Зина с Васей, взяв собак. Потом мы. Все шло заведенным порядком.

День и вправду обещал быть на редкость погожим. Небо чисто и прозрачно, в нем таяли снежинки звезд. Легкий морозный туман обрядил инеем метелки и стволы тростника. Стояли синие сумерки, заря еще не просыпалась.

Нина повсистоном отправила в камыш равнодушных ко мне собак. Нога моя побаливала при ходьбе, но терпимо. Наверное, больше оттого, что долго находилась на щадящем режиме.

Заросли встретили нас робкой, даже застенчивой тишиной. Мне очень хотелось затеять хоть какой-никакой разговор с Ниной. Однако понимал — рано. Она тоже ждет этого, она настороже, если отец ее не единожды обозвал нас горожанами, и готова пресечь первую же попытку любознательности с моей стороны.

Долго и осторожно шли мы по едва приметной тропе; шорох наших ступней по инею сливался в один звук. Когда признаки тропы пропали, Нина, шедшая впереди, придержала шаг. Я поравнялся с ней. Она обернулась. Изморозь от дыхания опустила ее круто загнутые ресницы; брови вырисовались силуэтом белой летящей птицы.

— Идите за мной след в след. Ни шагу в сторону — топь, — сказала Нина. — Скоро утинный фонтан будет.

— Фонтан?

— Это я так озерцо зову. Оно не замерзает. Там утки держатся.

Нина быстрым, едва уловимым движением скинула с плеч ружья, взяла каждое за цевье, взвела курки большими пальцами, а указательные положила на спусковые крючки.

Самому мне стрелять уже не слишком хотелось, а вот посмотреть, как Нина бьет с двух рук, очень. Я постарался не отставать от нее, но она обернулась и остановила мою прыть строгим взглядом. Подчинился, пошел медленнее.

«Ладно, — подумал я. — Не стану навязывать свое общество. Отдельно охотиться, так отдельно».

Посмотрел вверх и удивился. Еще совсем недавно зандевшие метелки выглядели синими, а теперь розовыми. И хотя цвет неба над головой совсем не изменился, даже звезды не истаяли — взошло солнце. Розовый цвет в инее накалялся, делался рдяным; тени внизу приобрели фиолетовый оттенок.

Слева залаяла собака. Совсем неподалеку залескало по воде, а потом защелкало крыльями сразу множество птиц. Косо мимо меня, низко над метелками проскочило несколько уток.

Я ударил с двух стволов, лишь понял — теперь дичь не упадет в воду «утинога фонтана». Следом два дуплета из отличных хлестких ружей. Не успел я перезарядить и двух стволов, как снова раскатился двойной дуплет. Моя дробь пошла стае вдогонку. Нина же снова спаренными выстрелами проводила птиц, поднявшихся последними. На моих глазах четыре пестрые кряквы, шедшие далеко не сомкнутым строем, одна за другой камнями попадали в заросли. Смолкли выстрелы, и лишь несколько пестрых в свете солнца перьев долго, как мне показалось, медленно опускались, кружась.

«Попал или не попал, собаки узнают», — подумал я.

Псы уже шумели в камышах, отыскивая дичь. В воздухе вокруг меня мерцал облетевший с метелок иней.

— А ты неплохо стреляешь, — услышал я голос бесшумно подошедшей Нины.

«Если напарник после охоты переходит на «ты», — подумалось мне, — то я ударил по уткам вполне хорошо».

— Не знаю. Я не видел.

— Две утки твои наверняка.

«Как две? — чуть было не вырвалось у меня. — Действительно, как же две, когда я сам видел — четыре мои!» Я успокоил-

ся с трудом. Пришлось напомнить себе, подполковнику, что охотница тоже проверяет выдержку «гуртоправа». Охота — штука тонкая!

Собаки с криками в зубах — коричневой уткой и изумрудно-головым селезнем с белым ошейником — выскочили из камыша и положили поноску к ногам Нины. И тут же, не ожидая команды, скрылись снова. Они появлялись и уносились вновь, пока у ног охотницы не вырос солидный ворох из тринадцати уток.

— На мою долю приходится одна, — скромно заметил я.

— Я тоже могла промазать, — великодушно промолвила Нина.

— Не верю! — Это было сказано мной от всей души.

Она деловито и ловко выпотрошила дичь, отыскала бугорок и сложила на нем добычу. Потом сняла с пояса фляжку и щедро посыпала вокруг черным порохом.

— Ондатры могут растащить. Здесь много ондатр, — не ожидая вопроса, пояснила она. — Ты не устал?

— Ты охоться как обычно. Я не подведу. Постараюсь...

— Мы не для себя. Заморозим — и в Гуляевку, а оттуда в город, в госпитали. Говорят, дичь очень полезна раненым. Быстро силы восстанавливаются.

— Сама и отвозишь?

— Отец.

— А в Гуляевке кино бывает...

— Некогда, — отрезала Нина. — Как устанете, скажете.

«Ага, опять на «вы» перешла, — отметил я про себя. — Похоже, теперь поведет испытание на выносливость...»

Часа два мы шли по камышовому болоту, петляли, обходили топи и «окна». Солнце оказывалось то слева, то позади, то справа. Оно поднялось над тугаями и стало медовым. Налились оранжевым цветом опущенные инемом метелки тростника, вымахавшего в два человеческих роста. Густые синие тени под ним ударили в прозелень. А ветер продолжал спать.

Постепенно тростник мельчал. Стали попадаться кусты ивняка, тамариска, редко облепихи. Потом пошли купины и целые заросли утыканного колючками чингила, поросли молодой джанды.

Скрипуче-гортанные крики фазанов слышались в светлой тишине то близко, то вдаль. Будто мы попали на куриную ферму. Стежки птичьих следов пересекали одна другую.

— Пускаем собак, — сказала Нина. — Теперь глаз с пса не спускайте...

Интересно бывалому охотнику слушать объяснение другого мастера. Я только поддакивал. Откуда гуртоправу знать тонкости охоты на фазанов? Мы разошлись метров на сто и спустились со сворок собак. Не доводилось мне ходить на фазанов со здоровыми мохнатыми дворняжками. Удивительно, как дяде Ивану с дочерьми удалось сделать псов универсалами. А вдобавок терпимыми к человеку. Собака, которую я впервые видел, оказалась очень послушной.

Тугаи, поросшие невысоким камышом, были словно набиты дичью. Не прошел я и ста шагов, как собака сделала стойку. Я послал ее вперед, и через мгновение с сухим, характерным шелканьем крыла о крыло взмыл вывес яркий, бело-синий с красным ком. Засиял в голубом небе. В момент перехода со «свечи» в полет фазан выглядел ослепительным по игре красок. Я ударил влет. Распушив крылья, птица будто наткнулась на преграду, стукнулась о нее грудью и кувырком, теряя пестрые перья, упала в кусты.

За час с небольшим я набил полдюжины отличных фазанов. А Нина — пятнадцать. Где ж мне угнаться за ней с одним-то ружьем, когда она палит из четырех стволов.

Смирился. А Нина меж тем снова выпотрошила птиц, сложила бугорок и опоясала черным порохом.

— Не устал? Может, на кабанов сходим?

— Можно и на кабанов, — покорно согласился я, хотя на ногу, плаывшую огненной болью, ступить было почти невозможно.

Миновав тугаи, мы снова вошли в густой тростник на берегу болота, такой густой, что и пробраться сквозь него невозможно. Прошлогодняя, позапрошлогодняя и десятилетней давности тростниковая ветوشь поднималась едва не на метр от мерзлого песка. Мы тихо, взяв на сворки собак, двигались вдоль опушки зарослей. Тут я увидел дыры в камышовом буреломе.

— Заячьих норы? — спросил я у Нины.

— Кабаньи лазы.

— Кабаньи? Да в нее заяц с трудом пролезет! — говорил я уже без шуток, совсем не желая играть роль гуртоправа. Не доводилось мне охотиться в камышах на кабана. И пора было кончать затянувшуюся игру.

— Секачи да чушки что мыши. Лишь бы рыло с пятакком просунуть. А там и голову протиснут.

Дыры же эти в тростниковом валяльнике словно резиновые. Мы оставим собак здесь, а пойдем на другой край зарослей. Потом я свистну, а собаки погонят кабанов на нас. Не струсил? — неожиданно спросила Нина. — Говорят, встреча с раненым кабаном... Я бью наповал.

— Я тоже постараюсь, — зло сказал я.

— А куда надо бить, знаешь?

— Скажешь, узнаю.

— Под лопатку, под ухо...

— Когда он ползет из такой дыры, под ухо удобнее, — кивнул я. На деловой совет сердиться ни к чему. Раздражаться тоже лишнее, даже если от боли в ноге хочется выть. И еще — на кабаньей охоте требуется отличное самообладание, предельная выдержка. Кабаны не фазаны, не утки: промазал, не убил наповал, зверь на тебя пойдет и разделает клякками, что басмач клинком.

— Не струсил с перворазу. Ну, да я рядом буду, выручу. Ружье жаканами перезаряди.

Я давно ждал указания и тотчас выполнил его. Однако слишком торопливо, не спросив, какими такими «жаканами» надо заряжать. Сработала охотничья привычка. По-моему, Нина отметила эту мою «неожиданную» осведомленность.

«Что ж, красавица, — сказал я про себя. — После охоты на кабанов придется нам поговорить по душам».

Пройдя километра два-три, мы вышли на открытый песчаный перешеек, спрятались в кустах. Против нас в серой камышовой ветуши чернели кабаньи лазы, расположенные метрах в десяти друг от друга. И солнце хорошо освещало их из-за моей спины.

— Твои два левых... — сказала Нина и подала сигнал собакам. Они подняли лай в болоте. И вскоре мы слышали хархарье, треск тростника невдалеке перед собой. Всего тридцать метров отделяло меня от кабаньих лазов.

Не желая рисковать, я решил стрелять с упора — примостил ложу ружья на рогульку ивовых веток в кусте, что стоял передо мною. И не пожалел.

Одновременно с треском в тростнике из дыры, как из жерла, вылетел секач. Спускковой крючок я нажал почти инстинктивно. Визг смертельно раненного слился со взрывом во второй дыре, из которой выскочила чушка, кабанеха. Тут я не опоздал и на десятую долю секунду, попал точно — под ухо. Убедившись, что пара кабанов убита, я обернулся в сто-

рону Нины. Тут-то мне и выпал случай увидеть ее виртуозность в стрельбе.

Нина стояла шагах в двадцати от меня. Меж редких безлистных ветвей я прекрасно видел ее темно-коричневую куртку из ондатры, серый теплый платок. Оба ружья были вскинуты к плечам девушки, а ложи прижаты к щекам. Я знал, что в спортивной стрельбе, например, есть мастера, которые, прицеливаясь, не прищуривают левого глаза, а глядят обоими. Сам умел стрелять из пистолета с обеих рук от пояса да хоть через карманы, не оборачиваясь, на голос, если противник позади; падая с выбитой из-под ног табуретки. Но видеть, как бьют из охотничьих ружей одновременно с обеих рук не приходилось.

Когда я обернулся, Нина сделала один выстрел и уложила кабана. И случилось, что один заслонил другого во время «вылета» из камышовой норы. А из трех дальних от нее уже тоже выскочили секачи, брызжа пеной и отчаянно визжа.

Я растерялся: «Как же Нина справится со всеми? Ведь один-то из трех непременно уйдет. А помочь ей у меня нет возможности! Стрелять жаканом через сучья — бессмыслица! Ударившись о ветку, пуля непременно изменит направление!»

Пока я стоял столбом, Нина почти одновременно ударила из двух стволов по дальним от нее секачам, затем по ближнему, из второй дыры. Я не мог уследить сразу и за кабанами, и за Ниной. А она тем временем молниеносно откинула ружье с левой руки на плечо, одной правой сломила ствол, уперев ложу в бедро, и перезарядила «зауэр».

Кабан находился на грани убойности для жакана. Но Нина успела выстрелить и с очень острого угла попала зверю под лопатку. Секач подпрыгнул и, перевернувшись через голову, шлепнулся на песок.

Никогда в жизни я больше не видел такой стрельбы. Да и таких азартно-восторженных женских глаз, какие были у Нины, когда она обернулась ко мне, пожалуй, тоже... никогда в жизни.

Потом мы стащили туши кабанов в кучу. Бережно сняв шоколадную ондатровую куртку, Нина засучила по локоть рукава пушистого свитера и принялась потрошить добычу. В морозном воздухе терпко пахло зверьем, теплым ливером и кровью. Закончив работу, девушка отмыла руки и лицо в бочажине.

— За кабанами мы придем после обеда, — сказала Нина, запахивая куртку. — Отца, Зину и вашего Васю захватим. Одним нам не справиться. Здесь не меньше тонны мяса. А птицу возьмем сейчас.

— Хорошо привычному человеку, — вздохнул я. — По мне бы отдохнуть чуток.

— Отчего же и не посидеть? После такой охоты грех не посидеть. Вон у той ветлы. Там затишь и сухо. А вы счастличик! Не припомню такого удачного дня.

— Дичи много... Ходовой день. — Может быть, — согласилась Нина и покосилась на меня. — А я думала, гуртоправы стреляют хуже.

— На фронте не кабаны перед тобой, а враги. Они тоже стреляют хорошо...

Подойдя к ветле, мы сели рядом, прислонившись спинами к шероховатому стволу.

— Почему вы не учитесь, в школу не ходите? — спросил я, только чтоб завязать прервавшийся разговор.

— Читать, писать могу, а кто научился так охотиться, как я?.. Что у меня, достатка нет? На охоту хожу в ондатровой куртке. Когда я приезжала в город в своей шубке, все женщины наперебой охали. Чего мне еще желать? Все у меня есть.

— А живя здесь, вы не боитесь, что однажды ночью двуно-

гие волки придут и заберут ваши шубы, ружья?

— Раньше не боялась...

— А теперь? Теперь-то почему? — Я обернулся к Нине. — Что случилось?

Я радовался, что так удачно повернул разговор и заставил Нину проговориться неожиданно для самой себя.

— Не стану я больше об этом... Отец строго-настрого запретил.

— Как же так — «отец запретил»? А придут эти двуногие волки еще раз, опозорят вас... При чем тут запрет отца?

— Были... Были и второй раз, — опустив голову, проговорила Нина.

— Два раза были? — вскочил я. — Я бы брюхо жаканом впрола каждому, кто вошел бы к нам в спальню. Так и отец сказал. Они не посмели.

— Сколько их приходило?

— Первый раз — семь. Второй — человек двадцать. А один, отец говорил, в доме и не появлялся. Отец и мать, кажется, признали его голос.

— Кто же это был?

— Нам не сказали...

— Идемте, Нина.

— Отец уверен, что никакой вы не гуртоправ, а Вася ваш не бухгалтер.

— Даже уверен? Почему?

— Фляжка у вас со спиртом... На ее крышке инициалы старшего лейтенанта, оперуполномоченного из Гуляевки. Я у него точно

такую видела. Стреляете вы не как гуртоправ. И в сене ничего не понимаете, коли коров на курек выгонять вздумали...

«Да, вам, конечно, и в голову не пришло, что мы могли убить того лейтенанта, а фляжку взять... — вздохнул я. — К добродню человеку добрые мысли приходят...»

По дороге к дому я спросил:

— Да, что делает дядя Иван?

— Он тропу, которая ведет с северного края, сейчас охраняет.

— Зачем?

— Вы могли убить старшего лейтенанта, взять фляжку... если шли на соединение с бандитами. И должен быть срок, к какому вы должны прийти на встречу. Вы явились, и бандиты тут как тут. Вот отец и встретил бы их в тугаях на тропе.

— Бандиты ночью приходили, — напомнил я.

— Чтоб ночью прийти, топь самую надо засветло миновать.

— Ну а пришли бы сегодня бандиты?

— Убила бы я тебя, — очень просто ответила Нина.

Мы долго шли молча. Я думал: так ли повезло Васе, как мне?

Или ему впрямь повезло — старшая не решилась бы сама убить его, потаскала по тугаям да привела под топор дяди Ивана?

— Вы не говорите отцу, что я вам все рассказала, — попросила Нина, когда, забрав фазанов и уток, мы подходили к хугору. — Конечно, нет! Зачем же? Дядя Иван сам откроется.

— Не знаю... Впервые я видела отца таким испуганным. Он никогда никого не боялся.

— Еще бы... Остановятся ли бандиты перед убийством старика, десятерых женщин и детей? Не остановятся.

— Но и мы постреляли бы не одного! — гордо сказала Нина.

— Вы могли ни одного и не увидеть...

— Как же так?

— Подождли бы они ночью ваш дом, да и поубивали вас всех из камыша. Тем оружием, что у вас взяли. — И мне припомнилось полуночное дежурство дяди Ивана. Очевидно, он думал, как и я.

— Отец очень жалеет свое ружье, — помолчав, проговорила Нина. — У него бельгийская трехстволка была. Два ружейных,

а третий ствол под винтовочный патрон, нарезной. Не любит жаканов отец...

— Да, пули варварские, — согласился я.

До нас уже долетал многоголосый лай с псарни. Послышался тупой стук бондарского молотка. Мы вышли на поляну перед домом, на которой резвилась вся свора. Завидев нас, собаки лениво, по обязанности, твякнули в нашу сторону и вновь принялись за прерванную игру. Дядя Иван натягивал обруч на бочку, видимо, со свежесоленной рыбкой, и куча окуней и сазанов, насыпанных на брезент, ждала своей очереди. Вася Кабаргин сидел на крыльце и курил. Увидев нас, он поднялся, швырнул окурок оземь и махнул рукой, всем своим видом показывая, что его попытка разговаривать старшую дочь была напрасна. Из коптильни высунулось на мгновение полное красное лицо Нади — жены охотника. В окнах виднелись прижатые к стеклам носы малышей.

— Э-э, — протянул, обернувшись, дядя Иван. — Только вы сегодня удачливы.

— С ним на охоту, что в кино ходить, — кивнув в мою сторону, рассмеялась Нина. — Мы еще семь кабанов заваляли!

— Да ну! — Охотник смотрел на дочь с восхищением, а на меня с завистью. — Счастливчик тебе в напарники попался. И птицы уйму набили. Этак мне раньше уговору в Гуляевку ехать придется.

— У вас на рыб безгласных улов, — сказал я, отцепляя вязки с дичью и складывая ее в ларь.

— И то... — согласился дядя Иван. — А на обходе капканов ноги да время убил. И у Зины охота не пошла. Фазан да утка на двоих. Ну вы-то расходились! Обедать — потом все остальное.

— А мы с Ниной, — чуть покривил я душой, — думали, что засветло за мясом сходим... Чтоб Новый год как следует праздновать.

Нина опустила взгляд, и я видел, как порозовели ее щеки:

— Да, отец, так лучше, по моему...

— Дело говоришь — твоя взяла.

С кабанятиной вернулись уж затемно. Еда в русской печке остыть не успела. И сразу за стол.

— За победу, сынки! — сказал дядя Иван, поднимая стакан со спиртом из нашей фляжки. — За скорую победу!

— За победу! — сказал я. —

А вы своей охотой да рыбацеством, поди, целую роту кормите.

Выпили. Дядя Иван до дна, а мы пригубили. Он глянул на нас, занюхивая хлебом:

— Роту не роту, а взвод надо думать, обеспечиваем питанием круглый год. И одежкой тоже. Третий год как война. Деньги, которые причитаются нам, кроме как на провизию, керосин там, сдаем. Тысяч двести...

Дядя Иван взял крышку от фляжки, пригляделся.

— Позаимствовали... — опережая вопрос, сказал я.

— У хорошего человека позаимствовали, невоенные люди...

— Что ж вы в гости к хорошему человеку не наведаетесь?

— Туда да обратно — двое суток пройдет...

— У вас псарня целая — защитят семью от волков, — напомнил я дяде Ивану его похвальбу.

— Да не от двуногих... — задумчиво протянул старик.

— Давно они были?

Дядя Иван покосился в сторону кухни, откуда слышался звонкий голос Нины.

— Сказала, значит... О нас обо всех не подумала. Стало быть, так... Первый раз приволоклись на пятнадцатое в ночь. Как раз завтра должен я был в Гуляевку податься с рыбой мороженой да копченой, дичью, солонины две бочки десятиведерные приготовил, сала там... Все, что за месяц напромышляли... Семеро у окон топталось. Грохочут: «Открывай!» Думал я в них пальнуть... Так ведь подожгут и по одному перестреляют на выходе. Что им дети? Али девки? Женщины... Открыл. Грязные, мокрые по пояс. Я им на дверь спальни показываю: «Женщины там. Войдете — убьют». А за перегородкой малолетки в рев — чужаки, боятся.

«Э-э, — говорят, — свои есть, что нам русские свинюшки! Ружья давай! Еду давай!» — «Вот ружья», — говорю. На стене три висело. Две двустволки так себе, а третье, любимое, бельгийское, два ружейных, а под ними винтовочный ствол нарезной. Под наш патрон, под русский. Верно, по особому заказу делали. Именное, да не по нашему выгравировано. Десять тысяч за него перед самой войной дал. Эх...

— Вы ешьте, дядя Иван. Закусить забыли...

— Да мне сейчас и фазанья грудка костью поперек глотки становится... Забрали ружья, дичь, рыбу, сколько могли унести. А в солонину нагадили, сволочи. Я им: «Хоть вы и не нашего бога люди, да зачем еду портить?» —

«Что наше дерьмо, что сало — все одно. Сожрут ваши кызыласкеры» — и ржут. Как сказали они «кызыласкеры», подумал я, что не только не нашего бога люди, а просто басмачи. Только старых меж ними не было. Командовал так совсем молодой — рука на перевязи. Другой хромает, но без костылей, на клюку опирался вроде вас.

Я подумал: «Это и есть Исмагул и Кадыркул. Досталось им в схватке с Макэ Оморовым, вечная ему память».

— А второй раз когда явились? — спросил я дядю Ивана, угрюмо уставившегося в столешницу.

— Двадцать первого... Похоже, всей бандой — семнадцать пришло. Под утро... Орут, грóхочут. Маленькие опять в рев, сердце надрывают. Мы после первого налета, не будь дураки, ружья, вещи, ценное все в камыши спесели. Только вот про чемодан с деньгами в чулане забыли. Чего они нам? Так, на случай держали. Без них тоже нельзя... Все из съестного утащили, в куржуну, сумы переметные, попихали. Мешок муки, что в расходе был, тоже уперли. И снова, как в первый раз, пригрозили: «Никто, кроме тебя, не знает, что мы тут. Придут войска нас ловить — ты выдай».

Дядя Иван замолчал. Лицо поблело.

«Ишь какие самонадеянные — «войска придут», — я усмехнулся в душе. — Войска... Многого хотите. Или Абджалбек внушил вам, что на двадцать бандитов целую дивизию пошлют? Не пошлют. И нас двоих хватит».

— Тот, что помельче да поюрче, всю картину расписал... — продолжил дядя Иван. — Пули, мол, на тебя пожалеем. Удавку на шею наденем, а сами твоих девок портить станем — от малой до старшей и убивать. Как тебе надоест смотреть, сам и удавишься. Еще запомни — нас поймают, сумеем другим наказать, чтобы расправились с тобой, с собакой.

Сжал дядя Иван вилку в руке, словно нож для удара. Голос его охрип от ярости. Старик помолчал, прокашлялся:

— Пока они шастали из дома в сарай да обратно, я за ними. Приметил — стоит один у угла псарни. Ближе не подходит, издали с ними разговаривает. Ругается, мол, у него, у меня то бишь, все ружья не забирайте. Иначе он завтра в Гуляевку побежит, нечем ему охотиться станет, нечем семью кормить. И жена, что из

дома вышла, слышала этот разговор. А когда они ушли, мы с Надей, не сговариваясь, решили — тот, который у угла псарни стоял, — Ахмет-ходжа. Чабан. Он из Гуляевки, пасет две отары на северной стороне болота.

— А вы, дядя Иван, не ошиблись?

— На слух, по стуку крыльев, я одногодовалого фазана от двухлетки отличу. И пришли они по тропе с северной стороны болота. Я проследил, куда ушли, — туда же, на север. А там никого, кроме Ахмет-ходжи, нет. Еще старик, старый-престарый, глухой.

— А нас вы туда провести можете, дядя Иван?

— Что вам там делать, невоенные люди? — глядя мне в глаза, спросил охотник.

— Пастбища искать, — ответил я без улыбки.

— Нина вас проводит...

— Она ночью не ходила, — сказал я.

— И это узнал... — крикнул старик. — Проведет. Коли надо...

«Если уж старик решился посылать с нами свою любимицу, — подумал я, — то здесь, в случае чего, он без боя не сдастся... И надеется, что ее-то мы в обиду не дадим. А она доложит ему, чем окончилась наша встреча с бандой».

Окончание следует

М. ДЭВЛЕТ,
кандидат исторических наук,
начальник Тоджинской
экспедиции Института
археологии АН СССР

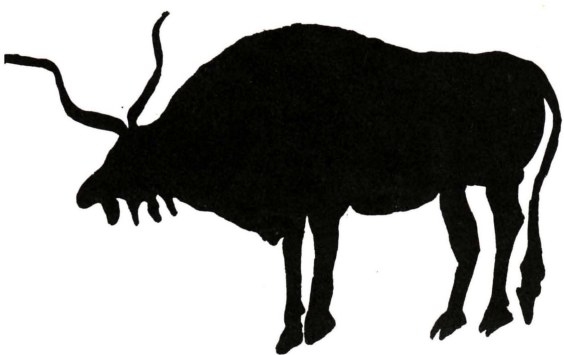
НАСКАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ ЕНИСЕЯ

Тысячелетия глядят на бурные воды реки страшные лики, загадочные антропоморфные изображения, выбитые в Саинском каньоне Енисея на иссиня-черных валунах и прибрежных скалах. Здесь, близ бурлящего в теснине гигантского водоворота, известного местным жителям под названием Чингисской воронки, в

...Фантастические личины, загадочные маски, сцены охоты, изображения животных, ритуальные пантомимы... Лишь малая часть галереи наскального искусства енисейского каньона.

урочище Мугур-Саргол, и на противоположном берегу Енисея, в устье реки Чинге, насчитывается около двухсот изображений рогатых личин. На одних застыло состояние покоя, на других — веселье, горе, гнев. Встречаются фантастические дополнения, передающие, очевидно, устрашающую татуировку на лице. Создается впечатление, что древние художники изображали не лица конкретных людей, а стилизованные маски, применявшиеся в древности во время каких-то неведомых нам обрядов, ритуальных танцев.

Но чингинские маски — лишь малая часть наскальных изображений Верхнего и Среднего Енисея.

В прошлом году в Новосибирске состоялся первый в истории науки симпозиум, посвященный взаимоотношениям древних культур огромной территории — от Урала до Алеутских островов.

Можно смело сказать, что за три дня новосибирского симпозиума, в котором принимали участие исследователи не только советские, но и из Болгарии, Венгрии, США, Канады, Японии, мы узнали столько нового — от последних данных о первых переселенцах из Азии в Америку до современного фольклора по обоим берегам Берингова пролива, — что для освоения этой информации понадобилось бы несколько лет работы в библиотеках.

Время наложило отпечаток на многие рисунки, изображенные палеолитом, покрылись лишайником. Иногда они даже слабо различимы при прямом освещении. Но на заре и на закате, когда косые лучи солнца скользят по шероховатой поверхности скал, смутные очертания становятся отчетливыми, и таинственные рисунки оживают. На древних писаницах мы видим картины жизни давно ушедших поколений, сцены охоты, сражений и священнодействий, изображения представителей животного мира, окружавшего создателей наскальных рисунков, животных и фантастических существ, созданных их воображением. Петроглифы Енисея — это рассказ древних людей о самих себе и об окружающем мире. Рассказ, который можно прочесть, только глядя на испещренные древними художниками скалы, ибо в петроглифах отразилась те стороны хозяйства, быта, мировоззрения древних людей, о которых в ряде случаев нельзя пслучить представления по другим источникам.

Исследователи давно уже уловили странную, на первый взгляд, закономерность — среди серий петроглифов, нанесенных в разных районах земли, на протяжении долгого времени повторяются определенные, одни и те же сюжеты. В Южной Скандинавии —

сцены морских походов, сражений, угона скота, похорон в ладьях; в Испании — изображения кинжалов; во Франции — топоры, ступни ног, каракатицы; в Альпах — картины вспашки плугом.

Для сибирских писаниц наиболее характерны изображения диких животных, сцены охоты, сражений, шаманского культа.

Личины же Мугур-Саргола уникальны для Южной Сибири бронзового века. А спустя две тысячи лет, уже в железном веке, в Сибири вновь появляется писаница, резко отличающаяся по своей композиции некоторыми «действующими лицами» и предметами от всего известного исследователям...

Это был поистине праздник науки, и не одной только археологии, но и антропологии, этнографии, фольклористики, геологии, палеонтологии и многих других естественных наук, достижения которых все больше берутся «на вооружение» историками. Одним словом, мы унесли с нашего симпозиума в Новосибирске драгоценный груз новых фактов, обобщений, гипотез.

Гипотеза советского археолога М. А. Давлет вызвала самый пристальный интерес участников симпозиума, ибо она касается одной из кардинальных проблем древней истории Сибири.

Академик А. П. ОКЛАДНИКОВ

В 1904 году по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении известный сибирский археолог А. В. Адрианов приступил к изучению петроглифов Минусинского уезда. Неутомимый исследователь, Адрианов нашел и описал множество наскальных рисунков. И на правом берегу притока Енисея, речки Сухая Тесь, на скалах Боярского хребта, он обнаружил два скопления рисунков, отдаленных друг от друга на 400 метров. Адрианов назвал их Большая и Малая Боярские писаницы. Малую писаницу исследователь сфотографировал и сделал зарисовки. Зафиксировать Большую писаницу тогда не удалось.

Лишь летом 1962 года шестеро студентов Московского высшего художественно-промышленного училища произвели эстампирование и фотографирование наскальных изображений Большой писаницы. Но, как оказалось, многие из их прорисовок оказались неточны, так что мне потребовалось вновь скопировать их.

Время сгладило изображения, местами они густо поросли лишайником. Кроме того, рисунки Большой Боярской писаницы четко видны лишь вечером и особенно

ясно ранним утром, когда косые лучи восходящего солнца скользят по шероховатой выветренной поверхности скалы. Постепенно становясь все отчетливее, рисунки как бы оживают в сознании зачарованного зрителя, перед которым возникают поселок древних жителей Енисея, их жилища, скот, домашняя утварь, оружие, а также и сами творцы наскальных изображений. Эти изображения были высечены сотнями, тысячами терпеливых ударов по обуху какого-то острого металлического орудия — по единому замыслу, приблизительно одновременно, в одну и ту же историческую эпоху, в определенный непродолжительный отрезок времени. А сюжеты, компо-

зиции, стиль рисунков позволяют утверждать, что Боярские писаницы были созданы где-то во II веке до нашей эры — начале I века нашей эры.

Какой же смысл вкладывали древние обитатели Енисея в рисунки Боярского хребта?

По первому впечатлению перед нами сугубо конкретное, натуралистическое «перечисление» окружающего художника мира.

Сам сюжет Большой Боярской писаницы тесно связан с хозяйственной деятельностью древних обитателей бассейна Енисея, для которых скотоводство было основной благосостояния, — первобытные художники изобразили именно тех животных, которые интересовали их в хозяйстве: коров, яков, лошадей, северных оленей, а также мелкий рогатый скот.

Главное место на Большой Боярской писанице наряду с рисунками животных занимают изображения реальных построек: бревенчатых изб и жилищ, напоминающих юрту. (Кстати, из-за относительной недолговечности дерева Боярские писаницы являются единственным источником сведений о жилищах той эпохи.) При чем рисунки жилищ настолько реалистичны, что мы можем абсолютно точно, как по чертежу, восстановить их облик. Изображение

Большая Боярская писаница. Прорисовка автора.

юрт позволяет говорить, что древняя конструкция этого переносного дома сходна с современной берестяной юртой сагайцев. Деревянный же дом — это сруб, сложенный из горизонтальных рядов бревен, связанных «в обло» или «в лапу». По горизонтальным полоскам на «чертеже» можно даже определить, что сруб этот сложен в восемь-десять венцов. А судя по стоящим рядом с жилищами фигурам людей, дома несколько превышали рост человека. Мы можем даже понять и конструкцию кровли — многими деталями она напоминает кровли жилищ некоторых современных сибирских народов.

По Большой Боярской писанице мы можем и весьма точно представить себе, как одевались тогда люди: малица, или же короткий кафтан, опущенный мехом; головные уборы — островерхие или типа капюшонов, характерные для скифо-сарматского времени.

Итак, перед нами весьма реалистическая картина жизни племени, ведущего отгонное или полукочевое хозяйство (об этом можно судить по составу изображенного стада), требующее зимних и летних жилищ (деревянные срубы и юрты). Причем картина позволяет представить себе многие детали этой жизни — вплоть до конструкции и величины домов, устройства лука, которым пользовались охотники, конструкции котлов, в которых варили пищу, и так далее. И эта картина в общем совпадает с тем, что мы знаем о скотоводах, живших здесь спустя почти два тысячелетия.

Характеризуя образ жизни хакасов первой половины XIX века, русский этнограф И. Корнилов писал: «Не мешает заметить, что кочевые инородцы перегоняют стада и табуны непременно два раза, а иногда три и четыре раза в течение года, для лета пастбища избираются в горных и прохладных долинах при берегах рек и озер; на зиму стада угоняются на места открытые, где ветер, дующий из

горных падей, сносит снег и где скотина может по малоснежью всю зиму добывать подножный корм. Некоторые инородцы избирают сверх того для стад осенние и весенние пастбища». Перегоняя стада, хозяева вместе с ними перекочевывают с места на место, и так как пастбища по большей части постоянные, то многие инородцы устраивают на них постоянные юрты из бревен или плетня (кошмовые или берестяные юрты переносятся с места на место), а потому есть улусы зимние и летние». Другой исследователь, Н. Ф. Катанов, писал: «Минусинские татары около полугода (с сентября до конца года или половины апреля) живут на зимниках, где стоят их бревенчатые избы и прочные дворы для скота, а полгода (с марта или половины апреля до сентября) — на летниках, где, кроме бревенчатых, берестяных или войлочных юрт да дворов из жердей или плетня, ничего нет».

Конечно, этнографические параллели с жизнью, отстоящей от описываемой на добрые два десятка веков, никогда не могут быть абсолютны. Но все же...

В XIX веке, как пишет Н. Катанов, на зимнике стоят только бревенчатые избы, на летниках — только юрты.

В поселке же, изображенном на Боярской писанице, мы видим рядом и бревенчатые избы и юрты.

Данные этнографии свидетельствуют, что на зимниках есть «прочные дворы для скота». На писанице же, несмотря на то, что изображено весьма большое стадо, никаких следов загона не видно.

Может быть, изображен момент отгона на летнее пастбище? Но стадо на писанице идет как раз в поселок.

Эти и ряд других деталей наскальной картины позволяют сделать предположение: на Большой Боярской писанице не столько «фотография» реального поселка, сколько изображение некоего идеального поселения. И причем

поселения в момент какого-то традиционного сезонного праздника.

Мы не знаем, какие праздники существовали в дописьменной древности. Но мы их можем «высчитать», опираясь на данные этнографии, учитывая вековую преемственность традиций скотоводов.

В этой связи особый интерес представляют сведения о сезонных праздниках и обрядах, связанных с магией плодородия людей и животных, культом производительных сил природы. В частности, у якутов было два таких годовых праздника «ысыаха» — весенний и осенний. Это были кумысные праздники, так как центром ритуала были одна или две кумысные бадьи, служившие символами богатства, изобилия, процветания. Кумыс почитался якутами как напиток божественного происхождения, ниспосланный светлыми небесными богами, принесшими на землю кумысную закваску. Во время торжеств совершались возлияния кумыса богам, шаман давал испить кумыс стоящим перед ним на коленях участникам ритуала. На этих праздниках устраивались конные состязания, традиционная борьба, ритуальные танцы. Сезонные праздники наиболее полно донесли до нас элементы древнего культа.

И есть все основания предполагать, что на Боярской писанице изображен идеальный поселок именно в день древнего «ысыаха». Что древние художники, терпеливо выбивая на скале картину поселка, созданного их воображением, ставили себе целью обеспечить при помощи этих рисунков материальное благополучие, изобилие и процветание реального поселения в идеальном будущем.

«Прочтем» еще раз писаницу.

Предметы прямоугольной формы с остротками в верхней части являются, как я полагаю, изображениями сосудов для кумыса: деревянных или глиняных бочонков, а возможно, кожаных фляг. Такие сосуды обнаружены при раскопках

могильников рубежа нашей эры на Верхнем и Среднем Енисее, до недавнего времени они бытовали у хакасов и тувинцев. По-видимому, изображения этих предметов должны были символизировать и в какой-то мере обеспечивать богатство и материальное благополучие.

На празднике якутов кумыс наливали в специальные ритуальные кубки — чороны. Возможно, такими кубками у древних жителей бассейна Среднего Енисея могли служить небольшие глиняные или бронзовые котелки. Специфические бронзовые котлы в Южной Сибири встречаются разных размеров — от огромных, объемом в несколько ведер, до крошечных, миниатюрных. О назначении бронзовых котлов имеется упоминание у Геродота, сообщавшего, что скифы варят в котлах мясо жертвенных животных, а кости подбрасывают в огонь. Боярские наскальные рисунки, на которых изображались люди, варящие что-то в котлах, мешающие угли под ними, подбрасывающие топливо, словно являются прямой иллюстрацией к этому рассказу. Видимо, в больших котлах готовили пищу для участников праздника, а из маленьких пили кумыс.

Среди домов стоят люди с воздетыми к небу руками — почти единогласно считается, что этот ритуальный жест означает молитву, обращенную к небу.

В верхнем ярусе писаницы изображен человек, держащий в одной руке лук с тетивой, а в другой, по-видимому, посох. Можно полагать, что это шаман, а лук и посох — орудия его культового действия.

Данные этнографии свидетельствуют: до появления шаманского бубна лук и стрела выполняли у алтайцев роль магического культового орудия, камлание с луком производили все северные алтайцы до недавнего времени, а хакасы приписывали луку магические свойства еще в XIX веке.

С магией плодородия, размножения и воспроизводства связаны, очевидно, схематические изображения людей и фигуры животных с подчеркнутыми признаками мужского пола. И именно как символ и мольба о плодородии, умножении богатства художник изобразил на Боярской писанице домашнее стадо, идущее в поселок.

Между домами изображены бараны в летящей позе. Находки аналогичных изображений из бронзы, сменивших в конце I тысячелетия до нашей эры традиционные скифо-сибирские бляхи в виде оленя в позе «летучего гало-

па», наводят на мысль, что это эмблема родового предка-тотема. Косвенным доводом в пользу нашего предположения служит отсутствие свидетельств об одомашнивании архаров. Их изображения среди домов поселка мы не можем объяснить фактами первобытной действительности.

На связь с культом указывает рисунок фантастического животного, выбитый тонкой контурной линией в нижнем правом углу писаницы под группой схематических, условных фигур. Это верхняя часть туловища какого-то странного горбатого чудовища с передней лапой, намеченной обрывавшейся линией, загнутым крючком хвостиком, маленькими ушами или рогами и полуоткрытой беззубой пастью.

Первоначально мне показалось, что выбитая на скале линия случайно приняла очертания животного. Однако среди наскальных рисунков, опубликованных участниками финской археологической экспедиции 1887—1889 годов, в этих местах удалось обнаружить изображение передней части туловища того же самого фантастического зверя, выбитое на камне курганной оградой. Интересно отметить, что перед раскрытой беззубой пастью животного на этом рисунке показана фигура человека вверх ногами. Этнографы полагают, что в подобной позе изображались умершие. Таким образом, сходство, почти тождество, двух изображений свидетельствует о сложившемся канонизированном образе мифического животного.

Итак, Боярские писаницы отражают сложные идеологические представления их безымянных творцов. Надо полагать, что межгорные долины Боярского хребта являлись центрами первобытных святынь, посещавшихся во время сезонных праздников. Магические действия и церемонии у скальных фриз с изображениями носили, вероятно, не индивидуальный, а коллективный характер. Не каждому участнику ритуала в отдельности, а всему родовому поселку ниспосылались процветание и изобилие.

Но здесь возникает один вопрос.

...В 1966 году в отрогах Западных Саян, на правобережье притока Енисея Куйлуг-Хема, отрядом Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР, руководимым первооткрывателем многих тувинских петроглифов А. Д. Грачем, был обнаружен камень с изображением тигра и горных козлов. Два года спустя под густой коркой яркого лишайника, покрывающего камен-

ные плоскости скального массива, у подножия которого находился этот камень, я заметила другие рисунки, частично уходящие под толщу земли. Володя Теренин, фотограф экспедиции, паяльной лампой выжег лишайник, общими усилиями скалы очистили от кустарника и земли, скрывавшей подавляющую часть рисунков, и перед нами предстали изображения, выбитые и процарапанные на камнях, — сцены охоты, лодка с экипажем, солярные знаки, птицы с распростертыми крыльями, горные козлы, олени, лось, тигр.

И вот на некоторых писаницах мы увидели изображения предков, давно знакомых нам по раскопкам скифских курганов. Комплексные исследования показали, что в скифское время на огромных пространствах степей и предгорий Евразии, занятых скотоводческими и скотоводческо-земледельческими племенами, сложилась особая общность материальной и духовной культуры. Население областей, отделенных друг от друга тысячами километров, пользовалось сходным оружием и украшениями, применяло аналогичный конский убор, передавая достижения своей культуры соседним племенам, в свою очередь, многое заимствуя у них. Искусство того времени на огромной территории имело много общего. Не исчезла эта общность и тысячелетия спустя.

В раннем средневековье на скалах Куйлуг-Хема появились писаницы тюркских племен, владения которых в конце VI века доходили на востоке до Хингана, на западе смыкались с Византией, на юге — с Персией и даже Индией. И в куйлуг-хемских петроглифах этого времени исследователи неожиданно для себя увидели сходные черты с изображениями, оставленными в низовьях Амура, на скалах Сакачи-Аляна.

Тысячекилометровые просторы оказались связанными некой единой культурной традицией, имеющей тысячелетнюю историю. ...Так почему же и Боярская писаница, и загадочные личины Мугур-Саргола, с которых мы начали рассказ, разделенные двадцатью веками, стоят как бы особняком — по своим сюжетам — среди современных им наскальных рисунков Сибири? Можно ли видеть здесь какую-то неслучайность?

Расшифровка этих писаниц еще не закончена, но все же...

А что, если перед нами культовые центры не только местных, близживущих племен, но и большого ареала, племена которого невидимыми нам нитями были связаны общей культурной традицией?

ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В УБИЙСТВЕ

Роман

МАЙ ШЕВАЛЛЬ
и ПЕР ВАЛЁ

Вернувшись в Андерслёв, Мартин Бек зашел в полицейский участок, чтобы побеседовать с Херрготтом Радом, но не застал его. Тогда Бек отправился в Треллеборг на такси. Водитель попался необычный: молчаливый.

Он вел машину, а Мартин Бек думал. Пытался свести воедино все, что знал о человеке, который был возлюбленным Сигбриг Морд.

Его зовут Кай. Он писал ей на листках, как будто вырванных из записной книжки. Как она получала эти записки? Во всяком случае, не по почте. Он, по-видимому, женат на женщине, которую называет Сисси и у которой есть брат. Он встречался с Сигбриг по четвергам. Иногда встречи происходили в другие дни недели, но по четвергам непременно. Не считая церковных праздников и летних недель. В июне — июле у него, возможно, был отпуск. В августе они встречались особенно часто. Может быть, он оставался дома один, а Сисси уезжала в деревню?

У него, по-видимому, бежевая «вольво».

Он называл Сигбриг Морд — Сигге.

Не густо...

Мартин Бек думал о ключе в сумке Сигбриг Морд, том самом ключе, который не подходил к замкам в ее доме. Херрготт уже выяснил, что на работе ей не нужны были ключи. Откуда же этот ключ? От квартиры Кая или от какого-нибудь уютного гнездышка?

Вопросов много, догадок тьма, а располагал он только двумя записками и пометками — буквой К в календарике Сигбриг.

Возможно, буква означает что-нибудь совсем другое? Не имя. А, например, К — курсы.

Мартин Бек попросил водителя остановиться на Большой площади и дошел до места работы Сигбриг Морд.

Кондитерская явно пользовалась успехом, у прилавка полно людей, все столики заняты.

Хозяйкой кондитерской оказалась дама лет пятидесяти, полная, веселая, добродушная. Наверно, от нее и дома пахнет свежим хлебом, безе и ванильным кремом. Она пригласила его в маленький кабинет за кухней.

— У меня слов не хватает, такой ужас, такой ужас, — говорила хозяйка. — Конечно, я забеспокоилась, когда Сигбриг вдруг исчезла, но чтобы такое приключилось, непостижимо.

Столь же охотно и многословно хозяйка кондитерской отвечала и на другие вопросы Мартина Бека. Оказалось, что Сигбриг Морд особо оговорила, чтобы по четвергам вечерами быть свободной. Однако хозяйка кондитерской знать не знала ни о каком Кае, и никто никогда не звонил Сигбриг на работу и не заезжал за ней на бежевой «вольво».

То же самое сказали Мартину Беку и остальные служащие.

Выйдя из кондитерской, Мартин Бек медленно побрел к полицейскому управлению. В следственной тюрьме Мартину Беку предоставили кабинет с видом на гавань, и, пока ходили за Бенгтссоном, он смотрел в окно.

Фольке Бенгтссон держался спокойно, невозмутимо, поздоровался с Мартином Беком, потом сел перед письменным столом.

— Инспектор Кольберг прихо-

дил утром, допрашивал меня, — сказал он. — Не знаю, что еще вы хотите от меня услышать. Честное слово, я ее не убивал, и больше мне нечего сказать.

— Мне надо выяснить один вопрос, — ответил Мартин Бек. — Речь идет об одной детали, которую вы сообщили, когда мы разговаривали в вашем доме десять дней назад. Тогда вы сказали, что два раза видели бывшего супруга фру Морд. Верно?

— Верно. Я видел его два раза.

— Расскажите, пожалуйста, по подробней, — попросил Мартин Бек. — Вы можете припомнить, когда это было?

Фольке Бенгтссон помолчал, вспоминая. Наконец заговорил:

— Первый раз — весной этого года. Последнее воскресенье мая. Точно помню, потому что это был День матери. Я ездил в поселок и звонил своей матери в Сёдертэлье. Я ей всегда звоню в этот день и в день ее рождения.

Он призадумался. Мартин Бек подождал, потом спросил:

— Ну? И в тот день вы видели Морда? Как это было?

— Значит, так. Я приехал домой, завел машину в гараж и пошел закрывать ворота. В это время на дороге показалась бежевая «вольво», она ехала медленно, и я подумал, что это ко мне. Я никогда не ждал, ведь это было воскресенье. Только иногда в этот день ко мне заезжают люди, чтобы купить рыбы или яиц.

— Откуда шла машина?

— Со стороны Мальмё.

— Вы видели, кто ее вел?

— Ну да, за рулем ее муж сидел.

Мартин Бек внимательно посмотрел на Фольке Бенгтссона:

Продолжение. Начало в № 5, 6, 7.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Опишите его внешность.
Бенгтссон опять примолк, потом ответил:
— Ну, я слышал, будто он капитан торгового флота. Но я бы не сказал, что он похож на моряка. Загорелый, правда, но худой и довольно хилый. Щуплый. Волосы очень светлые, волнистые. Очки.
— И вы все это разглядели? Даже если машина ехала медлен-

но, когда же вы успели его рассмотреть?
— Нет, тогда я, пожалуй, еще не рассмотрел его. Я его видел потом еще раз.
— Когда именно?
— Точно не помню, но не так давно. Что-нибудь в начале сентября.
— Он опять ехал на машине?
— Нет, машина стояла перед домом Сигбрит. Я ходил на луг,

смотрел, нет ли шампиньонов. Но шампиньонов не было. Я их там часто нахожу. соберешь несколько килограммов и продашь, покупатели охотно берут грибы, особенно шампиньоны.

— И вы при этом проходили мимо дома Сигбрит Морд?

— Ну да. И тут он вышел на крыльцо, потом сел в машину. Вот тогда-то я и подумал, что для моряка он очень уж хилый и щуплый.

Он помолчал и добавил:

— Моряки обычно сильный народ. Но я слышал, что он хворал.

— И фру Морд вы тоже видели в этот раз?

— Нет, не видел. Только самого Морда. Он постоял на крыльце, застегнул пальто, потом сел в машину. И проехал у меня перед носом, я как раз к своему дому подходил.

— В какую сторону он свернул, когда выехал на шоссе?

— В сторону Мальмё. Он ведь там живет, помнится мне.

— Как он был одет?

— Я только пальто помню. Такая коричневая дубленка. Новенькая, роскошная, но слишком жаркая для такого дня, как тогда. На голове у него ничего не было.

Он перевел взгляд на Мартина Бека.

— Я точно помню, день стоял очень теплый.

— Больше ничего о нем не можете сказать?

Фольке Бенгтссон покачал головой.

— Нет, это все.

— Вы не заметили номер машины?

— Нет, не заметил. Как-то в голову не пришло.

— Если номер был старого образца, может быть, буквы запомнили?

Шведская автоинспекция в то время как раз вводила новые номера.

— Нет, не помню.

Фольке Бенгтссон возвратился в камеру, а Мартина Бека довели на полицейской машине в Андерслёв.

Кольберг еще не вернулся, но Рад сидел в своем кабинете. Мартин Бек рассказал о своей поездке в Треллеборг, и Рад задумчиво произнес:

— Видно, этот самый Кай и сидел за рулем бежевой «вольво». Я расспрошу народ в поселке, может быть, еще кто-нибудь видел его или машину. Да только вряд ли. Если бы кто-нибудь его знал, это уже выяснилось бы, пока шли розыски Сигбрит.

Они помолчали. Потом Рад сказал:

— В таком случае Фольке — единственный свидетель, которому известно о существовании Каа.

Машина была так себе. Слишком броская, чтобы на ней незаметно улизнуть. Большой светло-зеленый «шевроле», три семерки в номере, много хрома и бездна фонарей и фар. Но фары не горели.

К тому же ее заметили, и какой-то ретивый сосед с дачи рядом уже позвонил в полицию.

Раннее утро, сыро и холодно. Влажное дыхание земли сливалось с лениво плывущими прядями морского тумана. Неверный свет серого утра скрадывал все очертания.

На заднем сиденье зеленой машины лежали два скатанных трубой ковра, телевизор, транзистор, пять бутылок спиртного. И чемодан, а в нем несколько картин, статуетка сомнительного происхождения и прочее барахло.

Впереди сидели два вора. Молодые, нервные, они надеялись кучу ошибок. Оба знали, что их видели, и вообще им не везло. Все началось плохо, а впереди их ожидали еще большие неприятности.

У полицейской машины вид был донельзя обыденный: черно-белый «вальент» с прожектором и двумя синими мигалками наверху. Не обознаешься... На всякий случай дверцы, капот и багажник украшала бросающаяся в глаза надпись «ПОЛИЦИЯ». В составе этого патруля были трое: Элофссон, Борглюнд и Гектор.

Элофссон и Борглюнд давно работали вместе; внешность как у большинства молодых полицейских. Гектор помоложе и побойчее. Его участие в этом патруле было, мягко выражаясь, обязательным, но он любил сверхурочные и еще — сильные ощущения.

Толстый, ленивый Борглюнд спал с открытым ртом на заднем сиденье. Элофссон попивал кофе из термоса и посасывал сигарету. Гектор не одобрял курение и демонстративно опустил боковое стекло. Положив руки на баранку, он молча, с кислой рожей смотрел в окно и скучал. На всех троих стального цвета комбинезоны и портупеи с пистолетами и дубинками в белых чехлах.

Машина стояла у развилки. Мотор работал на холостом ходу.

Гектор прижал большим пальцем к рулю листок с радиокodem, на котором написано: от 01 — пьяное буйство, до 68 — связь кончаем.

— Доброе утро, доброе утро, доброе утро, дорогие коллеги на улицах и дорогах, — послышался

по радио голос дежурного. — У нас есть для вас кое-какие новости. Гулянка на Бьёркгатан и Софиелюнде. Шум, гам, видно, вино льется рекой. Ближайшему патрулю явить по указанному адресу и принять меры. Что? Да-да, играют и поют. Бьёркгатан, двадцать три... Подозрительная машина перед пустой дачей в Юнгхюсен. Синий «крайслер» в два оттенка, на номере буква А и три шестерки. Ближайшему патрулю принять меры. Адрес — Сульбаксвеген. Возможна связь с ограблением дачи. Замечены молодой человек и две девушки. Проверить.

— Это в нашем районе, — заметил Гектор.

— Что? — спросил Элофссон. Борглюнд лишь недовольно вскрикнул.

— Коллегам в указанном районе быть начеку, — продолжал голос. — Меры обычные. Не рисковать. Проверить машину, если появится. Направление движения неизвестно. Действуйте без лишнего шума. Выследите телегу, не клянитесь. Обычная проверка, больше ничего пока. Всего!

— Совсем близко, — сказал Гектор.

— Береги силенки, парень, — отозвался Элофссон, роясь в кулке со сдобами. Извлек одну и впилась в нее зубами.

— Совсем близко, — твердил Гектор. — Поехали туда.

— Спокойно, парень. Ложная тревога. А если не ложная, найдутся полицейские и кроме нас.

Гектор покраснел: — Я тебя не понимаю.

Элофссон жевал сдобу. Борглюнд глубоко вздохнул и присвистнул.

Они стояли в каких-нибудь двадцати метрах от проулка, из которого на шоссе вырвался светло-зеленый «шевроле».

— А вот и они, — объяснил Гектор.

— Ты так думаешь? — пробурчал Элофссон с полным ртом.

— Сейчас мы их, голубчиков... Гектор включил скорость. Машина рванулась.

— Что там? — невнятно пробормотал Борглюнд.

— Воры, — ответил Гектор.

— Как-как? — начал оживать-ся Борглюнд. — Что тут происходит?

Юнцы в зеленой машине увидели полицейских лишь тогда, когда те поравнялись с ними.

Гектор еще прибавил скорость, свернул и круто затормозил. Колеса проскользили несколько метров по росе. Зеленая машина потеснилась вправо и остановилась у са-

мой канавы. Гектор первым выскочил из кабины. На ходу он расстегнул кобурку и выхватил свой «вальтер» 7,65.

Элофссон выбрался из машины с другой стороны.

Последним вылез Борглюнд, растерянно сопя.

— Что тут происходит? — спросил он.

— Фары выключены, — резко произнес Гектор. — Нарушение правил. А ну выходите из телеги, шпана чертова.

Он держал пистолет наготове в правой руке.

— Кому сказано! Что вас, до завтра ждать? Выходите!

— Не горячись, — сказал Элофссон.

— И без фокусов, — не унимался Гектор.

Двое вышли из зеленой машины.

— Обыкновенная проверка, — сказал Элофссон.

Он стоял ближе Гектора к зеленой машине, но за пистолет пока не брался.

— Только спокойно, — сказал он.

Гектор стоял позади него, справа, указательный палец лежал на спусковом крючке.

— Мы ничего такого не делали.

Совсем юный голос. Почти девичий.

— Все так говорят, — отрезал Гектор. — А фары не включены — это, по-вашему, ничего? Загляни-ка внутрь, Эмиль.

С трех-четырёх метров Элофссон разглядел, что подожреваемые — молодые ребята. Оба в кожаных куртках, джинсах и кедах, но на этом сходство кончалось. Один рослый, коротко стрижен, бронет; другой ниже среднего роста, с длинными, до плеч, русыми волосами. Оба — молче двадцати.

Элофссон подошел к высокому, держа руку на кобуре. Потом достал из кармана фонарик и освещил на заднее сиденье. Убрал фонарик обратно в карман.

— Гм-м-м, — промычал он.

Круто повернулся и схватил высокого за отвороты куртки.

— Что тут происходит? — повторил Борглюнд.

Его реплика словно послужила сигналом.

Элофссон действовал привычно. Двумя руками он крепко держал парня за куртку. Оставалось только рвануть его на себя и правым коленом сильно ударить между ног. Отработанный прием. И все в порядке. И не надо применять оружие.

Но на этот раз прием не удал-

ся. Стриженный навсегда отучил Эмиля Элофссона от жестокой расправы. Правая рука его лежала на поясе, левая засунута в карман. За поясом у него был заткнут револьвер, и парень явно умел с ним обращаться. Он выхватил оружие и открыл огонь.

Револьвер был рассчитан для стрельбы на короткое расстояние — никелированный «кольт кобра» 32-го калибра, шесть патронов в барабане. Первые две пули поразили Элофссона в подреберье, третья и четвертая пролетели под его левой рукой и попали Гектору в левое бедро. Шатаясь, Гектор попятился через шоссе и упал плашмя затылком на колючую проволоку ограды, что тянулась вдоль обочины.

Пятая и шестая пули никого не поразили. Они, очевидно, предназначались Борглюнду, но ему было присуще распространенное человеческое качество — он боялся выстрелов и, как только услышал стрельбу, бросился в канаву. Канавка была глубокая, сырая, и его туша тяжело шлепнулась на дно. Лежа на животе в грязи и не смея поднять голову, он ощутил жгучую боль в шее справа.

Эмиль Элофссон упал на правый бок — щека на бетоне, правая рука прижата телом: и рука и пистолет в застегнутой кобуре.

В свете туманного утра он отчетливо видел, как парень с револьвером отошел назад и принялся спокойно заряжать барабан патронами, которые, очевидно, лежали у него в кармане куртки.

Элофссону было очень больно, комбинезон намок и стал липким от крови. Он не мог ни говорить, ни двигаться, только наблюдать. Безнадежная ситуация. И все же он испытывал скорее удивление, чем страх. Как же так? Двадцать лет он проявлял свою власть, орал, толкал, пинал, колотил дубинкой или плашмя саблей. Он всегда был сильнее, всегда брал верх, вооруженный против безоружных, правый против бесправных, могущественный против бесильных. И вот он повержен.

Двадцать шагов отделяло его от парня с револьвером. Стало светлее, Элофссон увидел, как высокий поворачивает голову, услышал, как он кричит:

— В машину, Каспер!

После чего стриженный поднял согнутую левую руку, положил ствол револьвера на локоть и тщательно прицелился. Пуля высекала искры из бетона не дальше чем в полуметре от лица Элофссона. Одновременно сзади послышался звук другого выстрела. Что, и вто-

рой гад стреляет? Или это Борглюнд? Да нет, какое там. Если Борглюнд еще не мертв, он лежит и притворяется мертвым.

Парень стоял, широко расставив ноги, и снова целмлся.

Элофссон закрыл глаза. Он чувствовал, как толчками из раны вытекает кровь. Но не вспоминал всю свою жизнь, а просто подумал: умираю.

Гектор же, падая, не выронил пистолет. Теперь он лежал на спине, голова подперта проволокой, и тоже смотрел на стриженного brunета с револьвером. В отличие от своего товарища, Гектор не был особенно удивлен. Сам молодой парень, он примерно так и представлял себе полицейскую службу. Правая рука работала нормально, но левая слушалась плохо, потребовалось большое усилие, чтобы дослать патрон. Ведь согласно инструкции все патроны находились в магазине. Гектор скрипел зубами. Рука и весь левый бок болели так, что темнело в глазах. Первый выстрел он сделал почти рефлекторно, и пуля пошла слишком высоко. Гектор снова нажал спусковой крючок. И потерял сознание. Пистолет выпал из его руки.

Но Элофссон еще держался. Он снова открыл глаза, когда позади него опять послышался выстрел.

И... Чудо из чудес: парень с револьвером дернулся и вскинул руки вверх. Револьвер улетел куда-то в сторону. А стрелок весь обмяк, словно из него вынули кости, и шлепнулся на дорогу. И застыл недвижимо, молча.

Гектор целился очень тщательно. Но и везение тоже сыграло свою роль. Пуля попала парню в плечо и вдоль ключицы скользнула прямо в спинной мозг. Брюнет с револьвером умер мгновенно, умер стоя.

Элофссон услышал рокот рванувшей с места машины. И наступила тишина, полная тишина.

Прошло много-много времени, а может быть, всего несколько минут или секунд, и к нему подполз на четвереньках Борглюнд. Он охал, светил туда и сюда карманным фонариком. Просунул руку под Элофссона, вздрогнул, выдернул ее обратно. Уставился на кровь.

— Господи, Эмиль, — выдохнул он.

Элофссон чувствовал, как последние силы оставляют его. Он по-прежнему не мог ни говорить, ни двигаться.

Борглюнд, громко сопя, тяжело взгромоздился на ноги.

Элофссон услышал, как он топтал к машине и включил аварийную частоту:

— Алло, алло, шоссе номер сто, Сульбаксвеген в Юнгхюсен. Двое коллег ранены. Сам получил травму. Перестрелка. Стрельба. Помогите!

Ему ответили далекие металлические голоса.

— Здесь Треллеборг. Едем.
— Участок Лунд. На пути к вам.

И дежурный в Мальмё:
— Доброе утро. Помощь выехала. Через четверть часа будут на месте. От силы двадцать минут.

Все это происходило утром восемнадцатого ноября 1973 года на самой окраине полицейского участка Мальмё. Неподалеку от берега Балтийского моря.

Понедельник, девятнадцатого ноября.

Воздух прозрачный. Ясное небо, холодно, ветрено.

По церковному календарю день Елизаветы; сегодня Кольбергу полагалось допрашивать Фольке Бенгтссона.

Но многое успело измениться к этому дню. Казалось, Андерслёв вдруг исчез с карты мира. Органы массовой информации переклонили свое внимание на другое.

Что такое удушенная разведенная жена перед двумя застреленными полицейскими? Да еще один травмирован — как и почему, никому толком не известно. Один злоумышленник убит, другой в бегах, укрывается от правосудия.

Мартин Бек и Кольберг знали, что вообще-то полицейская служба не так уж опасна, хотя и высокого начальства, и многие рядовые полицейские не прочь сгустить краски. Слов нет, полицейские не обходятся без травм; число несчастных случаев в полицейских тирах и на полигонах очень велико, но их всегда замалчивают. В остальном же работа эта не сопряжена с физической опасностью. Разве что спина заболит от чрезмерного сидения в автомашине. Множество специальностей куда больше рискованны. И не только в Швеции.

Так, в Англии с 1947 года в шахтах погибло 7768 рабочих, а полицейских было убито чуть больше десятка.

Возможно, пример нетипичный, но Леннарт Кольберг обычно ссылался на него, когда заходила речь о том, надо ли полицейскому носить при себе оружие. Ведь в Англии, Шотландии и Уэльсе полицейские, как известно, не вооружены. И должно же быть какое-то объяснение, почему это в малень-

кой Швеции случаев ранения полицейских гораздо больше.

С утра пораньше Мартина Бека настиг первый телефонный звонок, притом от человека, с которым он меньше всего желал общаться.

Звонил Стиг Мальм.

— Ну что, с твоим делом все ясно, — сказал Мальм.

— Как сказать.

— Разве нет? Насколько я понимаю, задача решена. Убийца сидит за решеткой. И сел даже раньше, чем был обнаружен труп. Хотя твоей заслуги в этом нет. Ну, так что ты скажешь?

— Разное. Есть еще невыясненные детали, — ответил Мартин Бек.

— Но вы же взяли убийцу.

— Я в этом далеко не убежден, — сказал Мартин Бек. — Хотя такая возможность не исключена.

— Не исключена? Все ясно как дважды два, куда уж проще.

— В том-то и дело, — убежденно произнес Мартин Бек. — Все может оказаться намного проще.

Кольберг вопросительно посмотрел на него. Они сидели в кабинете Рада. Сам Рад пошел прогуливать пса.

Мартин Бек покачал головой.

— Ладно, вообще-то я не за этим звоню, — сказал Мальм. — Можешь держать про себя свои загадочные соображения. Тут есть дело поважнее.

— Какое же?

— Ты еще спрашиваешь! Гангстеры скосили троих полицейских. И один головорез все еще находится на свободе.

— С этим делом я незнаком.

— Странно, странно. Ты что, не читаешь газет?

Мартин Бек не удержался:

— Читаю, но я не могу основывать свое суждение о нашей работе на газетных сообщениях. Мало ли какой вздор напишут, так уж всему и верить?

Но Мальм не вспыхнул.

— Эпизод просто возмутительный, — говорил Мальм. — Шеф, разумеется, страшно возмущен. Ты ведь знаешь, как близко он принимает к сердцу каждый случай, когда страдает кто-нибудь из наших людей.

Очевидно, на этот раз начальника ЦПУ не было в кабинете Мальма.

Конечно, сам по себе эпизод был ужасный. И показательный. Да только в передаче Мальма он сильно смахивал на один из тех выдуманных случаев, которыми в последнее время пичкали сотрудников в пропагандистских целях.

— Следует ожидать, что будет объявлен всешведский розыск, —

продолжал Мальм. — Пока что даже машина не обнаружена.

— Ну а как там на самом деле с нашими ребятами? — спросил Бек.

— Состояние двоих остается прежнему критическим. О третьем

наша новость и для него и для разыскиваемого.

Бек избавлен от задания, которое вынудило бы его то и дело слушать осточертевший голос начальника ЦПУ. А у преступника теперь есть все шансы благополуч-

врачи говорят, что у него есть все шансы выжить. Но в строй, конечно, вернется нескоро.

— Ясно.

— Итак, мы должны считаться с возможностью того, что розыск придется распространить на всю страну, — повторил Мальм. — Этого бандита надо схватить непременно и возможно скорее.

— Я уже говорил, что не в курсе дела, — ответил Мартин Бек.

— Я потому и звоню. Принято решение, чтобы я лично возглавил розыск, — сообщил Мальм. — На меня возложено руководство оперативным штабом.

Мартин Бек улыбнулся. Прият-

но улизнуть. Так что же, в конце концов, нужно Мальму?

Мальм прокашлялся и многозначительно сказал:

— Разумеется, ты продолжаешь доводить до конца порученное тебе задание. Но сейчас как раз в Мальме создается местная оперативная группа. Кроме того, у нас тут с утра прошло совещание.

Мартин Бек посмотрел на часы. Еще и восьми нет. Да, сегодня рабочий день в ЦПУ начался рано...

— Ну?

— Было решено немедленно подключить к этой группе Леннарта Кольберга. Зачем такому выдаю-

чемуся работнику заниматься делом, которое практически завершено.

— Минутку, — сказал Мартин Бек. — Ты можешь сам с ним поговорить.

— В этом нет необходимости, — отрезал Мальм. — Достаточно, если ты его известишь. Он должен немедленно выехать в Мальмё. Там розыскную группу возглавит инспектор уголовного розыска Монссон. Значит, ты передашь Кольбергу приказ... гм, известишь его?

— Я поговорю с ним.

— Отлично. Привет.

— Всего хорошего, — отозвался Мартин Бек.

И положил трубку.

— Ну, что этому типу надо? — тотчас спросил Кольберг.

Мартин Бек задумчиво смотрел на него.

— По-своему хорошая новость, — сказал он.

— А именно?

— Ты будешь избавлен от Фольке Бенгтссона.

Кольберг еще больше насторожился.

— А чем она плоха?

— Вчера утром около Фальстербу ранены двое полицейских. Третий тоже получил какую-то травму.

— Слышал.

— Ты должен явиться в Мальмё. Там организуют оперативную группу. Координирует действия Монссон.

— И то хорошо.

— К сожалению, есть в этом ложка дегтя.

— Начальник ЦПУ... — На круглом лице Кольберга отразилось нечто вроде ужаса.

— Чуть лучше.

— А именно?

— Мальм.

— Господи!

— Он во главе оперативного штаба.

— Оперативного штаба? Что это еще за штука — оперативный штаб?

— Вроде что-то военное. Полиция превращается в жандармерию.

Кольберг нахмурился.

— Когда-то мне моя служба нравилась. Но это было очень давно. Что-нибудь еще?

— Да, нет, вроде бы все. Тебе следует незамедлительно отправиться в Мальмё.

Кольберг покачал головой:

— Ну, Мальм, ну, змей. Ранены сотрудники... И этого клоуна поставили во главе оперативного штаба. Великолепно.

— Твое мнение о Фольке Бенгтссоне? Личное?

— По чести говоря, он невиновен, — сказал Кольберг. — Пусть он псих, но на этот раз он ни при чем.

На прощание Мартин Бек сказал:

— Смстри только, чтобы хандра тебя в гроб не загнала.

— Постараюсь, — ответил Кольберг.

Сидя в одиночестве, Мартин Бек пытался разобратся в своих мыслях.

На суждение Кольберга он полагался как на свое.

Кольберг не верит, что Фольке Бенгтссон задушил Сигбрита Морд.

Мартин Бек тоже в это мало верил. Но полной уверенности у него не было. Очень уж Бенгтссон странен.

Впрочем, в одном Мартин Бек был совершенно уверен: Бертиль Морд к убийству не причастен. Бени Скакке проверил данные о кораблях из записной книжки Морда. Перечень подтвердился. Решающей деталью было судно под фарерским флагом.

Вошел Рад, бросил шляпу на письменный стол, сел в кресло. Тимми поднялся на задние лапы и принялся лизать лицо Мартину Беку. Тот оттолкнул пса и спросил:

— Херрготт, ты совершенно уверен, что не знаешь никого по имени Кай и чтобы жену его звали Сисси? Невысокий, хилый, но загорелый? Светлые волнистые волосы, темные очки?

— На территории Андерслёвского участка таких нет, — ответил Рад. — Ты думаешь, это он прикончил Сигбрита?

— Да. Похоже, что так.

— Что ж, это даже к лучшему, если Бенгтссон не причастен. Похоже, людям не хватает его и его копчушки. И вообще я предпочел бы, чтобы убийца был не из здешних.

Он гнал машину все воскресенье и вечером очутился в местечке под названием Малександер.

Он избегал больших магистралей. Ему надо было на север, и он ориентировался по дорожным указателям, но без карты, и с его знанием географии то и дело путался.

Каспер, как называли парня, не отличался высоким ростом и крепким сложением, а спадающие на плечи волнистые светлые волосы делали его лицо совсем мягким, детским. Когда он водил машину, у него часто спрашивали права, не веря, что ему уже исполнилось восемнадцать. Его это всегда злило.

С правами у него все в порядке, они лежали в заднем кармане джинсов, выписанные на его собственное имя: Ронни Касперссон, родился 16.IX.1954.

Он спрашивал себя, что случилось с его товарищем. Он даже не знал, что тот вооружен. Может, он не убит и сейчас «стучит лягавым». А что он может им сказать, ему даже неизвестно настоящее имя Каспера. Да и сам Каспер едва успел с ним познакомиться.

Они встретились в Мальмё в пятницу вечером. Каспер приехал туда утром из Копенгагена. Собственно, он направлялся домой, в Стокгольм, но деньги кончились. В конце концов он в каком-то парке познакомился с ребятами, которые угостили его пивом. Одного из них звали Кристер.

Остальные ушли, а Кристер и Каспер остались. Посидели на скамейке, допили пиво. У Кристера тоже не было денег, зато была машина. Каспер не понял, собственная или нет, но Кристер показал ему ключи. Он жил в Мальмё, знал дачи, в которых можно пожить.

В ночь на субботу они рыскали на машине в пригородах. Первая попытка ограбить дачу не удалась, но затем они нашли другую дачу, заколоченную на зиму. Поели консервов, поспали часика два. Ничего ценного не нашлось, но они захватили две картины и гипсовую фигуру, которая стояла на пьедестале.

Затем вернулись в Мальмё, здесь Кристеру удалось украсть в магазине несколько долгоиграющих пластинок. Кристер живо был их знакомым. На вырученные деньги они купили пива и вина. До самого вечера то сидели в парке, то катались на машине.

— Сегодня махнем в район, где живут одни богатей, — сказал Кристер.

Район этот назывался Юнгхюсен, и по домам сразу было видно, что здесь обосновались люди состоятельные. Они проникли в два дома и забрали вещи, которые рассчитывали без труда сбыть. Телевизор, транзистор, два ковра — Кристер уверял, что настоящие, ручной работы. Взломали бар, взяли несколько бутылок спиртного. Им попались даже наличные: разбив копилаку, они насчитали три десятка новеньких монет по пять крон.

Словом, ночь выдалась удачная. И вдруг неведомо откуда эта полицейская машина.

Каспер в который раз проиграл в уме все, что произошло. Сперва появился молодой «лягаш» с пи-

столетом в руке, потом второй, постарше, который схватил Кристера, потом раздались выстрелы, и Каспер подумал, что стреляет первый полицейский. Потом он увидел, как один полицейский падает, за ним второй, и понял, что стрелял Кристер. Дальше всё шло очень быстро, Каспер перепугался и уехал...

На этом месте Касперу пришлось прервать воспоминания. Кончился бензин. Съехав с горки с выключенным мотором, он свернула за какие-то ветхие сараи и здесь оставил машину. Потом пошел по дороге дальше и вскоре добрался до маленького поселка. Услышал далекий вой полицейских сирен и опять перепугался насмерть. Он лихорадочно искал машину, которую можно было бы угнать, и наконец попалась подходящая. Она стояла в открытом гараже рядом с большой дачей, и двери оказались незаперты.

Каспер понимал, что рискует, — владеец мог неожиданно выйти из дому. Машина завелась легко, и он поехал дальше. Курсом на север. Домой. В Стокгольм.

Все свои девятнадцать лет Каспер прожил в Стокгольме. Строго говоря, не в самом Стокгольме — он родился и вырос в пригороде, там ходил в школу, там жил вместе с родителями до недавнего времени. Три года назад стал искать работу, правда, без особого рвения. Родители решили переехать, приобрели себе стандартный домик за городом, а он не захотел жить с ними и повел довольно беспорядочный образ жизни в столице. Он кормился пособиями и ютился либо у приятелей, либо у приятельниц — молодых разведенных жен, деливших с ним постель.

Мало-помалу попал в компанию, где жили, руководствуясь принципом, что преступление себя оправдывает, не надо только зарываться и делать глупостей, чтобы тебя не схватили. Участвовал в кражах со взломом, угонял машины, перепродавал краденое. Месяца два его кормила девчонка, которая приводела клиентов; пока она их обслуживала, он сидел на кухне и пил водку с фруктовым соком. В своей преступной деятельности он руководствовался двумя правилами: не торговать наркотиками и не носить оружия. Он был привлечен к ответственности только один раз.

Каспер не корил себя за свой образ жизни. Как и многие другие молодые, он не мог считать своим общественный строй, в котором ценность индивида измерялась только материальным благо-

получием и должностью и который вместе с тем не мог обеспечить молодежь сколько-нибудь осмысленной, порядочной работой.

Неподалеку от Катринехольма пришло время заправиться бензином. Он рассчитался блестящими пятикратными монетами. Заправщик повертел их в руках, разглядывая, потом положил в особое отделение в кассе и спросил:

— И не жалко с ними расставаться?

Каспер поразмыслил, что бы такое придумать, но ограничился тем, что пожал плечами.

Проехав еще часть пути, он остановился около киоска, чтобы купить сигареты, жвачку и газету. Идя к машине, пробежал глазами заголовки на первой странице.

Кристер убит, все трое полицейских живы. Полиция разыскивает Каспера по всей стране. Газета называла его «гангстером», «бандитом», «убийцей». Почему же вдруг «убийца»? Ведь он даже безоружен.

Он внимательно дочитал до конца репортаж. Ни Кристера, ни его не опознали, и машину не нашли. Полиция все еще разыскивает большой американский «шевроле», но ведь он не так уж надежно спрятан, его скоро найдут. Он отложил газету и долго сидел, пытаясь собраться с мыслями. Отступивший было страх снова овладел им. Он старался думать спокойно, последовательно.

В чем он виновен? Две кражи и угон машины. Стрелял не он. Даже если его задержат, это трудно доказать, а наказание за его собственные преступления будет не таким уж строгим. Каспер смял газету, бросил в канаву и поехал дальше. Он принял решение.

В первом же большом магазине он купил все необходимое для номеров старого типа. Выехал за город, свернул в лес, снял прежние номера и закопал в землю, заменил их другими и направился в сторону Сёдерталье.

Доехал до дома родителей, поставил машину в гараж. Если повезет и дальше, машина простоят тут несколько дней: отец Каспера работал разъездным агентом торговой фирмы, его подолгу не бывало дома.

Так и вышло. Он застал дома мать, отец же уехал до конца недели. Матери Каспер сказал, что одолжил машину у хорошего друга.

Мать очень обрадовалась сыну. Радость ее стала еще большей, когда он сказал, что думает побыть дома дня два.

Вечером он получил свое люби-

мое блюдо — бифштекс с луком и жареным картофелем, яблочный пирог с ванильным соусом.

Он рано лег и, засыпая на кровати отца, чувствовал себя почти в полной безопасности.

Утром двадцать первого ноября Гюстав Борглюнд умер в инфекционной больнице города Мальмё. Его доставили слишком поздно, и врачи ничего уже не могли сделать.

Зато Эмиль Элофссон и Давид Гектор выкарабкались во многом благодаря искусству хирургов. Конечно, обним досталось, особенно опасным было положение Элофссона — одна пуля прошла сквозь печень, другая рядом с поджелудочной железой.

Элофссон и Гектор были не в состоянии говорить ни в понедельник, ни во вторник, а Борглюнд ничего не знал — даже того, что его подстерегает смерть.

Успехи оперативного штаба ЦПУ были на уровне ожидаемого. Машина не найдена, убитый не опознан.

Борглюнд увенчал свою долгую карьеру, состоявшую из сравнительно безобидных промахов, тем, что испустил дух в среду, в четыре часа утра. Вест о его кончине за несколько часов дошла до ЦПУ. Она вызвала бурю чувств и длинную череду телефонных переговоров между Стигом Мальмё и полицмейстером Мальмё. ЦПУ требовало активных действий.

Под активными действиями ЦПУ подразумевало отправление во все концы автобусов с полицейскими в пуленепробиваемых жилетах и шлемах с плексигласовыми щитками перед лицом. Далее подразумевалось использование снайперов, автоматического оружия и бомб со слезоточивым газом; всем этим полицию охотно снабжала армия.

Леннарт Кольберг подразумевал под активными действиями разговор с людьми. Весь понедельник и весь вторник он пассивно наблюдал поток молодых людей, произвольно задержанных ревностными полицейскими. Кольберг был достаточно опытным сыщиком и знал, что человек, который полгода не ходил в парикмахерскую, далеко еще не кандидат в убийцы. К тому ж, насколько он понимал, об убийстве не было речи. Но после кончины Борглюнда все вошло в такой раж, что кто-нибудь должен был предпринять что-нибудь дельное. Поэтому Кольберг зашел за своей машиной в гараж при отеле «Св. Йорген», где обычно останавливались высокие полицейские чины, и отправился в

городскую больницу Мальмё. Он собирался переговорить с Элофссоном и Гектором.

Кольберг был человек закаленный, и все же его потрясло то, что он увидел в палате. Он еще раз поглядел на бумажку с адресом, который ему написал Пер Монссон. Все правильно. А что он находится в Швеции, ему и без бумажки известно.

Здание было выстроено в про-

шлом веке, и в палате стояло три десятка коек. Запах невыносимый, и вся картина сильно смахивала на перевязочный пункт во время Крымской войны. Не больница, а сплошной позор.

Он показал свое удостоверение медсестре.

— Вы ошиблись, — сказала она. — Они не в общей палате, им отвели отдельную, у нас их четыре. Каждая на две койки. Вы

можете сейчас поговорить с ранеными, — продолжала она. — Только не слишком долго. Элофссону больше досталось, но Гектор, пожалуй, дольше пролежит.

— Я постараюсь не засиживаться.

Войдя к коллегам, Кольберг убедился, что начальство позаботилось о своих раненых подчиненных. Цветы, шоколад, фрукты... Радио и цветной телевизор.

Гектор держался бодрее, хотя левая рука и обе ноги у него были подвешены.

Над Элофссоном висело сразу четыре капельницы, одна с кровью, другие с жидкостями разного цвета.

— Небось, несладко здесь валяться, — сказал Кольберг.

— Наш час еще не пробил, — отозвался Гектор.

— Парень, который в вас стрелял, убит.

— Да, это надо же, я его все-таки хлопнул, — оживился Гектор. — Сам лежал с двумя пулями, темно да еще коллега упал как раз между нами.

— Вспомнил имя, — вдруг сказал Элофссон. — Каспер.

— Каспер?

— Точно. «В машину, живо, Каспер», — сказал тот, который стрелял в меня. Точно, Каспер.

— Ты совершенно уверен?

— Абсолютно. Я же говорю, странное имя. Каспер — я никого не знаю с таким именем.

— Я тоже, — сказал Кольберг.

— И не «крайслер», а «шевроле». Светло-зеленая, а не синяя машина, нам неправильно сообщили.

— Так, — протянул Кольберг. — Понятно.

— Вот, а еще номер, — продолжал Гектор. — Они сказали, что буква А. То есть, понимай, стокгольмская машина со старыми номерами. И сказали — три шестерки. А на самом деле буква была Б и номер начинался двумя семерками. Потом еще какая-то цифра, а после нее, кажется, еще одна семерка.

— Я на этот счет ничего не могу сказать, — заметил Элофссон.

— Это очень важно, — сказал Кольберг. — Значит, зеленый «шевроле» зарегистрирован в Стокгольмской губернии, в номере две или три семерки.

— Вот именно, — подтвердил Гектор. — Я всегда стараюсь все примечать и редко ошибаюсь.

— Что верно, то верно, — согласился Элофссон. — Коллега всегда начеку.

— Ну и как же был одет этот Каспер?

— Темная куртка и джинсы, —

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА
НЕ ОДИНОКА...

Гипотеза, согласно которой звезда Барнарда имеет планетарный спутник и, следовательно, солнечная система во Вселенной не одинока, является теперь почти общепризнанной. Недавно один из ведущих исследователей звезды Барнарда — Питер ван де Камп (Спрульская обсерватория, США) — привел доказательства, что вокруг нее обращаются две, а не одна планета. Эти данные он получил после обработки 10 тысяч фотографий звезды Барнарда, сделанных в течение 30 лет.

В результате он пришел к выводу, что у обеих планет орбиты сильно вытянуты. Срок полного оборота вокруг звезды у одной из них составляет 11,5 года, а у другой — 22 года. Плоскости, в которых лежат эти орбиты, мало отличаются друг от друга.

Масса одной из планет согласно вычислениям ван де Кампа составляет 0,00094 массы Солнца, то есть близка к массе Юпитера. Масса другой планеты — приблизительно 0,00035 массы Сатурна. Ван де Камп все же согласен со своими оппонентами в том, что существование второй планеты несколько менее очевидно, чем первой.

ВЫШЕ ДЖОМОЛУНГМЫ

В учебниках географии сказано, что высочайшая вершина мира — это Джомолунгма (Эверест), ледяной пик, взметнувшийся в Гималаях на 8848 метров.

Это верно, но с одним уточнением. Все дело в том, от какого уровня мерить. Если от поверхности моря, то и вправду нет горы выше Джомолунгмы. Но тот, кто на этом основании считает Джомолунгму наибольшим «выступом» на Земле, все же не прав.

Дело в том, что Земля сплюснута с полюсов, а на экваторе утолщена кольцеобразной выпуклостью. Из крупных гор ближе всего к этой выпуклости, даже прямо на ней лежит, Чимборасо. Его вершина возвышается «всею» на 6272 метра над уровнем моря. Но к этой цифре нужно ведь еще прибавить высоту экваториального выступа Земли. Тогда эта гора — даже в Андах лишь десятая «по росту» — оказывается первой в мире: Чимборасо, как показали расчеты, при такой поправке выше знаменитой Джомолунгмы на 2181 метр. Если, разумеется, считать их высоту от центра Земли...

ответил Гектор. — Маленький, волосы светлые. И длинные.

— Теперь все так одеты, — заметил Элофссон.

Вошла младшая медсестра, она катила тележку с множеством пробинок. Пока она занималась Элофссоном, Кольберг отодвинулся в сторонку.

— Можешь еще говорить? — спросил он Гектора.

— Сколько угодно. О чем ты хотел спросить?

— Да как все происходило... Вы останавливаете их, выходите из машины. Перед этим ты успел заметить марку машины, цвет и номер.

— Все верно.

— А они что?

— Они тоже вышли. Коллега Эмиль посветил фонариком внутрь их машины. Потом схватил того парня, что стоял ближе. А тот начал стрелять.

— Тебя сразу ранило?

— Почти сразу. По-моему, первые пули коллеги приняли на себя. Все это так быстро произошло... А потом и мне досталось.

— Но ведь ты тоже мог выхватить пистолет?

— Он у меня был в руке.

— Значит, ты шел к машине с пистолетом в руке?

— Ну да, у меня было словно предчувствие.

— А парни в машине, по-твоему, видели твой пистолет?

— Должны были видеть. Но патрон не дослан. Не положено. Надо было дослать, прежде чем отстреливаться.

Кольберг бросил взгляд на Элофссона — тому стало совсем плохо. Исследование показало, что у Элофссона и Борглаунда патроны были досланы. Но ни тот, ни другой не стреляли, а Элофссон даже не расстегнул кобур, это точно установлено.

— Слушай, — окликнул Кольберга Гектор. — Тут поговаривают, будто Гюстав Борглаунд убит. Это правда?

— Правда, — сказал Кольберг. — Умер сегодня утром.

Кольберг видел, что Элофссон совсем обессилен, но требовалось задать еще несколько вопросов.

— Вы заметили, они оба в вас стреляли?

— Мне казалось, второй тоже стрелял, — ответил Элофссон. — В тот момент, когда все это происходило, я был уверен, что оба стреляют. Потому что за спиной у меня звучали выстрелы. Но теперь получается, что это коллега стрелял.

Кольберг снова повернулся к Гектору:

— А ты что скажешь?

— Уверенно могу сказать только, что длинный брюнет стрелял в Эмиля и меня, когда мы на земле лежали. Затем я услышал, как машина сперва развернулась, потом рванула с места.

— Значит, никто из вас не берет точно сказать, что светловолосый стрелял? Может, у него и оружия не было?

— По-моему, нет, — сказал Гектор. — Я ничего такого не видел.

Элофссон промолчал. Похоже было, что он дремлет.

Кольберг смотрел на Гектора. В уме у него вертелся один вопрос: «У тебя всегда бывают такие предчувствия? Что ты сперва выхватываешь пистолет, а потом задаешь вопросы?» Но сейчас не время выяснять такие вещи.

— Ладно, ребята, я пошел, — сказал он. — Поправляйтесь.

Беседу с ранеными он расценил как полезную и поучительную.

В полицейском управлении Мальме Пер Монссон перекусил пополам зубочистку, швырнул в мусорную корзину и сказал:

— Вот это номер. Трое суток разыскиваем по всей стране не ту машину. Не та марка, не тот цвет, не та буква, не те цифры. Полный набор.

— Отчего умер Борглаунд? — спросил Кольберг.

— Убит в связи с перестрелкой, — произнес Монссон с каменным лицом. — Так будет написано в газетах.

Он достал из нагрудного кармана новую зубочистку, не спеша снял с нее целлофан.

— Вот, у меня тут все точно записано во избежание недоразумений.

Он протянул Кольбергу листок, и тот прочел:

«Полицейский Гюстав Борглаунд, 37 лет, скончался сегодня утром вследствие травм, полученных им в связи с перестрелкой между полицией и двумя вооруженными головорезами в Юнгхюсен. Еще двое полицейских были тяжело ранены в той же перестрелке. Однако их состояние можно считать удовлетворительным».

Кольберг положил листок на стол.

— Отчего он умер на самом деле?

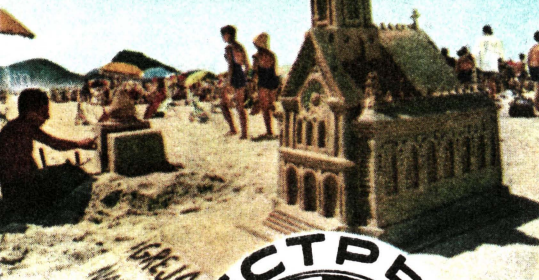
Монссон невозмутимо уставился в окно и сказал:

— Его ужалила оса.

Продолжение следует

Сокращенный перевод со шведского Л. ЖДАНОВА

ДВОРЦЫ НА ПЕСКЕ

Январь... Жара... Разгар лета... Да, именно так, ибо Бразилия, как известно, лежит в южном полушарии. Для многих «кариокас» — так зовут себя рио-де-жанейры — без ежедневного погружения в атлантические волны жизнь становится просто невыносимой. А после купания можно и на пляже немного отдохнуть. Так что оценить песочные творения этого способного архитектора есть кому...

За несколько часов готов великолепный собор. А вот уже и миниатюрный Тадж-Махал в стадии «возведения». Правда, необходимо все время помнить об известной поговорке: уж если строить на песке что-нибудь — дело ненадежное, то из песка и подавно. Набегит тучка, хлынет дождь, — и от зодчества не останется и следа. Так что остается надеяться на «милость погоды»: ведь как-никак январь — разгар лета...

ШУМНЫЕ БЕСШУМНЫЕ ЧУДОВИЩА

Кто на руках летает, цвета не различает, видит ушами, а спит вверх ногами? Ответ на эту загадку такой: совокупностью перечисленных свойств обладает только одно существо — летучая мышь.

Разновидностей этих животных очень много — около девятисот, и способы питания у всех разные. Одни едят насекомых, другие — небольших рыбешек, третьи питаются исключительно пыльцой и нектаром цветов. Наконец, есть такие, чья любимая пища — кровь крупных птиц и млекопитающих, они зовутся вампирами.

Несмотря на свой ужасный вид, страшилище, которое мы приводим на фотографии, вполне безобидное: его меню чисто фруктовое. И имя соответствующее — летучая мышь фруктоядная (такие водятся в Африке). Обычно у рукокрылых летунов глаза маленькие и подслеповатые, а уши большие: они ориентируются в полете с помощью своеобразного сонара, ультразвукового биоустройства. Плодоядные летучие мыши, и наше чудовище в том числе, — исключение: для отыскания съедобных фруктов им нужно отличное зрение. Ультразвуком они, правда, тоже пользуются. И, между прочим, очень хорошо, что ультразвуком, человеческому уху недоступным. Иначе жизнь людей вблизи мест обитания и охоты летучих мышей была бы невыносимой: ведь у некоторых видов мощность сигнала достигает 145 децибел. Именно такой шум, но уже в слышимом диапазоне, производит при взлете... реактивный самолет.

ФАНТАЗИЮ — В ПРАКТИКУ!

Создатели дирижабля, изображенного на снимке, — художники-декораторы, а предназначался он для фильма английского режиссера Бьюканана «Борьба за полюс». В картине рассказывается о вымышленном путешествии к Северному полюсу, которое было совершено в начале века. Но вот ведь какая проблема: съемки кончились, а пускать уникальный режиссер на слом жалко. Дирижабль продали в один из парков, где он стал «гвоздем» аттракционов. В один прекрасный день «бутафорию» увидел Сэм Тиффани, полярник, не раз летавший в высокие широты. Увидел, покатался... и вдруг понял: на аппарате действительно можно отправиться к полюсу, дирижабль вполне надежен. Сэм Тиффани напечатал в газете «Пипл» объявление, в котором приглашает желающих составить экипаж для полета на фантастической машине. Дело теперь — за финансами.

РОМЕО, ДЖУЛЬЕТТА И ТРИ БАЛКОНА

Что делали пылкие влюбленные в средние века, если предмет их страсти не отвечал взаимностью? Известно, что: они брали в руки лютню (в более поздние времена — гитару) и ночь напролет распевали под заветными окнами серенады. В XX веке ухаживание стало более изысканным. Вот, например, история двадцатилетнего Ромео из Анкары, курсанта летной спортивной школы Нафиза Каграмана.

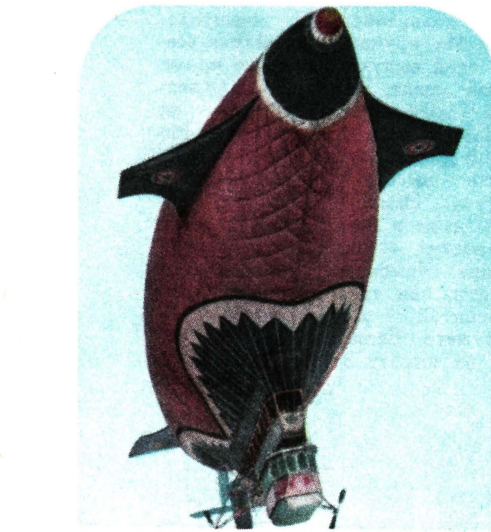
Чтобы поразить свою возлюбленную до глубины души, он решил проделать над ее домом несколько замысловатых фигур высшего пилотажа. Беда была в том, что Нафиз только еще учился и все премудрости авиационной науки постиг не успел. На очередном выраже он зацепил крылом крышу четырехэтажного здания, и самолет, сорвав по пути три балкона, рухнул на землю. К счастью, жертв не было. Не пострадал, как это ни удивительно, и сам пилот: отделался несколькими ушибами и царапинами. А придя в себя, он тут же поклялся заплаканной невесте, что впредь будет «использовать» балконы по старинке: кяманча, серенада и прочее.

ЯСНЫЙ ЧАЙ

О том, что Индия дает треть мирового производства чая, можно прочитать в справочнике. А вот о том, что добрая половина этой трети проходит через безликое десятиэтажное здание в центре Калькутты, — знает не всякий чаелюб. В здании этом проводятся чайные аукционы, но так как купить чай, не оценив его достоинств, невозможно, то дегустируют напиток тоже здесь.

Тысячи оптовых партий проходят ежегодно через Калькутту, а ведь чай чаю рознь. Поэтому титестерами разработана сложная система оценок. Вот чай разлит по чашкам — грамм заварки на 50 граммов кипятка, — постоял шесть (ни больше, ни меньше) минут, дегустаторы обсудили цвет, и, наконец, первый глоток...

«Так... — раздается голос, — чай ясный, крепкий, густой...» «А этот — тусклый, откровенный, жидкий...» Есть даже такая оценка — «сундуный» (чувствуется деревянный привкус от коробки, в которой хранился образец). А вот самый плохой чай — это «сырный»: мало того, что в коробке долго хранился, еще и дерево некачественное попало — «сыром» отдает.

ЧТОБЫ ДАЛЕКО НЕ ХОДИТЬ

Крохотную республику Андорра ежегодно посещают около трех миллионов туристов. Эта цифра сама по себе еще ни о чем не говорит. Но вот если разделить ее на количество душ коренного населения — 25 тысяч, — то получится достижение рекордное. Приезжают сюда главным образом по двум причинам. Первая: снег в Пиренеях держится почти полгода. Вторая: товары в Андорре продаются беспощадно. Других достопримечательностей в республике вроде бы нет. Именно это обстоятельство не давало покоя местным архитекторам. Вот они и решили: что, если построить в Андорре исторические памятники, на фоне которых так любят фотографироваться туристы? От идеи до реализации далеко не один шаг, но кое-что уже сделано. Например, готовы парижская Триумфальная арка, лондонский Биг Бен, Пизанская башня с требуемым наклоном, луарский замок Людовиков и многое другое.

Архитекторы предложили использовать для возведения знаменитых сооружений современные дешевые стройматериалы и подсчитали, что расходы окупятся за пять-шесть сезонов. «Туристам незачем будет гоняться по свету, — считают они. — Ведь в Андорре каждый найдет все, что душа желает, и к тому же по умеренным ценам».

ПАЛТУС ИДЕТ НА ЗМЕЯ

Что может быть общего между рыбной ловлей и воздушным змеем? Казалось бы, ничего. Однако, если тот же вопрос задать гренландским эскимосам, они не будут столь категоричны.

Рыбаки, живущие по берегам залива Диско, промышляют палтуса. Рыба эта донная, водится на глубине шесть-восемь метров и более. Разумеется, с обычной удочкой к ней не подступишься. Поэтому эскимосы с давних времен применяют свою снасть, ни на что другое не похожую. Основу ее составляет толстый канат длиной до... полутора километров. К одному концу привязывают сотню или две поводков с крючками, насаживают приманку — мойву, затем прикрепляют небольшое каменное грузило и плоскую металлическую пластину. Теперь всю систему — этаким гигантским «самодуром» — можно опускать под лед. Пластинка будет подхвачена течением, и ее унесет далеко в сторону от полыньи. А когда стравят рыбаки канат на полную длину и крючки поплывут над самым дном, можно ждать поклевки. Чем не воздушный... то бишь, подводный змей?

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1897-1898гг.

КОВАРСТВО ВИНОДЕЛОВ

Известно, что любители старого вина платят большие деньги за бутылки, выдержанные в погребах, а потому покрытые «вековой» пылью и паутиной; до последнего времени считалось, что эта почтенная внешность бутылки лучше всего ручается за достоинства ее содержимого. Но теперь оказывается, что в Америке и отчасти во Франции появилось новое и довольно доходное занятие, состоящее в разведении пауков с предосудительной целью. По словам американских газет, в окрестностях Филадельфии находится самая обширная «ферма», на которой воспитывается более тысячи пауков. Их затем продают по 60 франков за сотню, а покупателями являются недобросовестные виноделы, желающие придать своим бутылкам «старый» вид и сбывать вино по выгодной цене. Купленных пауков пускают в погреб, где лежит вино, только что разлитое в бутылки, и по прошествии трех месяцев они оказываются завернутыми по самую пробку в ту мягкую и пыльную ткань, при виде которой у гурманов во рту текут слюнки.

УДИВИТЕЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Марками теперь никого не удивишь, и в наше время любой гимназист имеет альбом с «серьезной» коллекцией почтовых знаков. Гораздо оригинальнее идея, пришедшая в голову одному французскому писцу, служившему в морском ведомстве: этот скромный труженик искал какого-нибудь развлечения от канцелярской скуки и начал собирать все те... кляксы, которые он делал на казенных бумагах. Бедному человеку такое занятие гораздо доступнее, чем собрание эмалированных табакерок или палок с вычурными набалдашниками, и за время своей тридцатилетней службы французский писец обзавелся великолепной коллекцией самых причудливых клякс, которые ему ничего не стоили, если не считать начальнических нагоняев. Но маленькому человечку к этому не привыкать стать, и наш писец не унывал: портил казенную бумагу, вырезывал из нее кляксы и наклеивал их в особый альбом.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ВЕСТИ С МАРСА

Американский астроном Иеремия Макдональд, возвращаясь к себе около часа ночи, был вдруг поражен сильным блеском, и в то же мгновение какой-то предмет, упав с неба, глубоко зарылся в землю недалеко от почтенного и очень смущенного Иеремии. Несмотря на поздний час, американский астроном немедленно приступил к раскопкам и извлек из земли какую-то металлическую массу сероватого цвета и сильно раскаленную. Ей дали остыть, и тогда на ее поверхности можно было различить какие-то знаки, похожие на письменные. Догадливый американец сейчас же сообразил, что это полновесное послание, чуть было не отправившее его на тот свет, прилетело к нам с Марса, жители которого желают вступить с нами в более близкие сношения. Жаль только, что мы пока еще не имеем возможности ответить любезностью на любезность и послать жителям Марса нашу визитную карточку такого же сногшибательного свойства. К тому же и никто не знает, не исключая даже и самого Иеремии Макдональда, чего от нас хотят обитатели этой далекой планеты. Приходится поэтому кликнуть клич и созвать археологов и разных других «логов», могущих разрешить этот вопрос и разработать присланные нам иероглифы.

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ КАШЕМИРОВОЙ ШАЛИ

В этом году она может праздновать столетие со дня своего появления во Франции. В 1798 году кашемировой шалью заинтересовалась будущая императрица Жозефина, а так как она была тогда законодательницей французских мод, то с ее легкой руки кашемировая шаль постепенно вошла во всеобщее употребление не только во Франции, но и во всей Европе. Но в начале этого столетия обзаводиться кашемировыми шальями могли только богатые люди, ибо они стоили от 7000 до 15 000 франков штука. Дорогая кашемировая шаль оставалась в милости у богатых модниц до коронации Луи-Филиппа, когда англичане взяли за ум и пустили в продажу дешевую подделку под настоящую кашемировую шаль. С этого момента она делается доступной для небогатых людей, и от нее отворачиваются все те, кто считает себя выше толпы. Но в Индии кашемировая шаль и по сей день пользуется большим почетом и неизменно фигурирует среди тех драгоценностей, которые в виде дани посылаются индийскими князьями королеве Виктории.

В. ОРЛОВ — Звездная вахта	2-я стр. обл.
ЕВГЕНИЙ БАБЕНКО — Латинский квартал, весна...	6
ВЛАДИМИР ВЕСЕНСКИЙ — Слезы богини Фуры	11
Е. ПОПОВ — Там, где кончается Гольфстрим	19
ОЛЕГ ЛАРИН — Красная земля Тимана	20
Л. АЛАЕВ — Пошатнувшаяся пирамида	24
Новости экологии	29
АРХАНГЕЛЬСК — ДИКСОН: ИДЕМ НА КАТЕРЕ «ЗАМФРА»	
Е. ФЕДОРОВСКИЙ — Бремя дорог	30
ВЛАДИМИР САВЕЛЬЕВ — Харасавэй — Диксон	35
ДЖИН ШЕПАРД — Что произошло с нашими праздниками?	38
Р. ИТС — Серая Рысь из племени Чернокаменных	40
В. КОНСТАНТИНОВ — Пряник тульский, печатный	46
В. ЕГОРОВ — «16-91» не вернулся	49
С. БАРСОВ — Акулы «спальни»	51
Загадки, проекты, открытия	55, 77
НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ — Преследование	56
М. ДЭВЛЕТ — Наскальная летопись Енисея	64
МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЁ — Подозревается в убийстве...	69
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Т. БАТЫРКУЛОВ — Таш упа	80

На первой странице обложки: **МАЛИ. Город Мопти** — древний торговый центр в среднем течении реки Нигер. Караваны верблюдов и сейчас доставляют сюда с промыслов Сахары пластины неочищенной поваренной соли. А дальше, по рукавам и протокам Внутренней дельты, выменянные на соломенные циновки и специи, горшки и ткани, просо и сушеную рыбу, пластины соли развозят на пирогах.

В номере использованы фотографии из журналов «Аргоси» (США), «Атлас» (Франция), «Нэшнл джиографик» (США), «Экспресс» (Франция).

Главный редактор **А. В. НИКОНОВ**

Члены редакционной коллегии

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), **Г. В. МАКСИМОВИЧ** (ответственный секретарь), **Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ**

Оформление **А. Гусева и Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
 Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

© «Вокруг света», 1976 г.

Сдано в набор 3/VI 1976 г. Подп. к печ. 14/VII 1976 г. А07363. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (учл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 500 000 экз. Зак. 1003. Цена 60 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

Слово «таш» в переводе с киргизского означает камень, «упа» — пудра. «Таш упа» — значит пудра из камня.

Киргизские женщины веками жили в отдаленных горных местностях, куда никогда не добирались из городов торговцы парфюмерией. Но это не значит, что женщины горных ущелий не умели прихорашиваться. Они все делали сами — и не только пудру, но и разноцветные лаки для ногтей, черные краски для ресниц и бровей, красную краску для лица.

Что же это за камень, из которого готовилась пудра? Обыкновенный камень сероватого цвета — в горах Средней Азии он встречается повсюду. Измельчить этот камень нетрудно, он состоит из очень тонких слоистых пластов. Его кляли в ступу — углубление на каком-нибудь плоском и твердом камне — и толкли продолговатым, тоже каменным, пестиком.

Потом порошок просеивали через частое сито, заливали овечьим молоком и кипятили десять-пятнадцать минут. После этого густую массу процеживали и сушили на воздухе. Когда пудра принимала слегка желтоватый оттенок, ее считали готовой.

Да, но почему каменный порошок кипятили в овечьем молоке? На высокогорных пастбищах, где даже в самый разгар лета выпадает снег и идут частые дожди, где сильны ветры, руки и лицо быстро грубеют. Женщинам нужна была не просто пудра, которая могла бы только отбелить лицо, а пудра-лекарство для растрескавшейся кожи. Ее пробовали кипятить в коровьем, кобыльем, козьем и яковом молоке, но самым качественным оказалось все-таки овечье. Масса, сваренная на нем, хорошо впитывалась в кожу. Огрубевшие и почерневшие лица девушек и женщин делались мягкими, шелковистыми и блестящими. Этой же пудрой обрабатывали и тело младенца, ее сыпали на ожоги, она хорошо осушала волдыри и стягивала края порезов.

Каменной пудрой пользовались не только женщины, но и мужчины. Киргизские воины прошлых веков, отправляясь в походы, брали ее с собой, чтобы присыпать раны на поле битвы. Если пудра «ушла» с лица женщин Таласской, Чуйской, Иссык-Кульской долины, горного Тянь-Шаня, а также тех районов, которые соседствуют с Узбекистаном — и ушла примерно лет двести тому назад, — то в ряде высокогорных труднодоступных областей ею пользовались вплоть до 1925 года. После организации здесь магазинов и медицинских пунктов она уступила место городской парфюмерии, а потом вообще забылась.

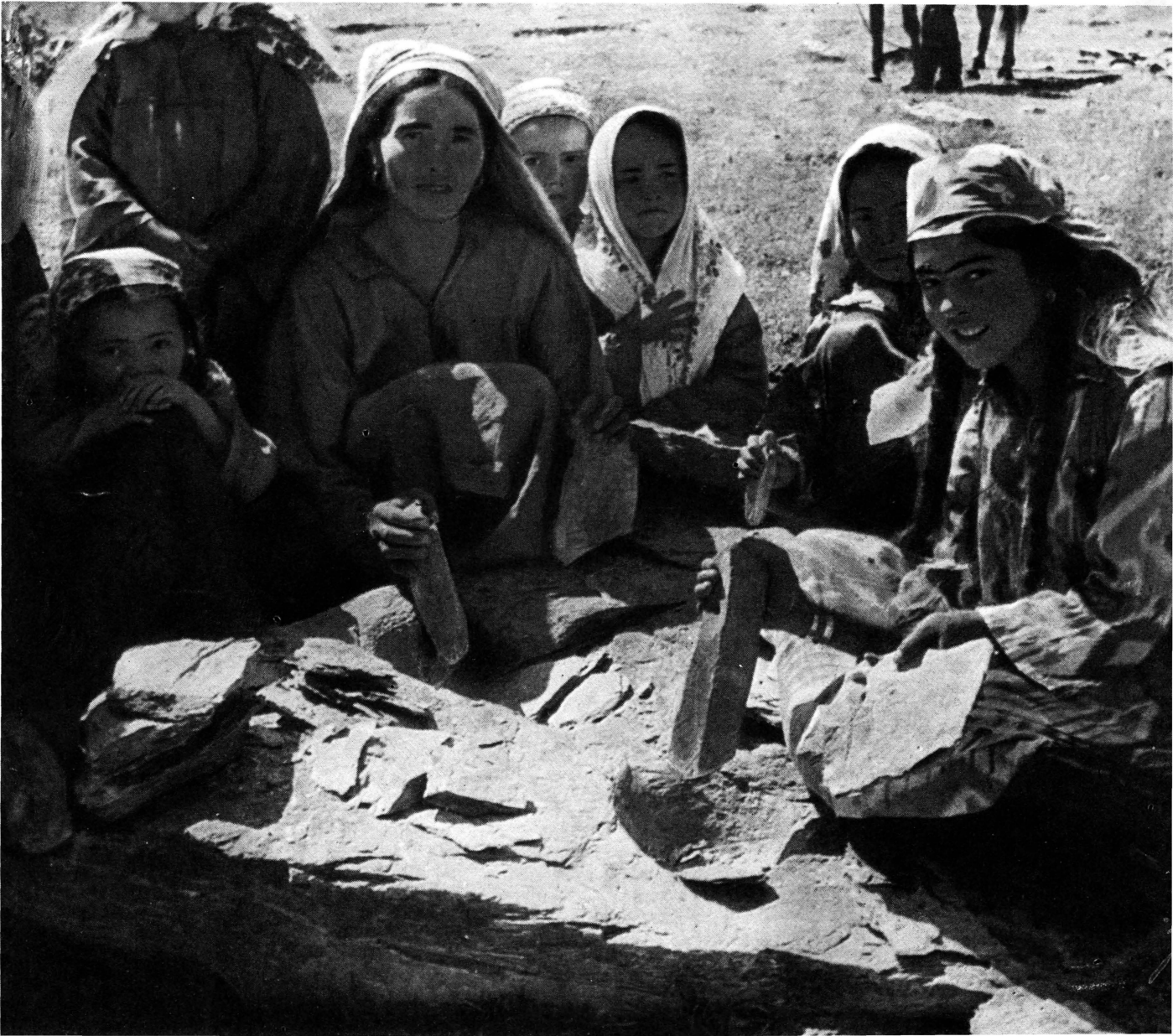
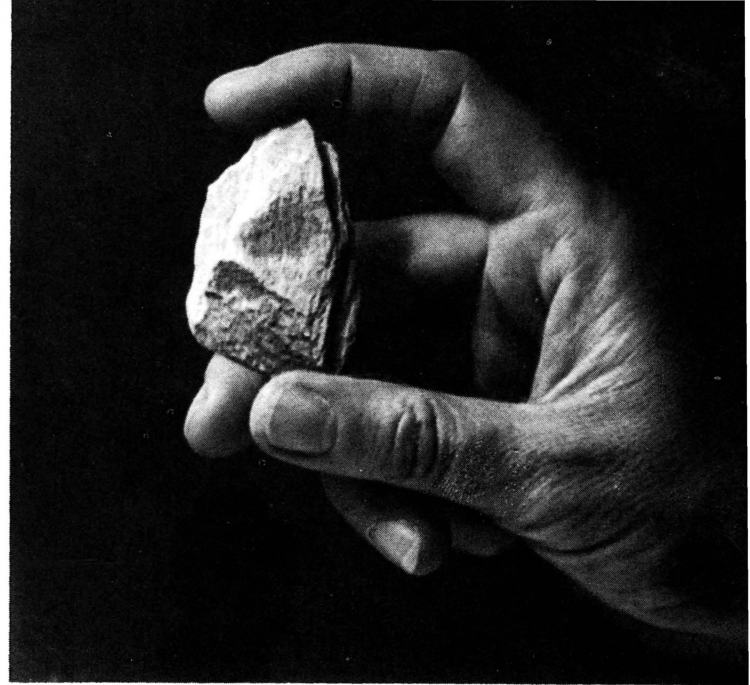
Теперь каменная пудра живет лишь в воспоминаниях пожилых женщин, превратилась в легенду: дескать, когда-то делали «таш упа, таш дары». Но мало кто знает, из чего и как делали пудру. Правда, кое-где сохранились названия местностей, связанных с производством каменной пудры. Например, Упалы, где, кстати, и сделаны эти фотографии...

В Душанбе я заходил в музей геологии, показал геологам этот камень. — Это может быть хлорит-серпентиновый сланец. В горах он действительно встречается везде и всюду, — определили они по внешнему виду.

Неплохо было бы проверить этот камень лабораторным способом и выяснить, можно ли использовать его и сейчас.

Т. БАТЫРКУЛОВ
 Фото автора

Цена 60 коп.

Индекс 70142

ЮГ
СЛА
ВИЯ

СССР

путник

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА СССР

11-51 W